

Ad Astra

Светица
Царстводней

Annotation

Быть девятой женой всеильного Императора очень скучно. Как можно стать идеальной правительницей, когда цвет твоего флага розовый, а сама ты должна следовать образу наивной феи в пышном платье? Меня тошнит от этих цветов и рюшек, тошнит от заговоров против моей персоны, тошнит от навязчивых фаворитов (мне и своих хватает). Этим глупым, жадным, лесным созданиям невдомек, что в прошлой жизни в моём сердце были лишь тяжелый рок, черепа и песни о кладбищах. Слышишь меня, судьба? Я узнаю причину смерти предыдущего обладателя тела и сделаю все по-своему.

На заметочку всем заглянувшим

Дорогие читатели!

В первую очередь, это юмористическое произведение, призванное (по возможности, ну, я буду стараться) поднять настроение. Нецензурная лексика, курение, распитие алкоголя — все это будет в книге, а точнее, в самой главной героине. Жанр попаданок уже порядком заезжен, хотя не отрицаю того факта, что он не надоедает и читать его, в целом, интересно. НО. Так как пойти по чему-то стандартному я не могу (и мои читатели это знают. Спасибо им за терпение), то и произведение это будет такое же. Не верьте в то, что главная героиня придет в новый мир и станет там олицетворением добропорядочности и морали. Сыграем на контрастах.

Что насчет романтики, спросите вы, и я отвечу, что она на месте. Довольно странная, сложная, местами извращенная, но, какая есть. Многомужество? Отбой. Вместо него система фаворитов. Приключения? Гарантированы. Дворцовые интриги? Обеспечены. Нестандартное решение стандартных ситуаций? Уже оплачено. Если вы думаете, что я не впишу сюда любимую драму, то сильно ошибаетесь.

Не рекомендовано читать тем, кто любит только классику, и тем, кто постоянно что-то пьет при чтении книг (от греха подальше, как говорится). Если это не про вас, если вы любите подобное или вам в принципе на все по барабану, то я рада приветствовать вас на этих измученных страницах. Буду ждать комментариев, пожалуйста, не поленились поделиться своим мнением, ведь только так я и могу его узнать.

Внимание! Спасибо за внимание. И пусть солнце сияет над вами.

Позор № 1

Розовые комнаты. Розовая посуда. Розовый трон...

Розовая одежда. Розовые волосы. Розовые слезы.

Розовые сопли... Черт возьми, я уже боюсь смотреть в унитаз!

В моей прошлой жизни не было места этому излишне мечтательному цвету. Я приняла его лишь однажды, когда рассматривала в детстве картинки глотки прежде, чем мне вырезали аденоиды. Отчего-то там их поместили именно розовым.

Мне кажется, я сойду с ума. Меня мало тяготит странное перерождение с побочным эффектом в виде новой жизни в чуждом фантастическом мире. Мой друг Гнида однажды ударился в буддизм, узрев в идее реинкарнации нечто невообразимо правильное. Я мало что запомнила из его словесного пьяного салата, но пункт с кармой был занимательным. Во всяком случае, полагаю, именно её я и отрабатываю в этом саду лепреконов.

Не считите за грубость, но здешний интерьер — пример того, как обустроить психбольницы, чтобы усугубить состояние пациентов. Думаете, я преувеличиваю и вытворяю из резинки дирижабль? Весь мой замок розового цвета! Флаг с нелепыми цветами такой же! Но что ещё хуже, так это вечно сияющая в небе радуга, по которой можно ходить. Попахивает диснеевским мультфильмом, не находите? Нет? Тогда я соизволю встать со своей розовой постельки и предстать перед вами. Видите эту миниатюрную хрупкую фею с маленькой короной набекрень? Ах да, у меня пышное розовое платье с оборками до колен и белые чулки. Я сижу в замке, занимаюсь искусствами, пою с животными и питаюсь сладостями без вреда для зубов. Попахивает диснеевской принцессой, не так ли?

Знаете, как меня зовут? Конечно же, нет. Поверьте, моя бы воля, я бы и сама не желала этого знать. Такое удивительное и эфемерное существо как я зовут Сисиль Ебельмания, а всё потому, что феи с рождения привязаны к одному конкретному растению. Вот моё, например, Ебельмания желтошиповая. Редкое растение с редким целительным даром и с редкой способностью наделять своего носителя вечным позором. Однако, как я успела убедиться, местным жителям невдомек нецензурная лексика моего мира, а потому моя душа будет изнывать исключительно изнутри.

Я говорила, что у меня розовые волосы? Они волнистые, шелковые на ощупь и струятся до самых ягодичек, никогда не запугываясь. Вот она, магия! Вы только не отменяйте фантазию, залитую одним цветом, — глаза-то у меня голубые, да и картины на стенах нарисованы обычными красками, а посему в этом сумасшедшем доме есть иные тона. Но какая же я все-таки смазливая! И губки бантиком, и щечки румяные, и носик аккуратный, и ресницы длинные, и вся я такая миниатюрная — прям мечта педофила. В прошлой жизни я была высокой, а теперь чуть больше полторашки.

Мне не нравится этот образ. Каждый раз, как передо мной возникает зеркало, я хочу смотреть на жгучую брюнетку с дерзким взглядом, а не на выращенное в саду растение, которое в ходе эволюции потеряло грудь. Мне очень нравится черный цвет — он был негласным символом нашей рок-группы, где я выступала в качестве солистки. Наш стиль называли готикой не только из-за внешнего вида, но и из-за того, что пение мое было оперным. Не сочетаемые вещи вдруг оказались крутыми, и мы путешествовали из города в город, чтобы прославиться. Хорошие были времена. Но, хоть тресни, я не помню, что со мной произошло. Свет померк, и меня выбросило в космос, где я начала говорить со звездами. Неплохой рассказ для психотерапевта, верно? Кажется, меня спросили, хочу ли я жить. Безусловно, мой ответ был положительным.

И вот я здесь. Сажу на пуфике и на успокоительных.

— Госпожа Сисиль, Госпожа Сисиль!

Ох, как же дергается мой глаз. В этой госпоже Сисиль нет ни намека на сисиль. Кажется, слуги эту девушку, в самом деле, обожают и почти боготворят. Хотя, если быть точнее, то один конкретный слуга.

— Как вы себя чувствуете, Госпожа Сисиль?

Его беспокойство мне понятно. Меня нашли в саду с разбитым лбом и посчитали мертвой, не обнаружив ни пульса, ни дыхания. Я совсем не помню тот день, но, по словам слуги, я вылезла из гроба и пошла на собственные поминки, чтобы выпить. Каюсь, это дело я действительно люблю. После того случая я вновь отключилась на три дня, очнувшись лишь позавчера, и состояние моё, скажем мягко, нестабильное.

— Госпожа Сисиль, я так счастлив!

— Прекрати плакать, я тебя умоляю.

Это Подсолнух. Он в замке главный дворецкий, и по совместительству статный дедуля с красивой сединой и минимумом морщин. Его навыки поистине удивительны и сам он опытный маг, хотя я понятия не имею, откуда мне известна подобная информация. Подсолнух всегда одет в черный костюм (за что я уже ему благодарна) и следует за мной, как молчаливая тень, готовая выполнить любой приказ. Все перечисленные выше навыки не мешают ему быть плаксивым: из-за постоянных слез его усы всегда мокрые.

— Вы так страдаете, так страдаете, моя Госпожа! За что вам всё это!

— Вытри усы, Подсолнух.

— Госпожа, какая же вы великодушная! Как плакали ваши подданные, когда вас положили в гроб!

— Он тоже был розовый?

— Безусловно, это же ваш любимый цвет!

Черный — вот оттенок моей души, а розовые гробы в блестках — извращение. Что за гламурные похороны? Неудивительно, что я, будучи незадавшейся покойницей, поспешила покинуть собственное мероприятие.

— О, Госпожа Сисиль, ваш народ считает вас воскресшей! Но как же вы страдали, как же вы мучились. Нет большего наказания для вашего покорного слуги, чем не иметь возможности помочь Госпоже!

У меня было немного времени, чтобы принять свой статус и вникнуть в происходящее, но основную грубую суть я поняла. Это совершенно иной мир, в котором есть всё, что придумали простые смертные. Законы физики здесь весьма сомнительны, а территориальное устройство списано со страниц фэнтези книг. Поистине жизнь с чистого листа с учетом одной значимой детали — мои воспоминания о прошлом остались со мной, пускай и в мутном виде. Более того, они ужасным образом сплелись с воспоминаниями настоящей Сисиль, хотя этого утверждать наверняка я не могу. Картинки сами возникают в голове, стоит мне увидеть что-то новое.

После допроса Подсолнуха и прекрасной имитации амнезии, я узнала, что вообще-то замужем. Муж мой не пальцем деланный, он — Император страны, поделенной на десять секторов. Центральный регион, безусловно, отведен Его Императорскому Величеству, тогда как остальными управляют его жены. Их девять, и я удосужилась стать последней. Не помню никого, но смутно ощущаю, что у прошлой Сисиль были неисчерпаемые проблемы. Я начинаю чувствовать себя шизофреником.

— Госпожа Сисиль, как вы себя чувствуете?

— Фигово.

— Как?

— Плохо.

— О, моя бедная Госпожа, почему ваша доброта не окупается, за что вам это все!

Слово «добрая» столько раз прозвучало за этот разговор, что мне стало не по себе. Не отрицаю это качество и вполне разумно считаю его благородным, однако, добрых правителей, в частности правительниц, не бывает. Быть может, этот мир исключение, и моё необоснованное волнение напрасно, но все больше складывается у меня мнение, что госпожа Сисиль была сколь наивна, столь слабохарактерна. Эти черты вполне соответствуют её образу.

— Эй, Подсолнух.

— Да, моя достопочтенная Госпожа!

— Я хочу пройтись.

— Но Госпожа, вы так слабы, так болезненны! Умоляю, оставайтесь в кровати, поберегите силы! Прошу вас, сердце старого Подсолнуха не выдержит!

Из воспоминаний прошлой хозяйки я помню, что дедуля был с ней с самого детства. Род Ебельманий (хоть бы не заплакать) считается знатным родом среди фей, поэтому Сисиль та еще аристократка и буржуйка. Подсолнух — самый преданный слуга, что в свое время пеленки стирал и в куклы с ней играл. Буду опираться на него, пока окончательно не пойму, что к чему.

— Если я буду чаще выходить на воздух, то быстрее поправлюсь. Сидеть в четырех стенах тоскливо, понимаешь?

— О, моя Госпожа, позвольте мне сопроводить вас.

— Куда ж я без тебя, дед.

Мы покинули комнату и вышли в коридор, где я ослепла от количества блесков. Здесь блестели даже растения, которым впору завянуть от такого количества красоты. Везде мои портреты или картины единорогов, повсюду небольшие столики, уставленные кучей сладостей. Сойти с ума и помереть от диабета — вот, как это называется. Настоящий замок для куклы по имени Барби. Но вот, что странно: в этом апофеозе шизофрении повсюду лежал толстый слой пыли, будто бы тут никогда никто не убирался. Я спросила об этом у Подсолнуха, и тот поспешил рассказать мне о служанках, которым я лично подарила пять выходных в неделю с сохранением прежней зарплаты. Это что ещё такое? Это вот это называется добротой?

Дедуля провел меня на первый этаж, где я попала в первый бальный зал золотого цвета. Шило на мыло. Смене обстановки я не была рада совершенно. Но честно отмечу, что, если бы не цвет, это было бы удивительной красоты место. Большая арка соединяла бальный зал с помещением для трапезы, а оттуда можно было выйти к гостиним и библиотеке. Хорошие и достойные владения, несмотря на девчачьи фантазии. Но где все дворецкие и горничные? Почему в гигантском роскошном саду (я была уверена, что он был когда-то роскошным) всё завяло, и воняет чем-то сдохшим?

— Эй, Подсолнух...

— Да, Госпожа!

— А где все?

— О, ваша Светлость позволила всем слугам отдохнуть. Они были так утомлены работой, что вы отпустили их к семьям. У садовника же серьезно заболела жена, и вы великодушно дали ему денег на лечение. Придворная магиня страдала от неразделенной любви, и вы также милосердно освободили её от обязанностей с сохранением зарплаты.

— Эй, Подсолнух...

— Да, Госпожа!

— А где ты был, черт подери, когда я всё это делала!

Какой ужас. Эта Сисиль настоящая дура, которую облапошили собственные слуги. Никакая это не добротка! Погодите, если такое творится в замке, значит ли это...

— Эй, Подсолнух...

— Да, Госпожа!

— А на территории моей хоть кто-нибудь живет?..

— Конечно! Политикой и экономикой занимался ваш советник, но он поступил очень подло, сбежав однажды со всеми деньгами. Из-за него дела в регионе не очень. Раньше здесь жили нимфы, мы продавали картины и ткани, но после дел советника всё развалилось, и они переехали в соседние регионы. К нам стали ссылать всех потенциальных преступников. Таков был приказ Императора.

Вау, зашибись. Тут уже сказкой и не пахнет. Меня посадили в тело простодушной феечки, которая натворила дел, на слове «политика» впадала в ступор, а потом распустила всех слуг из жалости и разбила себе лоб. Знаете, мне не очень хочется разгрести эту вонючую яму. Может быть, я могу расстроиться и уехать к потенциальной маме? И тут-то взбунтовалась моя память. Невесть откуда я вспомнила про договор, что Императрицу можно сменить только, если умрет старая, а если последняя не будет справляться с обязанностями, то это лишь дело времени.

Чудесно. Волшебное. Давайте еще придумаем, что на самом деле у меня было тяжелое детство, и вообще на мне проклятие. Что? Подобного не было? Конечно, потому что такие мешки, как Сисиль, выращены в тепличных условиях и к правлению даже маленьким регионом не приспособлены! Как же я зла! На дурочку госпожу, на деда, который тоже не шарит в управлении, на Императора, который вообще взял это недоразумение в жены, даже на себя, потому что в прошлом я песни пела, а не в Думе сидела.

— Подсолнух, сколько людей живет в моем секторе?

— Две сотни, моя Госпожа.

Двести. Это деревня что ли? А во главе её эфемерное, напичканное барбитурами создание. Я в таком гневе, что хочу кого-нибудь побить. Деда нельзя.

— Подсолнух, созывай назад всех слуг.

— Но Госпожа, они уже давно в другом регионе живут. Служанки и вовсе перестали появляться на работе...

— Вот оно как... Прекрасно! В таком случае уволь всех!

— Ох, Госпожа, не похоже на вас...

— Готовься, Подсолнух. Я приложилась о землю так хорошо, что теперь всё будет по-другому.

Действие № 2

Этой ночью я спала ужасно — жутко болела голова. Мысли беспощадным роем витали над очевидными фактами, складываясь в блеклую и отвратительную картину. Начнем с того, что Сисиль (о её прошлом я более ничего не вспомнила) оказалась совершенно не подходящей к правлению личностью. Более мягкотелую и бесхребетную фею представить было сложно. В её замке никого нет, казна почти пуста, а в округе живут те, кого сослали из других регионов за ненадобностью. И вот она внезапно разбивает лоб, и её тут же решают хоронить? Полагаю, её кончине многие были даже рады — иначе такую спешку объяснить нельзя. Сисиль мне не жаль, она сама виновата в своей глупости и в своем безразличии к разоренному региону. На месте Императора я бы тоже поспешила сменить девятую жену, хотя это действительно жестоко.

Во всей сложившейся ситуации мне жалко лишь себя. Я оказалась в теле никчемной девицы, которая вылезла из гроба наперекор всем планам. Что ещё обиднее, так это то, что на моих похоронах не было ни мужа, ни семьи. Знаете, я начинаю злиться ещё больше. Меня хотят убить? Да, вполне заслуженно. Но мне было достаточно одного раза, и ложиться покорно в ящик не хочется — это претит моему сохранившемуся характеру. Но, что же делать? Попробуем разобраться детально.

Итак, есть ли во всей этой какофонии плюсы? Очевидно, это дед. Подсолнух воистину золотой мужчина, который и готовит, и бумагами занимается, и прибегает с радостным лицом по первому зову. На его месте я бы была Сисиль через каждые пять минут, но в ней он души не чаёт, а потому бережет, как хрусталь. То, что в погребальной яме я оказалась не одна, уже облегчает мою жизнь. Он — мой основной источник информации, вот только сможет ли он защитить госпожу в нужный час? Его магия называется «Архиватор». Она позволяет человеку читать книги с утроенной скоростью, навсегда запоминать любую информацию и легко овладевать всеми возможными технологиями. Хорошая способность. Но в бою дед ляжет первым.

Второй плюс, к собственному удивлению, именно в Сисиль. Она из древнего рода, название которого я произносить не хочу, а потому сама по себе большое вместилище магии. Её способность называется «Флорист» — это навык, что даёт носителю возможность использовать все цветы этого мира себе во благо. Данный плюс вначале показался мне сомнительным: мой враг умрет от ромашек только, если подавится ими. Но мои опасения развеялись в тот момент, когда я открыла книгу по ботанике и вспомнила все существующие здесь растения. Многие цветы были мне известны из родного мира, однако, с новыми экспонатами можно было разгуляться на славу.

Третьим плюсом оказалось моё воскрешение. Местная религия сочла его благим знаком, и теперь я имею в резерве немного спокойного времени, не боясь покушений и прямых атак. Что уж говорить, я бы сама сильно впечатлилась, если бы покойник вылез из гроба и пошел на поминки. Однако на этом все плюсы и заканчиваются. Приступим к самому неприятному и удручающему.

Во-первых, у меня ничего нет. Все эти владения не имеют никакого смысла без наполненной казны. А она у меня пустая, как голова Сисиль, и пополняется раз в месяц мизерной подачкой Императора. Во-вторых, я уже прослыла наивной правительницей, слово которой во внешней политике ничего не будет значить. В-третьих, население моего сектора госпожу ни во что не ставит и живет так, будто её и не существует. Замок и город сами по себе. В-четвертых, кроме деда я не могу никому доверять. Чует одна моя округлая часть, что как слуги пользовались Сисиль, так и другие аристократы выжимали из неё необходимое. В-пятых, меня хотят убить — настолько я бесполезная!

Что мы имеет в итоге? Какую-то безвыходную хрень, в которой проще заняться выбором места на кладбище. Интересно, если я извинюсь и попрошу второй шанс, меня простят? Нет, навряд ли в политике это работает так просто. Было бы неплохо увидеть других аристократов, чтобы вспомнить жизнь Сисиль, однако, на это у меня попросту нет времени.

Утром я проснулась с такими мешками под глазами, что в них можно было складывать картошку. Подсолнух принес мне на завтрак сладости — сказал, что это запасы из склада и что кроме сладостей там более ничего нет, — а после поспешил отчитаться в выполненном задании. Всем слугам было выслано письмо об увольнении. Не считайте меня слишком злым человеком, но я вдруг поняла, что очень довольна подобным решением. Хотелось бы посмотреть на их лица в момент прочтения писем!

— Эй, Подсолнух...

— Да, Госпожа!

Мы обустроились в кабинете, что был довольно пустым. На длинном столе лежало несколько стопок, которые дедуля подготовил специально для моего просвещения. В них я с удивлением обнаружила рапорты обо всех сосланных сюда преступниках.

— А здесь есть... ружья?

— О, вы о стреляющих артефактах? Вы, в самом деле, всё забыли, моя бедная Госпожа! Револьверы изготавливала моя семья, поэтому они до сих пор лежат на складе. Но они не пользуются популярностью и

беспользны. Их производство закрыли двадцать лет назад.

— Принеси мне их потом.

— Хотите пострелять по баночкам?

— Нет, дедуля, не по баночкам.

На прочтение записей Подсолнуха ушло время. Я поняла, что сосланные преступники оказались простыми людьми, навонявшими той или иной Императрице. Иронично: в качестве наказания их сослали к самой никудышной госпоже. Назвать их бесполезными язык не поворачивался, вот только, никто из них не занимался тонким искусством. Кузнецы, стеклодувы, гончары, бывшие стражники — среди недлинного списка не оказалось ни одного ткача или художника. Все они обосновались рядом с замком, разбив небольшие огороды.

— Моя уважаемая Госпожа, прошу, поведайте мне о своих планах. Я сделаю для вас всё, что прикажете.

— Я хочу, чтобы эти людишки у замка были на моей стороне. Кто их лидер?

— Этот мужчина, Госпожа, — дворецкий бережно достал из стопки биографию очередного деда, — он был стражем при самом Императоре. Мне пригласить его?

— Нет, Подсолнух, собирайся. Мы сами пойдем.

— Но моя Госпожа, у нас нет экипажа, вы не можете идти ногами! Вы никогда не ходили пешком!

— Давай сделаем катапульту, и ты запустишь меня в деревню.

— Ну, что вы, как могу я обойтись так с вами...

Шкатулка воспоминаний: бывший страж Кирка Мускулюс.

Сегодня было на удивление холодно. Обычно теплый девятый сектор с недавних пор заполнился колючими ветрами, и провидица Грильда, что жила на границе с восьмым регионом, узрела в изменившейся погоде грядущие перемены. Никто ей не поверил. Я живу здесь уже пятнадцать лет, и более чем убежден, что перемены придут исключительно со сменой Императрицы.

Не хочу гневить Богиню Жизни, но странному воскрешению Госпожи никто не был рад. Сисиль Ебельмания превратила некогда богатые земли в территорию для изгнанников. Эта мечтательная простофиля, чья мягкосердечность никому из нас не сдалась, не могла ничего делать самостоятельно. Все были наслышаны о глупом уме, и не было большего стыда для народа, чем видеть позор своего правителя. Она всегда занималась лишь цветами, и, признаться, мы с нетерпением ждали её свержения. Но в наказание за свершенные деяния в нашей жизни ничего не менялось. Мы поняли, что ждать бесполезно.

Моя жена работает на огороде. Дочь стришет овец, а сын мечтает стать стражем. Ему двадцать лет, и я по-прежнему не могу разрушить его надежды на будущее. Детям изменников нет места в иных регионах, а в нашем секторе охранять Госпожу никто не желает. Здесь нет денег, нет смысла, нет будущего. Это почти тюрьма с тем лишь отличием, что вместо клетки твой старый дом.

Я шел обедать, когда услышал на улице гул. Вышел наружу и тут же столкнулся с запыхавшейся женой, что тщательно вытирала пот с лица. Она тяжело дышала, и я сильно удивился, подумав о том, что она, должно быть, долго бежала. Люди на главной улице были в замешательстве. Они то заходили в дома, то вновь выходили, пытаясь найти хоть какое-нибудь занятие. Я строго взглянул на жену. Она указала рукой на лес у замка.

— Я грибы собирала... Ох, собирала я их, да... И слышу, птицы взлетели. Ну, думаю, идет кто-то из наших, — она вновь замолчала, пытаясь отдышаться, — идет, думаю, кто-то... Пошла я, значит, навстречу, и вот! — люди придвинулись ближе, чтобы её расслышать. — Госпожа Сисиль... Пешком!

— О чем ты говоришь? Тебе видно померещилось.

— Да нет же! Я её своими глазами видела! Она сюда идет! Пешком!

Народ загалдел сильнее. В самом деле, странно. Императрица боялась нас и никогда не спускалась сюда из замка. Она считала нас всех убийцами.

— Я как увидела её, так испугалась, побежала сюда... Ох, накажут меня, ох, накажут! Я же не поздоровалась с ней, ох, что будет-то...

— Успокойся. Здесь ей никто не рад. Если она и одумалась, то уже слишком поздно.

Мы решили спрятаться по домам, чтобы не разговаривать с Госпожой, но, едва это решение было принято, как она выскочила из леса. Безусловно, это была Сисиль. То же глупое платье, странная маленькая корона на боку, что словно олицетворяла безмятежность Госпожи, те же ухоженные волосы, на которые так завистливо смотрели женщины, работающие на огородах с утра до самого вечера, и то же...

Когда она обернулась, все замерли. Я был готов вскипеть от злости при виде доброго невинного лица, но оказался абсолютно безоружен против лихорадочного блеска в глазах и странного жестокого выражения. Она быстро направилась в нашу сторону, не обходя ни куриный помет, ни брошенные ошметки и топая при этом так, будто у нее между ног что-то висело. В самом ли деле это госпожа Сисиль?

— Вечер в хату, часик в радость, — махнула она рукой, устремляя на меня свой взгляд. Такой внимательный и

пожирающий, что впервые в жизни я не проронил ни слова. Никто не проронил ни слова. Никто не проронил ни звука. — Эй, фраера, где Кирка Мускулюс? — мне показалось, что она захотела рассмеяться, но сдержалась. Я не понимал ни слова из того, что она говорила, но вышел вперед.

— Это я.

Я часто видел госпожу. Был свидетелем её свадьбы, её коронация, её краха. При первой же встрече я желал схватить её за горло и удушить, пускай сам закончил бы смертной казнью, но вот она стоит передо мной, а я сомневаюсь она ли это вообще. Мелкая, злобная, с насмешливым взглядом и посеревшим лицом — это полная противоположность госпоже Сисиль. Она подошла вплотную, взглянула снизу вверх. Я заметил, что у неё дернулся нерв под глазом.

— Нам нужно поговорить. Наедине. Прямо вообще. Вдвоем.

Будто и голос грубее стал. Её речь совершенно не соответствует аристократичным манерам, она ведет себя, как деревенский хулиганистый мальчишка. Я кивнул головой, указал на свой дом, куда мы и направились. Происходящее казалось чем-то немислимым, однако, обида за минувшие года никуда не делась. Что бы ни произошло с госпожой после воскрешения, она должна понести наказание. Она не сможет ничего исправить, её репутация безнадежно испорчена. Единственное, чем Сисиль сможет нам помочь, так это тем, что умрет.

Я закрыл дверь. Сел за стол, отодвинул остывший суп. Есть мне уже не хотелось вовсе. Я хмуро взглянул на девушку. Она улыбалась.

— Тут нет ничего розового.

— Да.

— Уютно.

— Вам виднее.

Разговаривать с ней я не желал, и мне кажется, что она это понимала. Она смотрела на меня оценивающе, щурилась глазами и явно не знала, с чего начать разговор. Я молчал. Госпожа соизволила покинуть свой замок, пусть госпожа и говорит.

— Знаете, я как-то сильно ударилась головой и померла.

Лучше бы госпожа молчала. Я не знаю подробностей, но заводить разговор о том, чего мы все так долго ждали, не стоило.

— И вот я так сильно ударилась... Что взглянула на мир иначе.

Значит, это и вправду сотрясение? Что ж, я слышал, как многие менялись в характере после такого.

— И я поняла, что допустила роковую и неисправимую ошибку.

Она замолчала, украдкой взглянула на меня, ища поддержки. Подобную услугу я ей не окажу. Для неё это роскошь.

— И я решила всё исправить.

— Уже поздно.

— Ничего не бывает поздно, я знаю, что мне нет прощения. И...

— Вам здесь не рады. Спросите любого — он ждет вашей смерти. Вы не можете помочь своей территории, как бы сильно головой не бились о землю.

— Но я же правда изменилась!

— Быть может, в худшую сторону.

— Я хочу снова сделать этот город великим!

— Хотите дальше.

— Слышишь ты, лысый, — она хлопнула по столу так сильно, что я невольно дернулся. Но никто не смеет мне дерзить. Я староста этой деревни, люди слушают меня. Никакие угрозы не помогут! — Я тебя прошу по-человечески помочь.

— Вам только могила и поможет.

— Кирка, — проговорила она холодно, стискивая зубы и кулаки, — незаменимых людей нет.

Я отпрянул от стола. На мгновение передо мной предстал Император, что сказал мне эту же фразу прежде, чем сослать сюда. Это выражение уже испортило однажды мне жизнь, и ныне оно было сказано с такой ненавистью, будто бы это я подставил собственную страну своей бесхребетностью.

— Мы можем работать вместе. Можем отмыть грязь с города вместе. А можем начать враждовать, и вражда эта закончится ненужными смертями. Я не побрезгую вырастить цветы, парами которых вы все задохнетесь.

Она замолчала. Я и вовсе потерял голос. Ошарашено смотрел в её лицо, пытаюсь заметить подмену, но не видел ничего, кроме шрама на лбу. Чтобы эта тряпка да сказала такое?..

— Вы... Вы и правда Госпожа Сисиль?

— Почти.

— *Что это значит?*

— *Только то, что я очень сильно ударила голову.*

«Дорогой дневник.

Никогда в жизни не вела тебя, но время, очевидно, пришло. Мне не с кем поделиться своими мыслями, так как объяснять, что в теле госпожи Сисиль уже другой человек, бесполезно. Здесь никто не слышал о реинкарнации, а все мои жаргонные слова трактуются индивидуальностью. Более того, внутренняя чуйка приказывает молчать, а я не вправе рисковать в сложившейся ситуации.

Новая жизнь напоминает мне ту самую программу «Сдохни или умри». В какую бы сторону я не собиралась пойти, везде мне хотят устроить анал-карнавал и скинуть в колодец с мамбами. Я вовсе не преувеличиваю и сейчас опишу здесь события последних трех дней.

Начнем с семьи Боба Строителя, а точнее с Кирки Мускулюса, к которому я давеча наведальась за помощью. Это решение показалось мне логичным, ведь в первую очередь на моей стороне должно быть население. Мой дипломатический план провалился в тот момент, когда я вспылила и начала угрожать, однако, язык силы был более действенным, а потому расклад на данный момент таков. Кирка спустя день соображений согласился помочь. В чем? Не знаю ни я, ни он, потому что как такового плана нет. Он смотрит на меня с отвращением, и его двухметровый рост это позволяет. Понимаю, принимаю, даже поощряю. Если бы Кирка смирился со мной слишком быстро, это было бы чересчур подозрительно. Но вот он здесь, в моем домике Барби, и я готова продемонстрировать ему весь свой нецензурный внутренний мир.

Как сказал Кирка, подобное решение он принял исключительно из-за своей семьи. Его сын грезил о становлении стражем, а дочь мечтала о статусе фрейлины. Личности это, спешу заметить, незаурядные, и ненавидят меня меньше, чем предполагалось, что лично я считаю успехом. Жена Кирки прекрасно готовит, а потому сразу водрузила на себя роль повара, несмотря на то, что как таковых продуктов нет. Сам же дед пообещал убедить других людей, на которых, впрочем, моё пешее появление по говну и кочкам уже произвело большее впечатление.

Я чувствую ответственность и само собой испытываю стресс. Хочется курить, но у нас нет денег ни на приобретение табака, ни на покупку алкоголя. Единственное спасение для моей нервной системы — это стрельба на заднем дворе. Думаете, что это систематичное занятие с правилами? Отнюдь. Когда я зла, я беру револьверы и просто начинаю шмалять. За этим занятием меня уже застали все новые слуги. Кирка почему-то считает, что я сумасшедшая.

Вопрос денег стал остро. Ежемесячно Император высылает некую сумму, и я, к счастью, не исключение. Я решила написать ему письмо с раскаянием и описанием затруднительной ситуации, но Подсолнух отверг мой грандиозный план. Он сказал, что моё обращение похоже на проклятье, и что это послание воспримут как угрозу. Более того, помявшись в дверях, дед деликатно объяснил мне сложную суть наших с Императором отношений (которых, как оказалось, вообще не было). Конкретно мне, а точнее, исключительно мне, лучше вообще никакой помощи не просить.

Чудесно? Волшебно. Я вообще не понимаю, как Сисиль столько лет сохраняла свой статус. После долгих дум я решила пойти ва-банк и написать родне. Они ведь богатые, верно? Но Подсолнух и на этот раз разрушил надежды, достав из шкапулки пачку писем, — это были обращения Ебельманий к своей дочери. Вот это действительно проклятия. Они обвиняли её во всем, прося отречься от рода. Так-то получается, что и семьи у меня никакой нет.

Грустно. Пойду шмалять».

— И ты даже никогда не курил?

— Нет... Я вообще удивлен, что вы курите.

Мы с Киркой и его детьми сидели под засохшим деревом и смотрели на радугу, в которую я так отчаянно желала засадить пули. Я называла это злобной минуткой, и в это время было запрещено приближаться ко мне на километр. Подобное занятие неплохо выпускало пар.

— Простите, Госпожа, но вы совсем не милая и вообще не хрупкая, — буркнул под нос Ждак — сын Кирки. Его прямолинейность импонировала мне до безобразия, но качеством этим был наделен не только он.

— Я тоже слышала, что вы слабая и немощная, — мою новую фрейлину звали Ольхой, но феей при этом она не была. Род Кирки происходил от каких-то друидов, что лично мне представлялись сектантами из леса. — И я не думала, что аристократия сама перетаскивает мебель...

— Вы и правда странная, Госпожа.

— Спасибо.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Ждак, усаживаясь на соседнюю лавку. — Все регионы уже заняты необходимой деятельностью. Нам ничего не осталось.

— Чем конкретно? — без доли смущения я посмотрела на Кирку. Думаю, в этом вопросе он подкован лучше сына. А моей тупости здесь уже никто не удивлялся. Я даже закалывала волосы на макушке, лишь бы все видели

мой громогласный шрам.

Лысый дед выставил перед собой десять пальцев, принявшись загибать один палец за другим.

— Выращивание фруктов и овощей, разведение ездовых животных, разведение крупного рогатого скота, разведение птиц, рыбное хозяйство, лесные уголья, каменоломни, регион ремесленников. Последний стал так называться, когда художники и ткачи из девятого сектора переселились туда. По вашей вине.

— Нам, очевидно, нужно найти, чем торговать. Тогда будут и деньги.

— Никто не захочет с нами торговать, — холодно ответил Кирка, и его дети лишь согласно кивнули, — девятый регион считается отбросом мира. Здесь живут преступники.

— Значит надо производить что-то такое, что безумно всем понравится. Алкоголь?

— Первый сектор.

— Музыкальные инструменты?

— Восьмой.

— Гробы?

— Госпожа, вы хотите повисить рейтинг или проделать в дне очередную дыру?

— Хорошо, давайте плясать от моих талантов.

На меня посмотрели скептически и недоверчиво. Но единственное, в чем сильна Сисиль, так это в цветах. Это я точно знаю.

— Что насчет духов?

— Духи? Вы умеете призывать души умерших?!

— Нет, духИ. Пшикать на себя и вкусно пахнуть.

— Призыв духов лучше.

— Не отрицаю. Но не умею. Можно делать яды и выращивать коноплю, но тогда я превращу девятый сектор в наркопритон. Лучше нюхать цветы и делать духи.

— Если подумать, то этим никто не занимается, — произнесла Ольга, бросая взгляд на сохлый сад, — никому это никогда не было нужно. Многие цветы аристократы выращивают сами. А эти вкусно пахнущие...духи? Все пользуются магией, чтобы вообще не пахнуть.

— Главное, что этим никто не занимается. Будем пробовать.

— Ох, моя Госпожа, вы выбрали поистине восхитительное занятие! — вскрикнул выскочивший из сарая Подсолнух. — Думаю, теперь, когда мы ступаем на новую тропу этой жизни, настало время выбрать гордое название девятому региону!

— А его не было? Я ж тут правила почти пятнадцать лет...

— Вы всё не решались сделать этот ответственный шаг.

— Мы ещё и в безымянном секторе жили...

— Так, что вы думаете? С каким именем вступим мы в новую эпоху с цветочным ароматом и светлым будущим? Под каким именем встанете вы, столь очаровательная и удивительная фея?

Долго я не думала. С самого первого дня все происходящее ассоциировалось у меня лишь с одним словом.

— Мордор, Подсолнух. Запиши этот регион как Мордор...

— Итак, нам нужен спирт, — радостно заявила я на утреннем собрании, где предстала как глава будущей великой корпорации, — и вода. Родниковая. Маленькие флакончики уже найдены, мы с Ольхой доели оттуда все конфеты.

— Чистых родников у нас много, — тут же ответил Ждак, кивая головой в сторону окна, — но со спиртом могут возникнуть проблемы.

— Что, так много желающих влить его внутрь?

— Что? — Кирка удивленно распахнул глаза, и мне показалось, что я останусь в его глазах сумасшедшей на всю жизнь. — Мы используем его исключительно в медицине, обрабатываем раны. Или для дезинфекции.

— Много теряете. Тогда, в чем проблема?

— Выращиванием культур занимается первый регион, поэтому и спирт он производит. Вот только нам он ничего не продаст, торговля закрыта уже как десять лет.

— Обидно, — действительно, обидно. Куда не метнись, везде фигу покажут. — Эй, Подсолнух.

— Да, моя Госпожа!

— А я до падения хотя бы с кем-нибудь общалась хорошо?

— Полагаю, что вам импонировала Госпожа Сильвия — Императрица шестого региона. Но как все однажды отвернулись от вас, так и она закрыла торговлю. Ох, за что же вам наказание такое...

— За все хорошее, — тут же рявкнул Кирка. — Духи эти вообще никак без спирта не сделать?

— Можно, — грустно ответила я. Признаться честно, поиск спирта имел для меня двойственные цели. — Масло жожоба.

— Это у нас есть, — радостно хлопнула в ладоши Ольга, — селянки им лицо мажут, чтобы кожа мягкая была.

— Это всё, конечно, здорово, но как мы его продавать будем? — усмехнулся Кирка, и мне захотелось врезать тому по лицу. Он на чьей вообще стороне? — Нам запрещена торговля. Нет лицензии.

— Контрабанда.

— Что? Госпожа Сисиль, я вообще не понимаю, как вы до такого додумались! Это же незаконно!

— Нам теперь с голоду помирать? Тут границы сильно охраняют?

— Нет, но...

— Вот и все. Ты, Кирка, продавать и будешь.

— Я не подписывался на подобное безобразие! Вы...Вы...Вы собираетесь стать источником целых незаконных махинаций! Источником, с которым я в свое время боролся!

— Кирка, не можешь побороть восстание — возглавь его.

Убедить его я не смогла, зато Ждак и Ольга оказались намного стоворчливее, пообещав скрыть лица и найти того, кто сможет показать им черные рынки соседнего восьмого региона. Мне показалось, что авантюра прищлась им по душе. В отличие от Кирки они не были обременены моральным стажем работы во дворце и даже привлекли к делу других молодых селян. Какая восхитительная инициатива. Да, я сею злое, преходящее. Но людям-то нравится.

На самом деле, мысль стать скрытой злодейкой была не такой уж и плохой. Мордор уже известен, как место не самое благополучное, и никто сюда не приезжает, потому что боится преступников. Ну, и украшаю этот венец творения я — самая тупая фея страны, которой девяносто процентов населения желает вогнать кол в задницу. Быть может, выращивать коноплю, в самом деле, неплохо? Обрабатываем целые поля, выждем день, когда сильный ветер будет дуть в сторону восьмого региона, и подождем урожай. Вуаля. Стояло жаркое засушливое лето...Горели конопляные поля...Смеялись люди, ласточки и тля...

Мой район мне нравился, тут все жили по понятиям. Еды людям пока хватало, дома, благодаря прошлым обитателям, были красивыми, а площади обустроенными. Другое дело, что все заросло, но это не критично и подлежит быстрому восстановлению. Наша проблема в доверии, репутации и отсутствии денег. Я не видела иного выхода, кроме как заняться контрабандой, а при мысли о том, чтобы встретиться с какой-нибудь Императрицей, меня начинало тошнить. Однако этой Сильвии письмо написать я решила, авось, да прокатит.

Восьмой регион был выбран целью не только потому, что это наши единственные соседи (так уж вышло, что дальше Мордора был только океан), но и потому, что жили там люди наиболее подверженные искусству. Мне так казалось. Завлечем их духами, а там дело до кремов и масок дойдет. Правда, как сказал Кирка, план этот плохой, он в нем участвовать не желает, он брезгует. И я решила занять его выщипыванием травы на площадях — миссия это волонтерская и городу на пользу. Он согласился.

Масло жожоба селянки отрывали от сердец. Иных средств для красоты не имелось, а потому я клялась всеми Богам, что привнесу в их жизни мир косметики. Кстати, о религии — тут целый политеизм. Никогда бы не подумала, что именно священнослужители станут моей единственной защитой, ведь после воскрешения они лично воззвали к народу с требованием прекратить нападки в мою сторону. Я у них там теперь что-то вроде святой. Ну,

они так думают, хотя тесно общаться с моей персоной сами почему-то не хотят. Мутная страна эта какая-то. И название у нее ещё такое странное — Шеэтия.

Как бы то ни было, а мы приступили к работе. Обосновались у красивого родника прямо за замком, разложили маленькие склянки (не продавать же тестовый продукт литрами), а после настал мой черед напрягать и без того уставшие извилины. Я рада, что у меня был такой друг, как Гнида. Моча в голову ему ударяла внезапно и без предупреждения, обычно ночью. Он всегда брался за изучение чего-то совершенно непредсказуемого, считая своим долгом промыть мозги и остальным. Спасибо, Гнида, твои нечленораздельные лекции запали мне в самое сердце.

Для получения парфюма в количестве ста миллилитров нужно соединить семьдесят процентов основы, из которой чуть больше половины занимает жожоба, и тридцать процентов эфира, производство которого легло на мои хрупкие плечи. Не хотелось бы хвастаться, однако, с магией я освоилась быстро — предыдущая Сисиль, очевидно, любила свою стезю. Было забавно махать культиками, представлять в голове образ, а после наблюдать, как из земли растёт то, что тебе необходимо. Щелчок пальцами, и вот цветок скукоживается, превращаясь в чудесно пахнущую воду. Звучит просто, не так ли? На деле все оказалось сложнее.

Мне нужен был запах, от которого девушки, женщины, а может и мужчины, поплывут в райские сады. Это должен был быть непревзойденный аромат, после использования которого непременно появлялось бы желание купить его снова. Нет, сильно концентрированная парфюмерия не подойдет, будем делать туалетную воду. Она испаряется с кожи быстрее, а значит, пользоваться ею будут чаще, а значит, закончится она быстрее. Нужно увеличить процент основы. Эфира в составе будет поменьше. Ух, вот это я молодец. Вот это планы я строю!

В попытках создать эфир я провоняла насквозь. Мои минутки злобы увеличились до часу в день, а жители у подножия замка были призваны внутрь для голосования за лучший запах. Я хотела, чтобы мне начали доверять, но понимала, что процесс это долгий и кропотливый — любая ошибка, и меня вновь обвинят во всех грехах. Если честно, то себя я явно переоценила. Если бы не Подсолнух, что исправно записывал все создаваемые мной комбинации, то я бы задохнулась пылью и в самом деле сошла с ума. Не неделя, но три дня. Я сильно задержалась.

На очередном голосовании все единогласно подняли руки. Созданным ароматом я гордилась, как мамочка гордится отличником. Вести дневник времени не было, зато с внутренней радостью я отметила в замке пять новеньких горничных и трех дворецких — со мной хотя бы желали работать. День создания первого аромата я объявила личным праздником Мордора, но отметить его пришлось скромно — мы вместе помолились на пятьдесят флакончиков, а после поели сладостей с чаем.

— Госпожа, — позвал меня Ждак, когда незаконный товар был упакован, а единственная лошадь в деревне накормлена и подготовлена, — мы нашли того, кто согласился провести нас через границу прямо на черный рынок.

— Он хоть адекватный?

— Да, но попросил долю, если дело выгорит.

— Это же пробная партия. Наше дело распространить и завлечь.

— Да, он согласен подождать.

То, что простой слой населения свободно лазил через границы, никого не удивляло. Надеюсь, у нас не возникнет проблем с этими вылазками.

— Кстати, Госпожа, — тихо позвала меня Ольга, дергая за рукав, — насчет состава эфира.

— А что, что-то не так? — я включила режим дурочки. Быть умным — это вовремя прикинуться тупым.

— Я заметила там один ингредиент. Цветок. И знаете, его испарения по удивительному совпадению вызывают временную зависимость.

— Надо же, Ольга, какое непотребство! Кто такое допустил?

— Я, в самом деле, сомневаюсь, действительно ли вы та Госпожа Сисиль...

— Даже, если сомневаешься, то никому не говори, — подмигнула я, прикладывая к губам указательный палец.

Она улыбнулась и впервые склонила голову. Такой простой жест, а вездесущее напряжение будто бы и улетучилось. Мне казалось, что рядом появился еще один контрабандист, мафиозник, верный товарищ, и чувство это было непередаваемым.

— Госпожа, что вам принести из восьмого региона?

Я подошла ближе к Ждаку, чтобы вездесущий Кирка не смог услышать разговор.

— Спиртику принесешь?

— Спирт?

— Спирт, этот самый. Понял?

— Да! Я все понял.

Одна чудесная новость за другой! И это меня сильно беспокоило. Не может быть всё так гладко, думаю, совсем скоро нас ожидает очередная подстава. Ждак уехал на два дня, и это время представлялось мне ужасно мучительным и долгим. Выгорит ли дело?

— Знаете, Госпожа, — сказала как-то Оляха, когда мы вместе с другими горничными пили чай в беседке, — я хочу, чтобы у вас всё получилось.

— Вы так старательно создавали тот эфир, — произнесла одна из служанок, — что вдохновили людей!

— Простите, но я правда рада, что вы разбили себе лоб.

— Приятно слышать. Жить в мире, где тебя все ненавидят, немного непросто. Поэтому ваши слова — бальзам на мою душонку.

— Но вы напрочь забыли о манерах! — произнесла другая горничная, что была старше всех. Её звали Лилией, и я знала, что работала она прежде у первой Императрицы. — Вы горбитесь за столом, чихаете, как мой старый муж, постоянно сплевываете на землю, и я видела, как вчера вы ковырялись в носу! А ваша речь? Половину никто не понимает, а половина такая нецензурная, что жуть!

— Дай мне хотя бы дома вести себя так, как хочется. Знаю я все эти манеры. Буду соблюдать при других.

Она замолчала и будто бы даже задумалась, а после вдруг согласно кивнула.

— Мой муж сказал мне когда-то нечто похожее... Дома, действительно, хочется расслабиться.

— И что это...

— Спирт! Салициловый! Как вы и просили, Госпожа!

— Ужас. Пошли дурака за скотчем*, и он принесет тебе клейкую ленту...

— О чем вы?

— Ни о чем.

Прошло два дня, и Ждак вернулся домой, с улыбкой продемонстрировав пустой короб, — все флакончики были проданы. Не с целью благотворительности, но с идеей о завоевании доверия я решила раздать заработанные деньги людям, оставив себе жалкие гроши. Побывать богатой я ещё успею, но а пока всё во имя народа. Подобный широкий жест не остался незамеченным, и даже Кирка смягчил свой взгляд. Селяне единогласно признали изменение моего образа жизни, и вот мне уже приносят дары огорода — хоть в чем-то я смогла преуспеть.

Ждак рассказал мне, что половину флаконов купили сразу на черном рынке. По словам покупателей, запах был слишком привлекательным, чтобы пройти мимо, — своего рода ода моим стараниям. Вторую половину, путем незамысловатых махинаций, удалось продать баронам и баронессам, что любили прогулки по торговым улочкам и паркам. На них я и рассчитывала в первую очередь, ведь аристократия сама по себе, как мощная реклама. Но захотят ли они приобрести еще, узнав о том, из какого сектора появилась эта продукция? Покажет лишь время, теперь остается только ждать.

Письмо Сильвии провалилось. Импонировала ли она мне прежде или попросту терпела, но ответ пришел незамедлительно, и в нем было одно лишь слово «нет». Я бы поступила также, каюсь, однако, сейчас неудачи были на моей стороне, и мне жутко захотелось сделать так, чтобы все эти Императрицы поели земли.

Впрочем, наша жизнь оказалась не такой уж и плохой. Мы завтракали кашей, после шли капаться в сад, где я пыталась вырастить всевозможные цветы, экспериментировали над эфирами, пытались играть в найденные на чердаке шахматы, судорожно листали книги в попытках обнаружить полезные растения, а вечером смеялись над Ждаком, карьера которого завершилась тогда, когда он решил охранять меня. Замок постепенно отмывался от пыли и грязи, я повторяла этикет, в нарушении которого меня перестали обвинять, а Ольга училась манерам, чтобы стать достойной фрейлиной. Нетерпеливый Ждак ежедневно отправлялся к границе, но каждый раз возвращался без новостей, расстроенный будто бы больше, чем я сама. Я же сильно волновалась, но беспокойство не выказывала — что будет, то будет, особого выбора я не имела с самого начала.

Сегодня мы решили устроить генеральную уборку. Для этой цели во дворец было призвано около пятидесяти добровольцев, которым я великодушно решила помочь. Я решила, что мыть полы не так уж сложно, а потому тут же взяла инициативу на себя, выбрав в помощники Ждака, Ольгу и Лилию, — нам было отведено левое крыло второго этажа.

— Я буду поливать! — кто бы мог подумать, что в этом мире люди, не владеющие магией воды, используют обычные шланги, присоединенные к ближайшему источнику. — Хочу поливать!

— Госпожа, прошу, будьте осторожны, на этом шланге никудышный вентиль.

— Ой, что я вентилем пользоваться не умею?

Ждак разбрызгал на полу странное неизвестное мне средство, помолился Мистеру Проперу, достал из кладовки три щетки и принялся бегать с одной из них взад и вперед. То, что казалось мне поначалу забавным, принесло плоды через жалкие минуты, превратив грязный пол в блестящее произведение плиточного искусства, а посему настал мой черед работать. Вентиль откручивался скверно — приходилось долго вертеть его в одну сторону, чтобы выплеснуть хоть немного воды. Столько же предстояло крутить обратно, дабы прервать струю.

— Эй, Лилия, — позвала я горничную, решив воспользоваться моментом и прояснить некоторые детали, — ты же работала какое-то время в моем замке до того, как советник с деньгами сбежал?

— Да, Госпожа. Я проработала здесь год.

— У меня вот вопрос есть... Но он странный.

— Знаете, Госпожа, я уверена, что после всех ваших чудачеств, я стойко выдержу очередной удар.

— Тогда не жалуйся. На самом деле, у меня небольшая амнезия. Я плохо помню многое до того, как упала.

Ждак и Ольга кинули на меня удивленные взгляды. А мне казалось, что подобная новость и не новость уже вовсе... Неужели они и правда думали, что эта Сисиль с пеленок стреляла из револьвера по радуге?

— Я бы хотела узнать, какой была по характеру до падения. Какой меня видели люди?

— Ох, действительно, амнезия, — сочувственно произнесла Лилия, однако, тут же добавила, — уверяю, она вам пошла на пользу. Вы стали будто к народу ближе... С вами хочется общаться по-простому.

— И поверь, я ценю это, — слышать подобное очень приятно. Я вновь открыла вентиль, чтобы пустить воду. В этот раз напор оказался сильнее.

— Не считите за грубость, но характер у вас был очень мягкий. Вы были чересчур доброй, податливой,

старались всем угодить, сохраняя при том желание жить красиво и беззаботно. Лытели без разбору, неправильно распоряжались деньгами, никогда ни на кого не ругались, постоянно просили за что-то прощение. Были трусливы, легко отступали от цели и всегда перекладывали работу на других.

Это в очередной раз подтверждает то, что Сисиль была дурочкой, но вот, что странно, — я ожидала услышать гораздо больше негативных черт. Если бы эту Ебельманию не посадили на трон, она вполне бы смогла жить счастливо в каком-нибудь закутке. Её несчастье было именно во власти, а также в отсутствии тех, кто мог бы ей помочь. Быть может, я сейчас пытаюсь оправдать хозяйку прошлого тела, но не мне решать, лучше ли иметь правителя деспотичного или слабохарактерного.

— Госпожа, вентиль!

Выходит, Сисиль — жертва обстоятельств? Мне не хочется искать ей оправданий в силу того, что характер мой прямо противоположен тому, что был, но, если подумать, то отчасти вина и вовсе не на ней лежит.

— Госпожа!!!

Лилия схватилась за вентиль, пытаясь его закрутить, но струя лишь стала сильнее, из-за чего шланг попросту выскользнул из моих рук. Весенние ручьи текли по плитке, сливаясь в реки, и вот я уже по щиколотку стояла в воде, пытаюсь вместе с другими поймать извивающийся шланг. Это ж надо было так задуматься!

Я поскользнулась и свалилась на Ждака — тому посчастливилось стать моей подушкой безопасности. Ольга героически кинулась на шлаг, но промахнулась, и Лилия, закатив рукава, жестоко принялась душить змея. Вентиль был благополучно закручен, мы вымыты и свежи, а вода, к всеобщему удивлению, начала куда-то утекать. Куда? Искать нам даже не пришлось, ведь с первого этажа раздался крик.

«Дорогой дневник. Меня никто не подпускает к уборке. Сегодня я затопила свой собственный замок...»

— Как думаешь, если в салициловый спирт кинуть соду, смогу ли я его пить?

— Госпожа, порой вы очень пугаете меня.

Вместе с Ольхой и Подсолнухом я сидела в просторном кабинете, разбирая многочисленные письма из шкатулки. Удовольствия подобная процедура доставляла немного — почти все распечатанные конверты были пропитаны слезами и крайне негативными словами. Вот эти десять посланий от родной семьи Сисиль, что, судя по первым письмам, никогда не надеялись увидеть свою дочь великой правительницей. Эти сорок бумаг от Императриц, каждая из которых то требовала возвращения долгов, то обвиняла меня в том, что я, как казалось, и не делала вовсе. Ещё пять писем от Императора — все они, если честно, оказались очень сухими и грубыми — и ещё пятнадцать от советника, которого я искренне желала закопать вертикально и головой вниз. Что мы имеем в итоге? Только то, что со мной никто не желал разговаривать. Очень жаль.

— Я бы хотела побывать в восьмом секторе. Посмотреть, как люди живут.

— Госпожа, у вас слишком красивая и заметная внешность, — ответил Подсолнух, наливая в кружку чай. Его мне принесла жена местного гончара. — Ваше появление без разрешения восьмой Императрицы может обернуться проблемами.

— У меня действительно столь броская внешность?

— Да, моя Госпожа, — ответила Ольга, — почти каждый знает вас в лицо. Не огорчайтесь сильно, однако, многие феи, рожденные с розовым цветом волос, даже поспешили перекраситься после вашего краха.

Мне всё больше начинало казаться, что Сисиль была своего рода объектом для ноши всех грехов и обвинений этого мира. Менять цвет волос только потому, что мне с рождения уготовано розовое бытие, явно чересчур.

— Тогда мне необходим парик. Есть?

— Думаю, да. Но лицо...

— Румяна и тени.

— Хорошо.

— Нет, Госпожа, я не допущу подобного, — тут же возмутился Подсолнух, — вы сильно рискуете! Прошу, отбросьте эту затею, я уверен, Ждак со всем справится.

— Я не сомневаюсь в его способностях, но мне надо знать, как живут люди в этом ми...как вообще они живут в соседних регионах, чтобы обеспечить хорошую жизнь моим подданным.

— Ох, моя Госпожа, как же необъятно ваше великодушие!

— В таком случае, я предупрежу брата, что вы отправитесь с ним, — улыбнулась Ольга, явно довольная моим ответом, — я отдам вам свое платье.

— Спасибо, буду признательна! Заодно очередную партию продадим.

— Госпожа Сисиль, ваш ум — свет Мордора.

— Сомнительный комплимент, но он зачтен. Поверь, Подсолнух, никто не знает столько, сколько не знаю я...

*Шотландская пословица. Скотч — алкогольный напиток.

Вместе с Ждаком мы пересекли границу поздней ночью, когда единственным источником света была луна. По словам моего стража, человек, что вызвался быть проводником в мире махинаций, назначил встречу следующим днем, посоветовав в качестве ночлега одну из непримечательных таверн. Выбор оказался крайне правильным, но жутко неудобным и грязным, — казалось, будто в этой таверне никто кроме хозяина и шайки пауков не живет. Черный рынок, к которому мы держали путь, находился в самом городе, а точнее, в его восточной части, что славилась постоянными проблемами и ежедневными митингами. Следовало сделать вывод, что даже в восьмом богатом регионе не все так гладко, как, возможно, хотелось бы того нынешней Императрице.

— Если я верно понял, черный рынок уже пытались разогнать, но он собирается вновь и вновь. Это единственное место, где можно найти редкие товары, — сказал мне Ждак, когда рано утром мы вошли в западные ворота, без труда миновав дремавших стражей. — Нашего проводника зовут Лаймом, и он фея, как и вы. Будьте осторожнее.

— В каком это смысле?

— Несмотря на помощь, которую он оказал мне, этот парень, кажется, выдает себя не за того, кем является на самом деле. Уж очень довольным он показался мне, когда я говорил, что приведу вас.

В самом деле, подозрительно. Но, если бы не он, Ждак бы не смог продать первую партию флаконов, ведь ходить по черному рынку одному без сопровождения местных обитателей крайне опасно. Придется поблагодарить этого мутного фея, хотя я уже не та, что прежде, и сесть мне на шею не получится — вдарю по челюсти с ноги и без сожалений.

Восьмой регион был большим и состоял из центра и окружавших его городов — так выглядели все облагороженные сектора. Деревянные дома, мощенные камнями улочки, скромные рынки — не знаю, как выглядит замок Императрицы, однако, городок этот кажется самым обычным. Несмотря на раннее время горожане уже занимались работой, и не было среди них того, кого я могла бы назвать оборванцем или нищим. Женщины носили добротные, хотя и однотипные наряды, мужчины болтали о предстоящих попойках, дети гонялись друг за другом с палками. Совершенно ничего необычного. Думаю, именно так и выглядело Средневековье.

Без хвастовства считаю, что мои земли красивее. Все дома вокруг дворца каменные, парков и скверов, пускай и завядших, но больше, да и океан омывает берег. Мордор — туристическое чудо, которое решили жестоко отвергнуть.

— Переждем здесь, — весело произнес Ждак, указывая на пекарню, рядом с которой расположилось несколько обеденных столиков, — я был тут в прошлый раз. Очень вкусная выпечка.

Ароматная, мягкая и горячая. Паренек действительно не наврал, и мои претензии по поводу его развлечений на рабочем месте были исчерпаны. На подобные лакомства не жалко денег. Если такое чудо делают в восьмом секторе, то что же производит первый регион? Будь у меня выбор и возможности, я бы пекла булки. Прославилась бы, как самая толстая Императрица-тигрица, но не было бы правительницы счастливее. Я бы создала самую жирную нацию, и никто не посмел бы сказать нам слова против!

— Я пойду и оплачу завтрак, — произнес Ждак, и я тут же достала из кармана собственный кошелек. Простые платья селянок нравились мне гораздо больше многочисленных рюш и складок. — Нет-нет, Госпожа, я же угощал вас, — покраснел он немного, и я вдруг почувствовала себя барышней на свидании. Вот, значит, как чувствуют себя содержанки. Вполне себе неплохо.

Едва Ждак исчез за дверьми пекарни, как на его место сел другой не знакомый мне молодой человек. Признаться, он был хорош собой и, очевидно, сам это прекрасно понимал — иначе объяснить эту самодовольную улыбку я не могла. Смахнув со лба волнистые изумрудные волосы, незнакомец заговорил, и голос его был очень мягким и приятным. Но нет, дружок, я замужем, а любовник оплачивает булки.

— Эй, девушка, познакомиться можно?

— Нет.

— А вы очень красивая.

— Знаю.

— А где вы...

— Нет.

— Да что вы...

— Нет.

— Чего злая такая?

— Обкакалась.

Он удивленно распахнул свои золотистые глаза, с трудом подбирая слова. Подкат провалился, и видала я таких, как ты, в гробу. Щупленькие смазливые парни не в моем вкусе, зато огромная мускулистая махина для рубки дров

— моя тайная будоражающая мечта. Такому я бы и свои булки на прожарку отдала б.

Сощутив глаза, незнакомец внимательно смотрел в моё лицо, и на мгновение показалось, что за слоем штукатурки, он разглядел ту, кого здесь быть в помине не должно. Таинственно улыбнувшись, парень откинулся на спинку стула, тогда как я хотела, чтобы он попросту откинулся. Терпеть не могу подобные знакомства и чувствую себя сколь неловко, столь и раздраженно. Как если бы кто-то намеренно пытался нарушить моё тщательно построенное личное пространство. Моя прошлая внешность позволяла отпугивать особой мужского пола одним лишь взглядом, но теперь невинная мордашка Сисиль подобно меду для мух.

— А вы девушка с перчинкой.

— С порошком.

— С каким же?

— Кто знает...

Он приоткрыл рот, собираясь было возмутиться, а после вдруг громко рассмеялся, сгибаясь пополам. Смех у него был залиvistый и, что удивительно, искренний — а я считала этого неудачного ловеласа отменным лицемером.

— Я думал, вы другая. Иногда ошибаться приятно.

Меня прошиб холодный пот. Я судорожно принялась вспоминать все цветы, нюхнув которые можно потерять сознание на пару часов. Неужели моя тщательная маскировка провалилась? Да, я не визажист, но и руки у меня из правильного места. Наверное.

— Надо же, Лайм, я ожидал увидеть тебя в обед, — спокойно произнес Ждак, выходя из пекарни и усаживаясь на лавку рядом со мной, — вот это сюрприз.

— Я не мог дожидаться этой встречи, и поступил верно, придя пораньше, — пожав руку стражу, парень взглянул в мою сторону и задорно подмигнул. Вот же черт.

Проблема была лишь одна, и заключалась она в том, что я решила вести себя так же, как это делала предыдущая Сисиль, а именно: мило, стеснительно и добродушно. И если двести человек в моем подчинении были обязаны знать о смене планов их правителя, то внезапное изменение поведения станет для других Императриц не самой приятной новостью. Я считаю так именно потому, что не раз и не два перечитывала сорок писем из прошлой жизни — только дурак не поймет, что имущество Сисиль попросту разграбили. Конечно же, раз кого-то можно без последствий облапошить, то почему бы этого не сделать.

Теперь же в отношении Лайма мой план провалился. Моё обращение с ним и не пахло такими словами как мило и добродушно.

— О, так это вы...

— Рад познакомиться с вами, Госпожа.

— Давай без официоза. Ты и сам знаешь, — я снизила голос до шепота, хотя рядом с нами не было никого, кто мог бы оказаться лишним, — мне нельзя здесь находиться. Новое кодовое имя — Нери.

— Как это все-таки забавно, — подперев голову кулаком, Лайм медленно переводил взгляд со стража на меня, а в частности, на мой парик, — если бы мне сказали, что та самая Сисиль прокрадется в другой регион для продажи незарегистрированного товара, я бы помер со смеху.

— Поверь, тебя никто не останавливает. Но я вынуждена сказать тебе спасибо. Ты очень помог Ждаку. Что уж, ты мне помог.

— Ох, как приятно. Но я делаю это не за спасибо.

— Разумеется.

Лайм рассказал нам о том, что проблем после продажи первой партии не возникло и более того, многие барышни, купившие духи ещё на черном рынке, пожелали приобрести ещё. Вопросы о производителе удивительным образом не всплывали, хотя участники подобных махинаций, должно быть, этим и не интересовались. Другое дело — аристократия. Она интересовала меня куда сильнее. Однако данной информацией Лайм не владел, и я решила взять бразды правления в свои руки. Нет-нет, я не собиралась становиться представителем косметической компании, что ходит по домам, предлагая товары, ведь духи пахли превосходно, и мне было достаточно гулять по улицам, периодически впрыскивая на себя содержимое флакончика. Я поделилась этой идеей со своими напарниками, и Ждак тут же обвинил меня в неосторожности.

— А как по мне, то неплохо, — усмехнулся Лайм, — так вероятность привлечь внимание богатеньких господ гораздо выше. Ждак, тебя на черном рынке уже все знают, поэтому ты сможешь продать духи и без меня. Я останусь с Госпожей в качестве охраны.

— Я сама себя не защищу что ли?

— Нет, — строго произнес Ждак, проявляя настырный характер своего отца, — я ответственен за вас. Пусть хотя бы Лайм будет в сопровождении.

На том и решили. Мой сподвижник из Мордора отправился на курсы по становлению представителем будущей

компании Орифлэйм, тогда как мы с феём устроили прогулку по окрестностям Валии — так назывался этот город. Взяв меня под руку, Лайм решил за нас двоих притвориться влюбленной парочкой, чтобы не привлекать особого внимания, но только на нас все и смотрели. Обойдя два парка, одну скучную галерею и навоняв духами везде, где только можно, мы отобедали в непримечательном ресторанчике, после чего новый спутник повел меня в богатый район. По его словам, выглядели мы очень прилично, а потому никто нас не прогонит.

Стоит отдать Лайму должное — он рассказал мне много полезного и компрометирующего, пускай его информированность несколько напрягала. Я узнала о высоких налогах, о безработице и нежелании Императрицы вести прием простого слоя населения. Уровень жизни, тем не менее, здесь был достойным, из-за чего даже безработные не желали покидать регион, вот только проблем это не решало. Послушав Лайма, я поняла, что жуть как не хочу править большим количеством людей. Я согласна и на деревню с двумя сотнями.

Фею нынешняя Императрица не нравилась: он называл её заносчивой, самовлюбленной и жадной, описывая всё так красноречиво, будто бы он был знаком с ней лично. На мой вопрос о его занятости Лайм ответил уклончиво, и потому слова Ждака о сомнениях в сопровождающем оказались верными. Не настаиваю, но любопытством давлюсь.

В районе богачей царила благоговейная тишина в окружении сотни кипарисов и небольших фонтанчиков, в каждом из которых плавали стайки маленьких рыбок. Некоторые дамы чинно прогуливались по улицам со своими джентльменами, и Лайм, вылив на меня очередной флакон, уверенно зашагал в парк.

— Кстати, вы не боитесь, что духи могут запросто подделать тутошные мошенники?

— Я уже думала об этом. Но подделать эфир никто не сможет. Цветы, из которых был выделен эфир, растут только в Мордоре.

— Неплохо. Но что вы скажете, если от вас потребуют ответа о производителе?

— Как ни крутись, а задница сзади. Скажу правду.

— Вот так просто?

— Рано или поздно все узнают. Распространение слухов — тоже работа.

— Кстати, к нам собирается подойти вот та пара, — довольно произнес фей, широко улыбаясь и неожиданно махая рукой. Видимо, эти люди были ему знакомы.

— Сэр Лайм, рада видеть вас, — произнесла ухоженная женщина, в то время как меня распирал смех. Если бы парень не дернул меня за руку, я бы укатилась со смеху от сэра Лайма. Если в этом мире есть сэр Папайя и сэр Финик, я содохну. — Какая у вас очаровательная компания! Не представите нас друг другу?

— Конечно, баронесса Гинская, это моя дражайшая спутница леди Нери.

Я сделала легкий книксен, который помнила благодаря Сисиль, и улыбнулась настолько мило, насколько это позволяло лицо. Кажется, баронессу эту устроило, и она повернулась к своему мужу.

— А ты не верил, что сэр Лайм найдет свою даму сердца. Посмотри, как счастлив он рядом с ней!

Мы с феём украдкой переглянулись. Мы могли бы стать семейкой лицемеров, и никто бы даже этого не заподозрил.

— Ох, моя дорогая, что это за чудесный запах?

— Полагаю, вы почуяли духи, — я достала из кармашка флакончик, давая женщине возможность насладиться запахом.

— Никогда подобного не встречала прежде. Невероятный запах! Где вы купили его?

— Утром на главной улице ходил некий торговец. Простите, я не разглядела его — так была очарована этим запахом. Но, кажется, он сказал, что товар из девятого региона...

— Как такое возможно? — и баронесса, и её муж широко распахнули глаза. — Они же ничего не производят?

— Я тоже так подумала. Но навряд ли бы торговец стал врать подобным образом.

Поговорив ещё немного о погоде и очередных направлениях моды, мы разошлись в разные стороны, однако, прежде я убедилась баронессу принять подарок в виде флакона, объяснив это простой щедростью. Как считал Лайм, большей сплетницы, чем баронесса Гинская, в округе не найти.

— Значит, начинаете все с чистого листа, — подвел итог фей, когда мы спускались к рыночной площади, где собирались встретиться с Ждаком. — Интересно...

— Да, так и есть.

— Могу ли я попросить вас принять меня в Мордор?

— На это нужно моё разрешение? И что ты вообще забыл в полуразрушенном секторе?

— Да, чтобы жить в другом регионе, нужно согласие правящей там Императрицы. Моя семья раньше жила в девятом секторе, но переехала во время смут. Я бы хотел вернуться на родину. Но вы можете считать, что я просто делаю выгодное вложение в будущее.

Я совершила ошибку. Не потому, что отправилась в чужой регион под прикрытием, а потому, что не разузнала о Лайме больше информации и подписала его прошение без задней мысли. Просьба человека о возвращении на родину показалась мне настолько трогательной, что я не посмела отказать тому, кто уже не раз и не два помог мне самой. Мысль о том, что хотя бы для одного человека в Шеэтии Мордор не является сборищем зла и разврата, отпечаталась на душе теплой и приятной вестью, и вот теперь я пожинаю плоды собственной невнимательности.

Милovidный Лайм, что уже обосновался в замке и выдал свои труселя горничным на стирку, оказался никем иным, как одним из членов совета при дворе восьмой Императрицы, и, безусловно, его внезапный переход под моё крыло взволновал весь тамошний дворец. Принимая во внимание скорость распространения сплетен, а также время их осмысления, находим путь их передачи в другие регионы. Не хотела привлекать слишком много внимания? Распишись и подавись. С другой стороны, если у тебя в этой жизни нет проблем, то, скорее всего, ты уже умер.

Мой народ посчитал это стратегическим и неожиданно умным действием с моей стороны, даже не догадываясь о том, что на самом деле Акелла попросту промахнулся. Как высказался Подсолнух, наличие во дворце опытного советника окажет благоприятное влияние на все дела, а также на репутацию, которую, как мне казалось, не спасти. Все равно, что песочной лопаткой навозную кучу убирать, — долго, муторно, неприятно, а в конце помрешь в вонючем закутке среди мух.

Лайм считал свою мордашку рекламным щитом, хотя упаси меня Богиня Жизни от такого рекламного щита. Однако со временем я поняла выгоду своего поспешного решения — в финансах и внешней политике он разбирался лучше, чем мы все вместе взятые, а потому часть обязанной взял на себя. Конечно же, я была ему благодарна, ведь все подданные, что ныне работали во дворце, трудились на данном этапе за «спасибо», а каждый труд, по моему разумению, должен был быть оплачен. Я не беру во внимание выручку с продажи жалких пятидесяти флакончиков — этого очевидно мало.

С Лаймом мы подружились на славу именно потому, что наша внешняя оболочка не соответствовала внутренней, но новый советник оказался гораздо ответственнее и собраннее меня самой. Восхваление моей гениальности (Лайм, в самом деле, считал открытие духов удивительным) не мешало фею обвинять меня в лени, чрезмерной злобе и странным увлечениям — стрельба из револьверов ему явно не нравилась.

Время шло, и Лайм поставил производство духов на ноги, решив выделить для этого отдельное здание. Он утверждал, что обладает сильной интуицией, и считал открытие торговли делом не столь отдаленным, поручив мне придумать ещё несколько запахов. Присутствие в составе эфира цветка, вызывающего временную зависимость, его не удивило, и он лишь уточнил, не сможет ли кто-нибудь ещё это узнать. В своём рецепте я была уверена — никто ничего не заподозрит — а когда Мордор вырвется из заточения, я запросто уберу этот ингредиент из состава.

Пристрастие к алкоголю — стало ещё одной новостью, которая сильно удивила моих подданных, но вот незадача — тельце Сисиль, что никогда ничего не употребляла, оказалось очень чувствительным к подобному увлечению. Все произошло быстро и случайно в тот день, когда Лайм «по благу» достал ящик вина. Его спрятали в подвале, чтобы достать на праздник, но к вечеру обнаружили в подвале меня, где я лежала в стельку пьяная после одного по-тихому выпитого бокала. Ящик перепрятали и мне не говорили. Порой кажется, что я всё же живу с предателями.

— Алкоголь для слабаков. Сильные наслаждаются депрессией, Госпожа, — сказал мне с усмешкой Лайм, когда я в очередной раз обвинила своё окружение в лишении меня удовольствия.

— Поздно пить компотик, когда уже вино купили...

— Есть новости поинтереснее, Сисиль. Мои люди в Валии сказали, что многие баронессы ищут того самого продавца духов. Я считаю, что писать прошение восьмой Императрице с просьбой открыть торговлю следует сейчас. Хороший момент.

Сказано — сделано. Хотя прошение писал Подсолнух. Лайм, как и Ольга, обозвал мой способ письменного обращения излишне агрессивным и невежливым. А я считала, что обращение «Глотайте пули из Мордора» сразу указывало на изменение образа моего мышления. Как бы то ни было, почта Шеэтии работала лучше, чем в моем родном мире, а потому ответ пришел к вечеру, и кто бы мог подумать, что мне ответят согласием. Полагаю, Императрица была попросту шокирована переходом своего советника под мое крыло, решив посмотреть самой, что происходит.

— Мы с ней никогда не ладили. Моё увольнение было делом времени, — пояснил как-то Лайм, — но мой выбор, оказывается, хлытнул по ней сильнее, чем я предполагал.

Как бы то ни было, мы собрали пожитки к врагу. Я не стала отходить от устоявшегося образа и надела на встречу розовое платье, выслушав целую тираду о том, что следует вести себя прилично. Я решила пускать пыль в глаза так долго, сколько это возможно, — все во имя того, чтобы однажды увидеть эти обманутые и удивленные лица! Но злобным планом я все же поделилась с другими. Будет неловко, если я начну вести себя иначе без их

ведома. Лайм посчитал это правильным, сказав, что рядом со слабой жертвой будет видно больше врагов.

Мы отправились в путь. Запрягли единственную лошадь (я думаю, она уже проклинала меня и эту жизнь) в починенную на скорую руку карету и покинули Мордор на рассвете. Нас было четверо, четыре пацана: я, Лайм, Подсолнух и Оляха. Не звали б меня Сисиль, можно было бы считать нашу группу стартовым набором юного вегетарианца. Всё это время фей не умолкал ни на минуту, пытаясь вбить в мою голову основы заключения договоров, всевозможные уловки, а также главное правило Лайма — никуда не отходить от Лайма. Удивило меня совсем другое...

Несмотря на то, что Император имел довольно значимое число жен, они были нужны ему только для сохранения власти и идеального контроля над другими секторами. Наследников у него не было, мужские желания он, очевидно, удовлетворял в другом месте, и на мой вопрос о потребности женщин в ласке, мне ответили одним лаконичным словом — фавориты. Некий лицензированный гарем, возведенный в абсолютно нормальное и даже обязательное явление. Этих особей заводила каждая уважающая себя Императрица, а некоторые и вовсе начинали размножаться! Что же Император? Он у нас, видимо, был нигилист.

У меня эти животные тоже обитали когда-то во дворце — сбежавший советник, женатый маг, который затем спился, один из дворецких, которого забрали в психушку... То ли Сисиль совершенно не разбиралась в мужчинах, то ли жизнь сложная. В любом случае, фаворитов нужно было уважать, ведь они стояли подле Императрицы. А ещё кормить, одевать, следить, чтобы он не помер, как мой первый тамагочи, и при всем притом не считать его альфонсом. Это казалось мне крайне возмутительным, и, даже когда я поднималась по лестнице в замок, мысли мои были заняты совершенно другим. Лайм осторожно пихнул меня в бок. Я нацепила на лицо беззаботное и добродушное настроение.

Дворец у этой мадам был обустроен прекрасно: сотни картин, статуй, растений, в каждой комнате сидел музыкант с арфой или скрипкой, — буржуизм во плоти. Местные обитатели смотрели на меня, как дети на уткуноса, и я была рада, когда главный дворецкий незамедлительно провел нас в зал для заключения переговоров. Там я встретилась взглядом с Императрицей и вспомнила всё, что было с ней связано.

Прежняя Сисиль очень боялась Гертруду — так звали эту кандидатку на мой гнев — по той простой причине, что восьмая Императрица с самого начала бросала взгляды на девятый регион. Точнее, на его обитателей. Вечные притеснения, постоянные оскорбления, непрекращающиеся разборки — в конце концов, Гертруда попросту переманила всех ремесленников к себе, сделав регион ещё богаче и ещё разнообразнее. Характер у неё, в самом деле, был чрезмерно напыщенный и боевой. Она всегда давила на соперника, и дипломатией тут и не пахло. К сожалению, выглядела она неплохо (с другой стороны, навряд ли бы Император взял в жены уродину). Гертруда была очень высокой и темноволосой, носила платья с корсетами и непременно сжимала в кулачке веер.

Она взглянула на мой шрам на лбу, мило улыбнулась и молча пригласила меня сесть в кресло. Я видела, что взгляд её обращен на Лайма, но тот выглядел собранным и строгим.

— Я удивлена, — начала она тихим голосом, не сводя с мужчины взгляда. Видимо, разговор строился не со мной, — очень удивлена.

— Порой жизнь преподносит большие сюрпризы.

— Действительно... Значит, решил восстановить девятый регион? Ты придумал эти... духи?

— Нет. Это заслуга Госпожи Сисиль.

— Я согласна с покупкой, вот договор.

Зачем вообще я сюда приехала? Гертруда смотрела на своего бывшего советника, буквально пожирая его глазами, Лайм проверял пункты договора, а я смотрела на стоявший в углу графин. Он, я уверена, был полным.

— Распишитесь вот здесь, — обратился, наконец, ко мне фей, и дверь к светлому будущему Мордора чуть приоткрылась с оставленной на бумаге закорючкой.

— Поверь, я бы не согласилась, если бы не настойчивые баронессы и Лайм за твоими плечами, — было брошено в мой адрес, а я продолжила давить лыбу, как идиотка. Не сейчас, не сейчас. Всё во имя великой аферы. — И как тебе, Лайм? Как тебе заброшенный Мордор? Не жалеешь о принятом решении?

— Нет, Госпожа Гертруда.

— И что же ты всё-таки там нашел? Поделись со своей бывшей Госпожой. По-дружески. Ты ведь обрек себя на нищее существование, и я бы хотела знать почему. Не говори о любви к родине: все это неправда и сильно раздражает.

Так как Лайм стоял рядом со мной, я видела, что он сильно сжал кулаки. Гертруда явно насмехалась над ним и его чувствами, а фей не мог сказать ей слова против из-за страха потерять едва приобретенный договор. Он молчал, а Императрица принялась смеяться. Все. Как в той песне: лопнула струна, нету запасной, я начинаю играть без одной.

— Ни кола, ни двора. Ничего. Куда же ты сбежал, милый?

— Ко мне, — с довольной улыбкой ответила я. — У меня личико милое.

— Только оно у тебя и есть, — хмыкнули мне в ответ.

— У меня еще есть понятие норм. И я бы никогда не стала разговаривать в подобном тоне со своими гостями.

Оказывается, плевать исподтишка в человека, сохраняя при том улыбку, крайне забавно. А ещё забавнее, смотреть на лица тех, кто подобного явно не ожидал.

— Ты, наверное, полежав в гробу, осмелела.

— Кто знает.

— Знаешь, Лайм, я позволю тебе великодушно вернуться ко мне. Я даже повышу тебя в статусе.

— У Лайма и без того уже самый высокий статус, — довольно ответила я, хлопая в ладоши. — Он мой драгоценный и любимый фаворит.

— Что? — вскрикнула Гертруда, вскакивая с места.

— Что? — тихо переспросил у меня фей, нагнувшись ближе.

— Что слышала, — с улыбкой ответила я, пытаясь запечатлеть в своей памяти вид разозленной и раскрасневшейся Императрицы. Прекрасно. Пускай Лайм и говорил о том, что Гертруда его раздражает, сама Госпожа, очевидно, видела в Лайме привлекательного мужчину. Я всё же смогла нанести ей ментальную пощечину, и фей понял это мгновенно, согласно кивнув.

Так завершилась моя «первая» официальная встреча. Лайм пообещал достать вино, чтобы отметить договор.

— Выпьём?

— Самая трезвая мысль за весь день!

В столовой раздался звон бокалов, и веселый смех наполнил комнату. Мордор вышел из тени, и производство духов начало приносить свою небольшую, но жутко приятную прибыль. Небольшой процент следовало отсылать Императору, но доля эта оказалась настолько приемлемой, что я ликовала. Мой народ начал считать меня неглупой, вокруг собирались те, кому я могла доверять, а восьмая Императрица давилась завистью от того, что её бывший советник отныне мой фаворит. На самом деле, я не придавала этому факту столь большое значение, ведь сказано это было с целью задеть Гертруду и «отомстить» за нападки на Лайма, однако, последний посчитал мои слова серьезным заявлением.

— А знаете, Госпожа, вы в моем вкусе! Я не против! — довольно заявил он, взмахивая бокалом и проливая часть на свою одежду. — Это воистину симбиоз!

— Что ещё за симбиоз? — строго спросила Ольга, отодвигая бутылку от меня подальше.

— Мы с Сисиль рождены, чтобы помогать друг другу!

— Ох, Госпожа, прошу, вам хватит!

— Нет, Ольга! Как говорят врачи, бокал вина на ужин — это не только полезно, но ещё и мало!

Это был чудесный вечер. За окном медленно растворялся жаркий день, и полная людей столовая шумела вместо инструментальной музыки. Все пожимали мне руки, извинялись за ложные суждения, просили вести их дальше, а Лайм рассказывал о своем детстве, где его часто пугали с девочкой. Интересно, в какой семье росла Сисиль? Пускай, мой шрам на лбу сияет ярче солнца, спрашивать о своих же родственниках будет крахом моей новорожденной репутации, а потому придется ужом изворачиваться, лишь бы хоть что-нибудь узнать. На всё это будет время, куда важнее сейчас узнать другое.

— Кстати, Лайм, мы сможем открыть торговлю ещё где-нибудь?

— Я уже думал об этом, Сисиль, — ответил раскрасневшийся фей, — и пока ничего толкового не надумал. Первая Императрица сейчас занята отчаянным охмурением Императора, ей и без нас хорошо. Вторая и третья согласятся только, если и мы взамен начнем покупать у них товары. Четвертая, сами знаете, — злобная генеральша, которая вечно ищет горячие точки, с пятой все немного попроще — она попросту всех ненавидит. С шестой — Госпожой Сильвией — вас связывают крайне неприятные воспоминания, а седьмая при каждой встрече требует слишком много подношений.

— Ну-ка, фрукты, встаньте в ряд. Вместе мы — прогнивший сад... — задумчиво протянула я, понимая сомнения Лайма. Из всех зол выбирают меньшее, но тут и выбирать не из чего.

— Усовершенствуем производство, начнем получать относительно стабильный заработок, а дальше я буду пытаться выйти ещё на какой-нибудь регион. Недовольство Гертруды пойдет нам на пользу. Мордор станет на слуху, и многие, думаю, заинтересуются.

Есть одно неизменное правило: если вечером было слишком хорошо, значит, утром будет очень плохо. Этот случай не был исключением, и страдала я от похмелья почти весь следующий день, не сделав ничего полезного. Ольга любезно поила меня родниковой водой, делала расклады на картах — она училась гадать — и вообще предсказала, что в мою жизнь придет змей-искуситель. Вечером её сменил Подсолнух, и, в целом, дни потянулись обыденно и размеренно.

«Дорогой дневник, я про тебя забыла.

Прошел месяц с тех пор, как я проснулась в этом мире с разбитым лбом, и вот моими потугами Мордор стал чуточку счастливее. Мы отмыли дворец, выщипали траву на главной площади, наладили производство духов, которые, благодаря чудному ингредиенту улетали как пирожки, и даже нашли среди селян бывших стеклодувов, которые пообещали создать скляночки для духов. Вспомнив самые привлекательные дизайны своего мира, я в общих чертах нарисовала на бумаге желаемое, и вот — меня уже называют творческой персоной.

Многими делами занимается Лайм, за что я ему крайне признательна. Моих мозгов не хватило бы на то, что просчитывал он, благодаря чему с нами согласилась торговать пятая Императрица. Если я правильно поняла, то её сильно достали ноющие аристократки, и она решила побаловать себя избавлением от этого соплежуйства. Что удивительно, Госпожа Яйра мне очень даже понравилась. Её неприкрытая злоба ко всему и каждому вызывала восхищение, да и воспоминаний особо плохих с ней не оказалось — Сисиль, как и предполагалось, попросту её боялась. Вместе с Яйрой у нас даже состоялся разговор, где мы вместе жаловались на других, а завершился он договором и пожеланием друг другу удачи. Её не сковывали предрассудки, и за это я уже была ей благодарна.

Пускай доход вырос, я боялась тратить его на покупки. У нас не хватало рук, но селиться в Мордоре никто не желал. Около пятидесяти человек были заняты на производстве, семьдесят работали на полях, тридцать реставрировали город, а десять были заняты во дворце. Оставшиеся же были детьми, которых я не имела права

привлекать к работе.

Я завидовала первому региону. У них был спирт. Я завидовала второму сектору. У них были настолько удивительные животные, что моя внутренняя капризность умоляла хотя бы об одном. Лайм выслушал меня спокойно, показал ценники, а после я заткнулась, думаю, на очень долгий срок. Мне обидно».

Сегодня я решила погулять в лесу. Взяла с собой револьвер, флягу с водой и Ждака, и отправилась на проветривание к границе, где деревья были красивее. Мы хотели найти растущие там грибы, и Лайм строго приказал нам даже не пробовать их на вкус. Звучит, как вызов.

— Я, когда был маленьким, попробовал их как-то...

— И что было?

— Ну, — чуть покраснел Ждак, складывая в корзинку найденный гриб, — проблемы... с желудком.

— Понос?

— Госпожа! Что за грубые слова? В любом случае, нам их нужно совсем немного. Матушка умеет их готовить, получится вкусно.

— Она точно умеет? У нас пока только один рабочий туалет.

— Который вы занимаете притом на целый час!

— Я читаю.

— Госпожа, этим не надо заниматься в туалете.

— Мой замок! Где хочу, там и читаю! И вообще...

— Тихо!

— Ты цыкнул на меня?

— Да прислушайтесь же!

Я недовольно скривила физиономию, но замолчала. На высоких деревьях пели не известные мне птицы, в кустарниках стрекотали насекомые, и ветер играл на мягкой шелестящей листве, что изредка отрывалась от веток и прилетала мне по лицу. Я могла бы назвать это очередным свиданием с Ждаком, если бы не один странный, не вписывающийся в атмосферу звук. Мы двинулись ему навстречу, и сильно удивились, когда различили детский плач. Быть может, ребенок из села заблудился?

Раздвинув кусты, я увидела девочку десяти лет, что совершенно не походила на крестьянского ребенка. Хотя бы потому, что нижняя её часть была лошадиной. Она взглянула на меня своими большими зелеными глазами и расплакалась лишь больше, горько прижав к лицу маленькие ладошки. В её светлых кудрявых волосах застряли листья и веточки, а дорогое платье, чуть прикрывающее белый круп, оказалось порванным. Я сделала шаг вперед, села перед ней на корточки.

— Втяни соплю, давай поговорим.

— Госпожа, с детьми так не разговаривают. Отойдите.

Ждак отпихнул меня в сторону, сел рядом с девочкой, вдруг положив ей на голову свою руку. Она жалобно всхлипнула, но притихла, бросив на него испуганный взгляд. Он ласково улыбнулся, и девочка замолчала.

— Всё хорошо. Мы тебя не обидим.

Маленькая кентаврида посмотрела на меня, но я взгляд отвела. Общение с детьми — не моя стезя.

— Скажи, что случилось. Мы поможем тебе. Хоть по этой девушке и не видно, но она Императрица.

— Ну, спасибо.

— В-вы...? — жалобно проговорила она тонким голосом, и вдруг вскочила на копытца, цепляясь руками за моё платье. — В-вы?

— Я. Я.

— Пожалуйста, помогите... Не отдавайте...

— Рыба моя, я не смогу помочь тебе, если ты не объяснишь, в чем дело.

— Госпожа! — с упреком воскликнул Ждак, взяв девочку за руку. — Пойдем. Выпьешь чай, покушаешь. Я думаю, ты устала.

Мы вернулись во дворец, где нас встретили десятки удивленных взглядов. Кирка и его жена поспешили заняться физическим состоянием девочки и тотчас увели её на кухню, тогда как Лайм, схватив меня за плечи, начал внезапную и недовольную встряску.

— Где вы нашли её? Зачем привели?

— Да валялась под деревом...

— Сисиль, у нас могут быть проблемы! Вечером нам нужно вернуть её домой!

— Что ты злишься-то так? Кто это?

— Это дочь второй Императрицы! Если узнают, что она у нас...

— Ого. Не хило она так заблудилась.

Лайм тяжело выдохнул, отпустил мои плечи и принялся мерить шагами комнату. Выглядел он очень

взволнованно и даже испуганно — впервые, наверное, я видела его таким.

— Эй, Лайм. А она кентаврида, потому что вторая Императрица любит животных?

— Сисиль... Иногда мне очень хочется тебя прибить.

К вечеру девочка была помыта, накормлена и приведена в должный вид. Как оказалось, в спокойном состоянии Эльфия предстала перед нами, как спокойный и развитый не по годам ребенок с покрасневшими от слез глазами и с исцарапанными руками. Она вела себя вежливо и почтительно, однако, не прекращала бросать на меня просящий взгляд, пускай и сидела я в самом углу. Если это очередная диснеевская принцесса, которая сбежала в лес петь с животными, я незамедлительно отправлю её домой, как того советовал Лайм. Только вставшему на ноги Мордору не нужны проблемы.

— Госпожа Сисиль, — обратилась она ко мне, проигнорировав все добрые и снисходительные вопросы от Ольхи и Ждака, — я бы хотела поговорить с вами наедине.

— Ты уверена? Ты про меня не слышала?

— Матушка высказывалась о вас негативно. Именно поэтому я решила просить помощи у вас.

Так-так-так, неужели на повестке дня конфликт матерей и их детей? Очень любопытно. Хотя подобный подход к решению проблем казался мне нелогичным, Эльфия выглядела уверенно, но вместе с тем жалко, и столь странное сочетание не могло не затронуть струны души. Лайм понял это по одному лишь взгляду на меня, и обратился к девочке, не дожидаясь моего согласия.

— Я фаворит достопочтенной Императрицы. Я должен всегда быть подле неё.

Странно, но Эльфию это устроило, и, когда все остальные покинули помещение, она подошла ближе, нервно щипая себя за пальцы. Лайм выглядел скептически. Я, должно быть, глупо. Бедная девочка...

— Скажите, Госпожа... Есть ли возможность мне остаться здесь?

— Это исключено, — тут же рявкнул фей. А я думала, что он не умеет злиться. — Ты понимаешь, что ставишь под удар весь девятый регион?

— Уверяю вас, это не так! Моей матери нет до меня дела...

— Поверь, как только она узнает, что ты здесь, сразу же появится!

— Тише, Лайм, пусть расскажет...

— Сисиль, я хочу, чтобы Мордор процветал. На тебя могут обрушиться огромные проблемы, и я не смогу тебе помочь! Я не хочу, чтобы ты...

— Я поняла, — быстро перебила его я, пока дело не дошло до личных взаимоотношений, — я очень это ценю. Давай просто послушаем. И все...

Он недовольно фыркнул. Демонстративно взмахнул рукой, и ступавшая прежде Эльфия возобновила рассказ.

— Поверьте, я нежеланный ребенок. Моя матушка не хотела беременности, но отец — он был главнокомандующим армией Запада — заставил её родить. Но, как следствие, я никому не нужна, — сказала она дрожащим голосом, но без запинок и всхлипываний, — отец погиб, а матушка отдала меня фрейлинам. Но тем до меня тоже дела не было.

— Жертва одиночества, — пробубнил Лайм, хотя и во мне эта история как таковой жалости не выявила.

— Матушка очень вспыльчива, и, к сожалению, часто вымещает свою злобу на мне, — девочка приподняла платье и показала длинный шрам от пупка до ребер, — она не считает меня своей дочерью. Говорит, что из-за меня её не полюбит Император.

— Но раз ты столько терпела... Сколько тебе лет, кстати?

— Двенадцать.

— Раз ты столько терпела, — продолжила я, — почему сбежала только сейчас?

— У меня, наконец, проявилась магия, и я не хочу, чтобы матушка узнала о ней...

— Что за магия? — строго вмешался мой названный фаворит, отпивая из бокала воды.

— Телепортация.

Та вода, которую Лайм вобрал в рот, оказалась на мне в виде освежающих брызг. Он с трудом откашлялся, а мне пришлось вытирать лицо рукавом. Не была б я простолюдиной в душе, сидеть бы тебе фей в колодках и на гречке.

— Так ты благодаря этому оказалась здесь? — спросила я, пока Лайм надрывно кашлял и невнятно бубнил, активно жестикулируя. — Телепортировалась и все дела?

— Да, Госпожа...

— Это впечатляет, — наконец, членораздельно произнес Лайм, — редкая магия. Очень редкая, — пояснил он специально для меня. — Настолько редкая, что жуть...

— Так давай примем её в Мордор, как тебя.

— Она сможет отвечать за себя только с восемнадцати лет. А я не думаю, что Императрица согласится дать разрешение. Она поймет подвох.

— Умоляю, прошу, — Эльфия наклонилась так низко, что её голова оказалась на уровне копыт, — мне не к кому обратиться. У меня никого нет. Я пришла к вам, потому что думала, что... Что... Что и вы так же одиноки, как я! Простите!

— Эльфия, — строго произнес Лайм, — иди в подготовленную комнату и поспи, если сможешь. Мы подумаем с Госпожой, что можно сделать.

Маленькая кентаврида сжала в кулачки складки платья, но покорно удалилась, оставив нас с феем наедине. Будучи выходцем другого мира, я не особо вникала в суть происходящего, поняв лишь то, что Эльфия — жертва, но Лайм выглядел озабоченно.

— Ты же сказал, что нам надо отправить её домой.

— Сисиль, это магия телепортации. Ты понимаешь? Да мы... Да мы с ней зажить хоть сможем! Не тратиться ни на ездовых животных, ни на кареты, ни доплачивать поставщикам, да даже люди начнут стекаться в город, когда узнают, кто в твоей свите!

— Какой ты корыстный. Кто бы мог подумать.

— Такой же, как ты. Единственный способ заполучить всё это — лишить вторую Императрицу родительских прав. А ты сделаешься опекуном Эльфии.

— Ты забыл, что при нынешнем положении мы никаких дел не выиграем?

— Но...

— Никто не поверит ни нам, ни Эльфии. Никто не пойдет против второй Императрицы.

Мы не пришли к единому решению. Долго бились и кружили над очевидными фактами, и лишь утвердились в том, что бессильны. Однако думать нам больше не пришлось. Уже следующим утром нас обвинили в похищении дочери второй Императрицы...

«Дорогой дневник, наверное, в этом мире мне уготована роль злодейки.

Прошлым утром к нам заявили злобные кентавры, забрали девочку, оставив в подарок письмо с обвинением в краже. Мало того, что мы без причины попали под раздачу, так ещё и Эльфия сорвала голос, пока плакала. Моя злобная идея в этом мире номер два: стать причудливой цыганкой и воровать кентавров. Пусть знают, с кем связались!

Лайм предположил, что вторая Императрица узнала о способностях своей дочери, ведь иначе объяснить подобные меры было трудно. Она не только харкнула в мою сторону своими наездами, так ещё и призвала в суд, чтобы оттяпать в качестве компенсации у меня только зарождающийся бизнес. Конечно же, я вне себя от злости! Обстреляла всю радугу и даже лавки в саду! А ведь всё только-только начало расцветать, только-только я начала думать о том, каким станет новый этап для Мордора. Ещё и Гертруда вновь стала засыпать Лайма письмами с предложением вернуться... Белая полоса для девятого региона оказалась слишком короткой. Мы вновь с разбега прыгнули в какое-то дерьмище.

Суд, так суд. Приговор будет выносить сам Император, так что хоть посмотрю на его рожу. В столице побываю... Надо же хоть какие-то плюсы во всем этом искать? Лайм уверен в том, что мы проиграем дело, вот только я совершенно не расстроилась. Планы мести я придумываю гораздо быстрее, чем планы по благоустройству и счастливой жизни. А потому, если дело, действительно, прогорит, я любезно отдам второму региону рецепт и даже подарю им чудесный цветок с прекрасным запахом, о побочном эффекте никто, кроме нас, не знает. И поверь, дорогой дневник, если меня подставят, я сделаю так, что второй регион погрязнет в навозе вместе со мной.

Эльфию жалко. Но гораздо больше мне обиднее за свой народ, который старался вместе со мной. Я искренне извинилась (не знаю за что, наверное, за свое невезение) перед селянами, а те вдруг посочувствовали мне. Сказали, что им не привыкать. Утешение так себе — мне лишь стало хуже. Перед Лаймом я чувствовала себя особенно виноватой, и сказала ему, что пойму его желание вернуться в Валию. За эти слова я получила книгой по голове и немного успокоилась.

Тем не менее, именно Лайм и смог остудить мой пыл. Ночью. Он называл это профилактикой стресса. Если честно, то профилактика была так себе. Надеюсь, Лайм никогда не найдет этот дневник...».

Рассматривать столицу желания не было. Вместе с Ольхой и Подсолнухом мы ехали в арендованной карете, окна которой были плотно задернуты дешевой тканью. Я не решилась брать с собой других: чем меньше моих подданных присутствует на подобном позорище, тем лучше. Вопреки всеобщему ожиданию я облачилась в черное пышное платье с рюшами и бантами, сделав из себя представителя японской Лолиты. Своего рода негласные похороны зародившегося бизнеса.

Да, я была настроена на проигрыш. Почему? Потому что со второй Императрицей никто не желает ссориться, судья наверняка подкуплен, все факты против моей персоны собраны, а я, по идее, вообще должна лежать в гробу, а не по судам таскаться. Императору, полагаю, вообще на этот процесс все равно — думаю, он попросту согласится с судьей и поедет в замок лысого гонять. Еду в какой-то гадюшник, честное слово.

Не буду лукавить: на Эльфию я все же злилась, пускай она и не была виновата. Но как великие надежды обрушились на трудящиеся в поту натуры, так и душа требовала найти источник проблем, который можно было бы обвинить во всех грехах. Сваливать случившееся на девочку было бы маразмом, поэтому я внутренне проклинала Императрицу.

Карета остановилась. Мы вышли на площадь, в центре которой находилась статуя Фемиды. Ну, сегодня в зале суда она, очевидно, будет отсутствовать. Как будут отсутствовать здравый смысл и надежды на равное отношение. Здание суда, спешу заметить, было красивым настолько, что я засомневалась в собственном дворце. Это ж как тогда выглядит замок Императора, если в столице такие суды?

Нас довольно любезно провели внутрь, усадили на роскошные красные диваны и предложили чай. Как мило. Вот сами его и хлебайте!

— Давайте украдем отсюда что-нибудь.

— Госпожа, прошу, успокойтесь...

— Я хочу им подгадить.

— Госпожа! Я понимаю вашу злобу, но держите себя в руках.

— Смотри, какая ваза. У нас же точно такой не будет.

Ольха смерила меня предупреждающим взглядом. Я демонстративно закатила глаза, но осталась на месте. К тому же времени у нас больше не было. Нас вновь вежливо провели через многочисленные залы, позволив войти в основное помещение для заседания. Девочки, ну, это какой-то шикардосик.

На самом верху, наподобие театрального балкона покоился пустой трон — видимо, даже Император не спешил в этот псих. диспансер — чуть ниже, прямо под ним, сидел судья в черной мантии, а ещё ниже друг напротив друга

стояли две трибуны, за одной из которых находилась вторая Императрица. Места для других участников заседания располагались по бокам, и весь зал переливался яркими красками, источником которых были прекрасные витражи на окнах. Хрусталь, шелк, черное дерево, чуть уловимый аромат дорогого вина — сразу становилось понятно, куда стекались все деньги тонко провернутых дел.

Ольха и Подсолнух — моя команда по улучшению работы желудочно-кишечного тракта — отправились на кресла для присяжных, тогда как я заняла своё почетное место за трибуной. Итак, вторая императрица. Воспоминаний о ней оказалось немного, но все они были гадкими и до жути противными, настолько обескураживающими, что казались выдумками заядлого пессимиста. Эта блондинистая тварюга отравила всех единорогов в моей конюшне, которых именно она, попросу заметить, когда-то подарила Сисиль. После эта жертва хаотической репликации хромосом, якобы случайно, выпустила в сторону девятого региона взбесившегося дракона, что сжег к чертям добрую половину лесов, а затем, в качестве вишенки на торте, увела у меня единственного адекватного фаворита, которому, вполне логично, надоело терпеть неудачи. Звали её Госпожа Аритька. Бесящая титька...

Судья ударил молоточком по своей деревяшке. По голове б себе постучал...

— Начнем заседание. Её Светлость Госпожа Сисиль Ебельмания обвиняется в краже леди Эльфии — дочери Её Светлости Госпожи Аритьки Черии. Госпожа Аритька, вам слово.

— Достопочтенный судья, все мы знаем, насколько Госпожа Сисиль безответственна, труслива и ненадежна, — начала она противным голосом с того, что казалось мне личным, — но то, что она поступит настолько подло, удивило даже меня! Моя любимая дочь... В тот вечер мы сильно повздорили, и она выбежала из дома, и... больше не вернулась.

Ну, давай. Ещё слезу пусти, Аритька. Тебя спасает пока только то, что у тебя такое же ужасное имя, как у меня.

— Я знала, что она обладает магией телепортации, — на этом слове в зале загалдели, — но, видимо, об этом узнала и Сисиль. Она похитила мою дочь, однако, стражи быстро вышли на след. Они обнаружили Эльфию в Мордоре. Все воины смогут это подтвердить.

— Да, Госпожа Аритька, все они дали показания. Что ж, вам слово, Госпожа Сисиль.

— А почему же в зале суда нет самой Эльфии? — с доброй улыбкой спросила я, пристально смотря на Императрицу, и та настороженно нахмурилась.

— Моя девочка сильно напугана. Она плачет и не выходит из комнаты. По вашей вине. Вы нанесли ей психологическую травму. Лекарь, что разговаривал с ней, также может дать показания.

— Мне все равно на эти показания, я бы хотела услышать саму Эльфию. И на вашем месте, судья, я бы сделала то же самое.

В зале воцарилось молчание. Я, наверное, погорячилась — всё же Сисиль в жизни не говорила никому слова против, а тут целое возмущение с моей стороны.

— Девочка сбежала от матери, так как та подвергала её постоянным побоям. У неё есть шрам на теле.

— Она упала в детстве!

— Не очень похоже. Она использовала свою магию, чтобы сбежать, и оказалась на моей территории. Не более. Вы же сами считаете меня глупой. Как в таком случае я додумалась до подобного?

Заседание длилось долго. Аритька до хрипоты обвиняла меня во всех грехах, вспомнив всё, что я, казалось, делала в этой жизни. Судья, который ожидал быстрой развязки, кривил рот, выслушивая многочисленных свидетелей, а я всё продолжала улыбаться, надеясь не разнести к собачьим хренам эту трибуну и череп Аритьки. Судилась я, если честно, впервые. Мне не понравилось.

Приговор был ожидаемым. Я оказалась виноватой после череды надуманных доказательств, а потому производство духов переходило под крыло второй Императрицы за неимением у меня нужной суммы, которую следовало отдать в качестве компенсации за нанесенную психологическую травму. Вот и все. Можно было бы закончить заседание и раньше. Аритька ликовала, но я бросила на неё такой злобный взгляд, что она замолчала. Подняв голову, я взглянула на трон на самом верху. Он был пустым — Император даже не пришел.

— Вы расстроены, — констатировал факт Подсолнух, когда мы решили прогуляться по рынку и купить что-нибудь для поднятия настроения, — но не печальтесь слишком сильно. У вас светлая голова!

— Да, Госпожа, — вторила ему Ольха, — вы обязательно придумаете что-нибудь еще!

— Мне обидно... Мои слова ничего не значат.

Тут они замолчали и ступевались, и даже Подсолнух понурил голову, не найдя подбадривающих слов. Мы лишь брели вдоль пустеющих рядов, даже не рассматривая скудные остатки товаров после утренней торговли. Вечерело.

— Что это за яйца? — я решила нарушить неловкое молчание и кивнула в сторону большого лотка, яйца в котором напоминали страусиные.

— О, — оживилась Ольха, — это забавная лотерея. Покупаешь яйцо и смотришь, кто вылупится.

— Киндер сюрприз?

— Не знаю, что такое киндер, но сюрприз точно. Обычно вылупляются гигантские курочки, вараны или...

— ...или, если повезет, райские птицы, — продолжил за фрейлину старенький продавец, что выскочил из-за угла, — у нас акция! Покупаете два — третье в подарок!

— Хочу курочку.

— Госпожа, — дернула меня Ольга за рукав, — они самые простые. Не нужны они вам...

— Хочу курочку.

— Конечно, Прекрасная Госпожа, выбирайте три яйца.

Пока Подсолнух расплачивался, я наклонилась над лотком, пытаясь, как в битве экстрасенсов, определить пол будущего создания через скорлупу. Мне нужен мальчик и девочка, пусть начнут размножаться — будут хотя бы яйца и выводок цыплят. Я взяла яйцо с голубоватым оттенком — предположим это мужская особь — а после с розоватым оттенком — если это не девочка, то я заставлю двух пацанов любить друг друга. А третье... Что ж, пусть будет вон то. Оно крупнее и темнее других. Быть может, это варан?

— Я долго думала над нашим следующим шагом, — громко воскликнула я, стоя на бочонке перед собранной толпой, — и поняла, что всё это время не замечала очевидного.

Идей у меня было много: работа с кремами, варенье из роз, выращивание льна, производство бдсм-игрушек, в конце концов, но всё это померкло рядом с тем, что всегда было в поле моего зрения, помогая с самого начала этой трудной жизни. Я взглянула на своего дворецкого и показала ему «класс».

— Мы будем производить масло!

— Сливочное? Его производит третий регион, — тут же ответил Кирка, отпихивая в сторону двух моих огромных куриц, что словно церберы ходили у бочонка, бросаясь на людей. Мои детки.

— А вот и нет! Будем делать подсолнечное масло и оливковое!

Идея пришла в мою голову случайно, когда я выгуливала своих куриц и осматривала владения неподалеку от дворца. Я была сильно удивлена, наткнувшись на позабытую всеми оливковую рощу, но ещё больше опешила от того, что жителям Мордора невдомек прелесть оливок. Путем логических расспросов я выяснила и про подсолнухи — оказалось, для народов этого мира это обычный цветок, польза которого никому не известна. Бинго. Скоро единоличному правлению сливочного масла настанет конец. Шеэтия погрязнет в косточках оливок и в шелухе из-под семечек!

«Дорогой Гнида,

у меня всё хорошо. Благодаря тебе. Не знаю, где ты, с кем ты, но хочу извиниться за то, что всегда смеялась над твоим хаосом в башке.

Идею с маслом восприняли без ажиотажа. Но это только потому, что они и слухом не дышат об истинной ценности моей безупречной идеи. Учítывая, что подсолнух в Шеэтии самый настоящий цветок, он находится в моей власти, а потому вчера я создала собственное золотистое поле — выглядит оно жутко привлекательно и волшебно. И, пускай много взрастить я не смогла, цветков оказалось достаточно, чтобы сегодняшним утром мы смогли срезать головки и высушить семечки. Спасибо тебе, Гнида, за то, что ныне меня считают гением. Идея была такова.

Мордор начинал производство семечек. Почему не масла? Чтоб в попе не погасло желание трудиться и вытягивать девятый регион на свет Божеств. Нам нужны были деньги и мастера для производства специального оборудования, а для этого следовало начать с чего-то попроще. Благодаря моим способностям мы не были ограничены во времени, Кирка и Ждак сушили семечки своей магией, а мой личный повар пробовала жарить семечки всеми возможными техниками, только бы те вышли вкусными. Она и сейчас стоит на кухне, а Ждак объясняет жителям технику — завод по производству духов мы переделали под новое занятие. Мы спешили, чтобы восьмой регион и пятый не передумали с нами торговать.

Моя репутация благодаря Аритьке вновь оказалась запятнана. Как меня только в других секторах не называли, но по итогу окончательным вариантом стало Фея Раздора. Если честно, то мне нравится. Пускай для остальных это жуткое оскорбление, по-моему, Фея Раздора из Мордора звучит круто и устрашающе.

Теперь у меня есть два гигантских цыпленка. Оба мальчика. Кто-то сомневался в моей удаче? Я нет. Пусть любят друг друга, как хотят, но потомство у меня быть должно. В качестве компенсации за испорченное настроение я назвала их Павсикакий (имя говорило само за себя, он загадил мне всю комнату) и Генрих-Ферапонт Пятый. И всё же я была приятно удивлена. Гигантские курицы, а точнее, петухи, оказались не безмозглыми созданиями, а вполне преданными питомцами, которые даже обучались командам. Так, я научила их нападать на людей на слове «фас» и команде рядом, а, учитывая, что они уже по размеру были, как обычная овчарка, прогулка с ними рассматривалась мной, как выгул собак.

Как говорится, было у отца три сына: старший (Генрих-Ферапонт Пятый) умный был детина, средний сын (Павсикакий) и так, и сяк, младший вовсе был дурак. Из третьего яйца вообще никто пока не вылупился. Оно так и стоит на тумбочке рядом с кроватью, не подавая никаких признаков жизни. Ладно, будь, что будет. Пора идти работать».

Наши труды по постепенному завоеванию мира не были напрасны, и спустя три дня я щелкала семечки вместе с Ольхой и Лилией. Лайм и Ждак отправились в Валию, чтобы распродать пробную партию, а Кирка собрал собственную команду для вспахивания полей под подсолнухи. Я спросила у Ольхи, почему люди по-прежнему следуют за моими странными идеями, но та лишь пожала плечами, сказав, что у таких «преступников», как они, нет особого выбора. К тому же, идея с духами возымела бы успех, если бы не произошедшие события, а, следовательно, мои предложения могут окупиться. Подобный ответ меня устроил. Я бы не поверила во всеобщую любовь к моей персоне.

Новая пища в Валии была радостна раскуплена не столько из-за новизны, сколько из-за харизмы и очарования Лайма, который даже умудрился взять несколько больших заказов. Мы вновь сдвинулись с мертвой точки, вот

только всё больше мне начинало казаться, что мы попросту идем по беговой дорожке: в теории-то мы движемся, но к цели не приближаемся. Неужели, едва я начну получать прибыль, у меня вновь всё отберут? Если и этот план провалится, я начну выращивать мак и коноплю, клянусь!

Я поделилась своими опасениями с Подсолнухом, и тот ответил, что пока у нас нет сил на охрану собственных территорий, а, значит, мы не сможем предвидеть всех напастей. У нас нет сильных придворных магов, нет среднего класса, нет храма, посвященного какому-нибудь Божеству, школы заброшены, единственная академия разрушена — Мордор, в самом деле, большая забытая деревня, пускай и красивая.

Император успешно игнорировал мои письма, Гертруда постоянно жаловалась на то, что семечки не заменят духи, и даже пятая Императрица Яйра после всех обрушившихся на меня обвинений стала общаться в письмах сухо и отстраненно. Как в том детском стихе: «Бабка хитрая была — купила пуд мочала. Наша песня без конца, начинай сначала». Это сильно угнетает, это, в какой-то степени, даже подавляет.

Я проснулась ночью от того, что Лайм с размаху шлепнул свою руку на моё лицо. Ему постоянно что-то снилось, и он будто бы отбивался от врагов, постоянно взмахивая всеми конечностями. Я искренне понадеялась на то, что ему снится Гертруда, которую он дубасит палкой, и злиться не стала, молча поднявшись с кровати и отправившись на балкон. Под лунным небом сияло поле золотых подсолнухов, а вдалеке громко ухали совы, вместе с которыми в унисон трещали цикады. У подножия замка над цветами, которые я вырастила на прошлой неделе, порхали яркие светлячки, и чья-то кошка постоянно прыгала на них из тени, пытаясь достать. Было прохладно. Стоя на балконе в одной ночнушке, я думала о том, почему оказалась именно в этом теле, но не могла припомнить ровным счетом ничего плохого, что я могла совершить в своей прошлой жизни.

— Замерзнешь же, — широко зевнув, произнес Лайм, положив подбородок на мою макушку, — чего не спишь...

Если честно, то я и подумать не могла, что наши с феем отношения выйдут на подобный уровень. Я не могла назвать это любовью, и фаворитом он был только в теории, однако, наши характеры были схожи, я была уверена в том, что могу доверять Лайму, и рядом с ним было спокойно. Совместные ночи для меня были скорее разрядкой, нежели чем-то большим, и для него, думаю, тоже — и раз уж мне дозволено иметь небольшой лицензированный гарем, то зачем отказывать себе в удовольствии.

— Лайм, если бы ты мог выбрать свою жизнь перед тем, как родится, что бы ты выбрал?

Фей ещё раз зевнул, тяжело выдохнул, сцепляя на моей талии руки.

— Выбрал бы то, что уготовано... Я бы сменил судьбу, только если бы узнал, что вся моя жизнь пройдет скучно и однообразно.

— А если бы тебе были предначертаны одни неудачи?

— Такого быть не может. Богини вознаграждают детей своих за терпение. Все окупится, главное, не сходить с пути. Я всегда целенаправленно шел к должности советника, проходил множество отборов, экзаменов, часто проваливался, а по итогу разочаровался в системе Гертруды, хотя достигнул цели. Моё мнение там ничего не значило, а ведь я старался, как лучше, — Лайм усмехнулся, развернув меня к себе, — я думал, что попросту выбрал не тот путь, но по итогу встретил тебя. Хотя и считал раньше, что нет Императрицы хуже, чем ты.

— Может, так оно и есть.

— Может.

Я недовольно пхнула фею в бок, но тот лишь рассмеялся.

— Но ты близка к простому люду, у тебя совершенно иной взгляд на управление, невообразимые идеи, которыми ты вдохновляешь других... Мне достаточно и этого.

Он улыбнулся своей обворожительной улыбкой в ответ на мой удивленный взгляд. Вот, значит, что он думает... После таких слов я ведь и зазнаться могу. Но это воодушевляет на работу. Лайм совершенно прав: нужно просто продолжать идти вперед.

— Эй, девушка.

— Что?

— Хотите самый умопомрачительный секс в своей жизни?

— Нет, не хочу.

— Тогда вы обратились по адресу.

— Самокритично.

Мы громко рассмеялись, и Лайм, взяв меня за руку, направился к кровати, сверкая голым задом — спал фей исключительно гольшом, и, чую, если бы в замке жили только мы вдвоем, он разгуливал бы в таком виде по коридорам. Повалив меня на покрывала, он тут же прильнул к шее, пытаясь руками ощупать всё, что было под ночнушкой, но только лишняя одежда оказалась на полу, как рядом что-то громко треснуло.

— Горошек ела?

— Заткнись, Лайм, это не я.

Повернув голову в сторону прикроватной тумбы, мы в некотором недоумении смотрели на раскрытую скорлупу, из которой на нас смотрела небольшая птичья голова. Два горящих глаза неотрывно следили то за мной, то за феём, и продолжалось это до тех пор, пока птенец не соизволил показаться полностью. Даже моего ума хватило на то, чтобы понять, — это сто процентов не курица. Пускай голова и была птичьей, но тело и...лапы?

— Это... — неуверенно произнес Лайм, наконец, отстранившись, — это грифон что ли?

— Ты у меня спрашиваешь? — почувствовав странное смущение, я закрыла тело одеялом, внимательно следя за тем, как странное существо неуверенно спускалось на кровать, шевеля маленькими крыльями. Подойдя ближе, оно уперлось головой в моё бедро и довольно замурлыкало, проделав то же самое и с Лаймом.

— Это грифон.

— Зачем то же самое говорить? Я поняла...

— Ты где его нашла?

— Купила вместе с курицами.

— Хорошая курица...А ты жалуешься на невезение.

— Его не было в условиях акции.

— Ты же хотела себе питомца? Радуйся, ты ему теперь, как мама.

— У меня уже есть Павсикакий и Генрих-Ферамонт. Хотя...Этот очень даже миленький.

Я взяла грифона на руки, и тот, как мне показалось, радостно запищал, трясь о мою руку подобно кошке. Это оказалась долгожданная девочка. Я назвала её Агриппиной, пускай в голове так и крутилась навязчивая Кончита — в честь того, что Лайм собирался, но так и не сделал этой ночью...

«Дорогой дневник, я случайно нашла тебя, когда убиралась на столе.

Прошел ещё один месяц, и мой семечковый бизнес процветает. Мы заключили новый торговый договор с седьмым регионом, благодаря чему казна впервые стала пополняться. Часть прибыли я откладываю на нужды замка и для приглашения в Мордор мастеров, поиском которых занимался Кирка, другую часть держу для Императора, третью же выплачиваю всем работающим людям раз в месяц — это их радовало, а вместе с тем воодушевляло на дальнейшую работу. Тем не менее, живем мы в условиях жуткой экономии. Если бы земли не были плодородными, а рядом не было океана, я бы давно сдалась вместе с людьми, которые тут живут.

Кстати, о населении, недавно к нам завезли пополнение — партию преступников, часть из которых оказалась крайне агрессивной массой. Усмирять и наводить порядки пришлось мне. Дипломатическими беседами? Нет-нет, такие особи подобный язык не понимают. Они нюхали стапелии* до тех пор, пока не клялись соблюдать установленные правила и порядки — Ждак с усмешкой назвал этот процесс обрядом посвящения в Мордор. Добро пожаловать в Преисподнюю, сынки.

Десять из них оказались мужчинами очень крепкого телосложения, а потому я попросила — после испытания стапелиями все становились очень покорными и добрыми — их взять на себя обязанность по охране территории, и те быстро согласились. Так, у меня появились первые стражи. «Преступницы» оказались по большей части высланными служанками, и им я поручила уход за оливковой рощей, урожай которой я хочу получить в сентябре. К этому месяцу я планирую нанять мастеров, что сделают мне необходимое оборудование для изготовления масла. Ещё раз спасибо тебе, Гнида.

Павсикакий ловит в замке мышей, а Генрих-Ферапонт Пятый порадовал свою мамочку сообразительностью — он начал сбегать в восьмой регион и уводить живущих там куриц, что стали перебираться в Мордор вслед за ним. Так, в моем дворике бегают не только два петуха, но ещё пять куриц и даже одна утка, которая, впрочем, залетела сюда случайно.

Агриппина за месяц стала размером с добротный сарай, но её красота поистине завораживает: у неё белоснежное оперение, красивые изгибы и длинный, почти павлиний хвост, который она распускает перед Лаймом. Мы с феём для неё вроде родителей, а потому к себе она подпускает только нас, ведь несмотря на правильное воспитание Агриппина выросла той ещё привередой и занозой. Кормить её, однако, довольно просто: ей достаточно семечек и того, что она поймает в лесу.

Двумя неделями ранее Гертруда устроила бал, на который позвала всех, кроме меня. Неделей позднее бал устроила и Яйра, однако, я вновь оказалась в стороне. Чувствую себя той самой Малифисентой, притом ощущаю себя неплохо. Я в Шеэтии нечто вроде всеобщего зла, которое похищает детей и терроризирует свои территории, оставаясь при этом глупым и наивным. И такое бывает в этой удивительной жизни... Во всяком случае, это нравится мне больше, чем одни лишь обвинения в бесхребетности и недоразвитости. Это ли не прогресс?».

— Арлекино, Арлекино, много радости для всех, — напевала я себе под нос, подметая площадь перед дворцом, — Арлекино, Арлекино, есть одна награда — смерть. Ва-ха-ха-ха-ха.

— Госпожа, это не очень веселая песня, — скромно заметила Ольха, оттаскивая мешок с семечками в сторону, — хотя, вам, кажется, нравится подобное...

— Черный юмор — пропуск к моему сердцу.

— Алкоголь — это пропуск к вашему сердцу.

— Предположим.

Агриппина подобно гоночной машине вырулила из-за угла, тут же оказавшись передо мной и упав на спину — это означало то, что я была обязана наглаживать её по животу до тех пор, пока ей не надоест. Кто тут кому прислуживает — вот какой назревает вопрос. Что ж, я выполню свой материнский долг. Присев рядом с грифоном, я принялась чесать её тельце, отчего Агриппина стала урчать, как мотор огромной машины.

— Госпожа, — закричал Подсолнух, выбегая из-за угла также быстро, как это недавно сделала моя разбалованная птица, — привезли ещё двух преступников!

То, что сюда отправляли всех неугодных власти персон, не дотянувших до смертной казни, называлось ссылкой. Мордор считался позабытой всеми территорией, на которой было принято доживать свой срок вдали от цивилизации. То, что я сейчас рвала попу над тем, чтобы построить свою собственную цивилизацию, никого не волновало.

— Буйные? Подожди минуту мне надо вырастить стапелии.

— Нет-нет... Они спокойные, но...

— Что-то не так?

— Прощу, пройдемте со мной.

Мы с Ольхой удивленно переглянулись, но тут же пошли за дворецким. Агриппина попыталась недовольно

поймать меня за платье своим клювом, но промахнулась и лишь отправилась следом, сверля спину недовольным взглядом. Вот же противная. Почему она слушается и боится только Лайма?

Всех заключенных обычно оставляли на границе, откуда они добирались своим ходом до замка. Я изменила это странное правило, приставив к «пункту выдачи зла» одного из селян, что сопровождал новоприбывших ко мне. Перед этим их обычно осматривал либо Подсолнух, либо Ждак — все для того, чтобы исключить покушений на мою особу. Хотя, какие могут быть покушения, когда позади меня злобно дышащий грифон, которого, видите ли, недоглядели, а рядом два огромных агрессивных петуха — и это ещё третьего рядом нет! Это я про Лайма.

Мы вышли за пределы врат, где меня уже ждал Кирка. Выглядел он одновременно настороженно и рассеянно, что уже показалось мне странным. Лишь когда староста отошел в сторону, я и сама замерла на месте, лишившись дара речи. Это какая-то шутка или я опять нюхнула лишнего?

— Достопочтенная Госпожа, — с улыбкой ответила Эльфия, склоняя голову, — я клянусь и обязуюсь служить вам верой и правдой.

Я покосилась на Кирку. Кирка покосился на меня. Мы молча смерили взглядом юную кентавриду в простом платье, выжидая кто из нас выкажет удивление первым. Хотя, чую, все и так было написано на наших вытянувшихся лицах. Что, опять? Свой семечковый бизнес я никому не отдам!

— А...Ты что здесь делаешь? Эльфия, если ты опять сбежала...

— Нет, Госпожа, — испуганно затараторила та, низко кланяясь, — как я виновата перед вами! Мне нет прощения за свершенное! Я заставила страдать вас, хотя вы и поступили со мной хорошо, ничего не зная! Позвольте искупить вину служением вам, умоляю, Госпожа!

— Да расскажи, как тебя занесло сюда! Ты ж прибыла в составе преступников!

Она довольно улыбнулась и даже чуть покраснела, склонив голову набок. Выглядела девочка крайне радостной.

— Я узнала о том, что случилось, — смущенно начала Эльфия, — узнала, что в суде вы попытались вступить за меня. А ещё узнала, что вам пришлось отдать моей матери своё производство. Я чувствовала себя ужасно, и долго думала, как смогу вернуться к вам, чтобы моей магией не смогла воспользоваться мама...

— Попахивает чем-то интересным.

Кентаврида смутилась ещё больше, но продолжила.

— И я вспомнила, что в Мордор ссылают преступников.

— Что же ты натворила? — испуганно произнес Кирка, и даже стражи, обходившие территорию, настороженно замерли, бросив все силы в слуховой аппарат.

— Когда мы с матушкой были в столице, я...Я, ну...Напала на Императора.

На мгновение в округе воцарилась идеальная и безупречная тишина, а после из меня вместе со слюнями вырвался громкий пронзительный смех. Я смеялась так надрывно, что у меня заболел живот, а на глазах выступили слезы, и даже упреки Кирки не смогли вернуть меня в чувства.

— За такое действие карают смертной казнью, — строго произнесла Ольга. — Это правило всех касается.

— Это было только покушение, к тому же, я член Императорской семьи. Произошедшее оправдали пубертатом...

Я начала смеяться ещё сильнее, и Агриппина, воспользовавшись моментом, повалила меня на землю, принявшись лизать лицо и щипать за нос.

— И надолго? — спросил Кирка, пытаясь отпихнуть от меня грифона.

— Восемь лет, — счастливо проговорила Эльфия, — к тому времени мне уже будет двадцать, и я смогу официально встать под ваше крыло! Я оправдаю вашу доброту ко мне, Госпожа!

— Хорошо-хорошо, — я, наконец, смогла подняться на ноги, — хотела бы я видеть Аритьку в момент твоего самоуправства.

— Она была в гневе.

— О, не сомневаюсь! Земля круглая. Говно прикатится.

— Госпожа, что за выражение!

Тут к нашему галдежу присоединился ещё один смех: очень низкий и басовитый. Точно, преступников же было двое. Подсолнух поспешно протянул мне необходимое досье, и я украдкой взглянула на нового подчиненного.

Девочки, ну, это какой-то Рэмбо — двухметровый, мускулистый и загорелый самец с красной лентой вокруг лба. По всей его левой руке шла огромная татуировка дракона, а в ушах сверкали многочисленные серьги, будто бы он хотел быть украденным сорокой. Если бы не повязка на глазу, делающая из него любителя рома и кораблей, то я бы пала под чарами собственных прошлых вкусов. Я уже чую аферу. Где там досье на этого черноволосого?

Итак, его имя Харон**. Прекрасно, теперь есть кто-то, кто сможет сплавить мой труп по реке. Работал всадником на драконе при дворе первой Императрицы. Хорошо, теперь понятно, куда пропал один глаз, а то уж думала, что ему однажды предложили вилкой в глаз или в жопу раз. Стаж работы у Харона большой, вот только далее написано, что его дракона убили, а сам он внезапно пропал, однажды не вернувшись из отпуска на службу. А

далее следует то, что я называла подвохом — передо мной стоял самый настоящий серийный убийца, что искупался в крови пяти других всадников и даже одной аристократки. Почему его вообще привели сюда! Таких же на казнь посылают, разве нет?

Кирка, поняв мой взгляд верно, любезно перевернул досье, где я увидела родословную Харона. Дальний родственник самого Императора? Тогда всё понятно. От казни его отмазали, но в ссылку отправили.

— Несмотря на репутацию, у нас очень тихий регион, где никто не делает ничего противозаконного.

— Госпожа, только вы противозаконное и делаете...

— Помолчи, Кирка. Поэтому каждый преступник должен мне поклясться, что не нарушит правил и будет служить мне исправно, — строго произнесла я, пытаясь смотреть прямо в глаза Харону. Радужка у него была красной. Жуть...

— Клянусь служить Госпоже Сисиль верой и правдой и не нарушать правил, — неожиданно покорно произнес он, и уголок его губы дернулся в усмешке.

— Славно. Будешь меня нервировать, заставлю нюхать стапелии.

Стражи позади меня издали вдох ужаса и тут же исчезли за забором. То-то же...

— Госпожа, — обратился ко мне Подсолнух, — куда мы направим их?

— Эльфия останется со мной во дворце. А этот...

— Моя Госпожа, — вдруг произнес Харон, учтиво склоняя голову и прикладывая ладонь к груди, — позвольте и мне остаться во дворце. Уверяю, я буду вам полезен.

*Стапелия гигантская — трупный цветок, испускающих запах гниющей плоти.

**Харон — перевозчик душ умерших через реку Стикс.

— Зачем ты оставила его здесь? — недовольно прошептал Лайм мне на ухо, искоса наблюдая за моим новым личным телохранителем. Тот медленно обходил полупустой бальный зал, пугая горничных одним лишь видом.

— Маньяков лучше держать при себе, — ответила я шепотом в ответ, — у нас и так людей мало. Что, если он начнет селян резать?

— А если он тебя порежет?

— Он поклялся служить верно. Ты же сам говорил, что нарушение клятвы законно карается.

— Это действует, только если клятва была произнесена перед храмом Богини Смерти.

— А если он у нас в планах?

— Нет, Сисиль, это так не работает.

— И как общаться тогда с ним?

— В смысле?

— Ну, жаргон... Там... Эй, кореш, пойдём, побазарим без шухера. Вот такое, да?

— Я вообще ничего не понял...

— Эльфия, — я повернулась к кентавриде, что теперь ходила за мной, как хвостик, — а он в тебя ножом не тыкал?

— Нет, Госпожа, он был очень вежливым.

— Ножик в печень можно и с вежливостью засадить... А я внушаю кому-нибудь страх?

— Только, когда растишь стапелии, — буркнул Лайм. — Твоё оружие это курицы и дикая вонь.

— Неплохо...

— Прошу прощения за то, что перебиваю разговор, — басом произнес Харон, отчего нам всем пришлось обернуться и поднять головы вверх, — однако, ваши волнения на мой счет излишни. Я верен данной клятве, и не собираюсь делать чего-то столь ужасного, — сказал мне серийный убийца, один взгляд которого уже вводил моих подданных в предынфарктное состояние. Теперь я знаю ещё и то, что у него слух, как у рыси, если не острее...

В замке он освоился быстро, в отличие от меня и моего географического кретинизма, благодаря которому я постоянно оказывалась не в той части дворца. Но мне простительно, ведь я росла в простой квартире, тогда как этот выходец из правящей родословной воспитывался в подобных строениях всю жизнь. Он знал этикет, мастерски владел ржавым мечом, который обнаружил на чердаке, и речь его была такой правильной и красивой, будто бы он наизусть знал все словари эпитетов. И тем не менее, его боялись. Лайм и Ждак не отходили от меня ни на шаг, считая, что Харона подослали убить мою персону, Ольга вовсе каждый раз спешила покинуть комнату, в которую заходил он, и лишь Эльфия относилась к убийце по-доброму, разговаривая с ним, как со старым знакомым. Ей вторил и Подсолнух — он считал, что «сэр Харон не имеет дурных намерений». Я же как такового мнения не имела. С одной стороны, я сама была жертвой предубеждений, с другой стороны, в присылаемом досье никогда не врал, отчего порою по коже мурашки бегали. На тайном всеобщем голосовании было принято решение следить за новым телохранителем, чтобы избежать проблем, а потому его присутствие рядом со мной было само собой разумеющимся — так всем было проще.

Семечки покупали охотно, и благодаря магии Эльфии мы больше не тратились на путь, что способствовало пополнению казны. Пускай польза редчайшей магии была очевидна, подобное использование ребенка казалось мне несколько жестоким и изматывающим, несмотря на то, что кентаврида утверждала меня в обратном. Когда мы сидели вместе в библиотеке, терпя вечное присутствие Лайма, Ждака и Харона, я решила задать ей волнующий вопрос.

— Эльфия...

— Да, Госпожа, — тут же отозвалась она, мило улыбаясь.

— А ты никогда не думала о том, что променяла шило на мыло?

— О чем вы?

— О том, что ты находишься в заброшенном регионе, куда отсылают преступников и где Императрица пользуется твоей силой?

Харон, стоявший позади меня и читавший философскую книгу, неожиданно хмыкнул, отвернувшись к полкам.

— Не надо так говорить, Госпожа Сисиль, — грустно ответила Эльфия, — все здесь очень добры ко мне — никогда прежде не было ко мне такого отношения. Все трудятся для единой цели, помогают друг другу, все честные... Тут даже ценности другие! Все довольны тем, что есть...

— Эльфия, они просто смирились с тем, что ничего другого не будет.

— Нет, это неправда! Ведь вы их ведете! Я поняла — всё, что говорят о вас, — ложь. Вы можете сделать этих людей счастливыми! Помогать вам — мой путь добродетели.

Тут уже настала моя очередь краснеть. Буркнув что-то вроде благодарности, я устала в книгу, которую

меня заставил читать Лайм, и тут же поймала на себе внимательный взгляд со стороны Харона. Упаси Богиня Жизни, если он испортит мне такой прекрасный момент своим нападением! Но я зря боялась. Ведь у меня был Лайм, который и сам прекрасно справлялся с подобной обязанностью.

— Эй, Госпожа.

— Чего тебе?

— Насчет нашего туалета.

— Что не так?

— Там на двери появилась выцарапанная надпись: «Не допускай утечки газу — прижмись плотнее к унитазу».

Это ты сделала?

— Возможно.

— Госпожа, прекрати портить туалет.

— Там пусто и грустно, и некому руку подать в минуту душевной невзгоды...

Я проснулась прямо посреди глубокой ночи, услышав пронзительный и злобный крик Агриппины, звучащий со стороны подсолнуховых полей. Мгновенно выскочив на балкон и ничего не увидев, я выбежала из комнаты в одной ночнушке, столкнувшись в коридоре с Ждаком — оказывается, он специально поднялся, чтобы разбудить меня. Вместе мы выбежали в бальный зал, а оттуда в гостиную и главный холл, двери которого уже были распахнуты настежь. Там меня встретила взволнованная Ольга, что куталась в теплую старую шаль.

— В небе что-то происходит, — испуганным голосом ответила она, а после перевела взгляд на проснувшихся Кирку и Харона, что спустились в холл по боковой лестнице. — Так темно, что ничего не видно...

В этот момент со стороны полей раздался оглушительный взрыв, распространившийся по округе вместе с грозным рыком, не принадлежавшим моему грифону. Поковырявшись в ухе, я выскочила на улицу, побежав в сторону полей, игнорируя крики остаться в замке. В босые ноги врезались камни и колючки кустарников, что было, мягко говоря, неприятно, но стоило мне увидеть горящее поле, как боль тотчас утихла. Золотые подсолнухи, которые я заботливо растила на вспаханном селянами поле, полыхали ярким огнем, освещая текущие близ ручьи и часть неба, в котором надрывно кричала Агриппина.

Я видела её белоснежные очертания, её огромные крылья, которые она складывала, чтобы спикировать на темную летающую массу. Лишь на мгновение разглядела я это создание, что раскрыло пасть, выпуская в поле струю огня, и с немым ужасом узнала я в монстре черного дракона. Будто бы дежавю. Мне казалось, что давным-давно прежняя Сисиль стояла на том же самом месте, безвольно и бессильно наблюдая за тем, как горит её территория.

«— А если бы тебе были предначертаны одни неудачи?

— Такого быть не может. Богини вознаграждают детей своих за терпение. Все окупится, главное, не сходить с пути.»

Как же мне не сходить с пути, когда все мои попытки протянуть руку к светлому будущему, жестоко караются, и кто-то будто бы выбивает из-под моих ног опору, на которую я вновь и вновь пытаюсь подняться. Как идти по выбранной тропе, когда ты знаешь, что любой успех потребует неоправданной жертвы? Что делать, если ты обязан идти вперед, хотя цель кажется недостижимой?

— Отзови грифона, — услышала я басовитый голос и медленно обернулась к полураздетому Харону, что сжимал в руке ярко пылающий синий меч. — Отзови, — повторил он более мягко, смотря прямо мне в глаза, и повернувшись к полю, я громко засвистела.

Агриппина послушалась тут же, выскользнув из сражения и направившись ко мне, вот только дракон неожиданно последовал за ней, и запах гари пропитал растрепанные волосы. Приземлившись на землю, грифон заслонила меня собой, угрожающе раскрыв острый клюв и распушив подгоревшие перья, но дракон подлетал всё ближе, уже раскрывая пасть с многочисленными клыками.

Харон, что до этого стоял рядом со мной, сохраняя удивительное хладнокровие, вдруг оттолкнулся от земли так сильно, что оставил в ней настоящую дыру, при этом взлетев прямо навстречу дракону. В ужасе я и Агриппина смотрели на клоки земли, шурясь от жара со стороны поля, но только мы подняли головы, как нас будто бы окутали вуалью. Мы открыли глаза уже в замке рядом с Эльфией, что, очевидно, использовала магию телепортации — она облегченно улыбнулась и сильно сжала мою руку, прижавшись щекой к плечу. Подле неё стояли Лайм и Ольга.

— Это снова из-за меня, — произнесла кентаврида, не скрывая слез, — опять вы страдаете из-за меня...

— Подожди, милая, — Ольга попыталась успокоить девочку, — это может быть дикий дракон...

— Нет, — строго ответил Лайм, — диким драконам свойственно нападать на стада и людей. Зачем ему поле с подсолнухами? Аристка не блещет креативностью.

— Такое ведь уже было, — ответила я, — я помню, что мои поля уже горели когда-то...

— Это было восемь лет назад. Вы начали выращивать редкие лекарственные травы, чтобы не покупать их у

второго региона.

— Вот, значит, как...

— Видимо, теперь она показывает своё недовольство тем, что её дочь у нас.

Эльфия закрыла лицо руками, но Ольга заботливо погладила её по плечам. Я же посмотрела в окно, словно бы могла там что-нибудь разглядеть. Требовать возмещения ущерба, полагаю, было бесполезно — Аритька переведет вину на диких драконов, и подкупленный суд подтвердит это, ведь Императору нет дела до подобных разборок. Моя злость не знает границ. Одни Императрицы хлебнут за свои действия, другие — за своё бездействие. Так или иначе, я верну всем то, что причитается. Превжняя Сисиль оказалась слабой, чтобы противостоять всеобщей злобе, но я отвечу настоящим гневом! Довольно притворств, я не позволю больше никому диктовать свои условия! Вы все встанете на колени! Доведете меня до того, что я свергну Императора и установлю матриархат!

— Моя Госпожа...

Я обернулась и увидела Харона, что выглядел целым и невредимым — даже подошла ближе, но не нашла ни ожогов, ни царапин.

— А дракон... Ты его прогнал?

— Он напал на ваши земли, моя Госпожа. Кем бы ни была эта тварь, я был обязан отправить её в Подземный мир, — спокойно ответил он, склонив голову. — При всем уважении, могу ли я заняться его разделкой утром? Сейчас темно, и я, к сожалению, могу совершить ошибку при разделке.

Отправил в Подземный мир...

Разделать дракона...

Я, как дура, смотрела на Харона огромными глазами, ожидая услышать что-то вроде «Да шучу я. Прогнал, конечно», но мужчина молчал, отвечая мне совершенно серьезным взглядом. Он убил его... Убил огромную огнедышащую тварь за несколько минут! Выкуси, Аритька! Я улыбнулась, и Харон удивленно вскинул брови.

— Спасибо.

— Это моя работа. Я ведь клялся служить вам верой и правдой.

— Ох, что-то переволновалась я...

— Вам нехорошо? Что-то болит?

— Душа у меня болит... Эй, Подсолнух...

— Да, Госпожа?

— Принеси мне в комнату вино...

Рано утром мы отправились на поле, чтобы оценить размер ущерба, и долго стояли рядом с настоящей воронкой, на месте которой ещё вчера шелестели подсолнухи. На её дне лежала огромная черная туша с проломленным черепом, и Харон — увиденное его нисколько не поразило — уже отдавал приказания другим стражникам и селянам. Магией телепорта Эльфия вытащила дракона на ровную местность, где мертвое тело тут же окружили селяне, вооружившиеся ножами и топорами. Как оказалось, мертвый дракон — тоже ценный дракон, и Харон показывал другим мужчинам, как отрезать чешую и как вытаскивать из пасти клыки. Более того, сегодня нам на ужин собирались подавать драконятину, и всё это было бы даже радостно, если бы не загубленное поле.

Стоя на краю воронки, я смотрела в её окровавленную сердцевину, глядя голову лежавшей рядом Агриппины. Собственный труд мне не было жаль, ведь был он исключительно магическим, тогда как селяне не один день пахали поле, чтобы после цветы выросли быстрее. «Бабка хитрая была — купила пуд мочала. Наша песня без конца, начинай сначала...».

К удивлению, меня принялся успокаивать Кирка. Говорил о том, что они вспашут новое поле, на котором я смогу взрастить ещё больше подсолнухов, и разумом я понимала, что он совершенно прав. Дракон не сжег дома селян, не напал на дворец и лишь уничтожил поле, которое можно восстановить. Разумом я, действительно, его понимала, но сердце корчило от обиды и злобы. Никогда в жизни никто не портил мне планы, а, если и находились желающие плюнуть в мою сторону, они в ответ получали сполна, и в прошлой жизни для справедливости было особое место. Так, где же она сейчас? Почему даже Императору все равно на судьбу девятого региона? Мне начинает всё больше казаться, что разбитый лоб — дело рук отнюдь не неуклюжей Сисиль...

Решено. Раз уж именно мне была уготована участь принять на себя скопившиеся в Мордоре несчастья, то я сделаю всё, лишь бы девятый сектор стал самым богатым и ценным регионом. Выживание и странные доказательства собственной нужности — глупость и трата времени. Настало время высоких целей, к которым мы пойдем жестким шагом, сметая всё на своем пути. Более я не намерена ничего терпеть. Пусть, если желают, терпят другие.

— Госпожа, — окликнул меня Лайм, осматривая селян, испачканных в драконьей крови, — что вы намерены делать? Я поговорил с селянами, они сказали, что начнут вспахивать новое поле завтра. Склад с семечками не пострадал, поэтому продажи будут идти, как шли.

— Да, спасибо.

— Я думаю, тебе стоит отдохнуть. Выглядишь уставшей.

— Нет, нормально. Можно сделать небольшую гадость?

— Сегодня можно, — улыбнулся Лайм, нажав на кончик моего носа. — Только не пугай горничных и не выскакивай на них из-за угла, обмазав лицо сажеей, как в прошлый раз. Они и без того достаточно суеверны, хорошо?

— Ладно... Дай мне один из клыков. Я кое-что напишу, а ты затем отправь это второй Императрице.

— Слишком сильно не груби, договорились?

— Да-да, конечно.

— Зубы у драконов очень крепкие. Там сила нужна, чтобы что-то выбить на них.

— Не волнуйся, — мило улыбнулась я, — эй, Харон, отвлекись на пятнадцать минут. Помоги мне кое с чем!

Отдав охотничий нож другому селянину, мужчина вытер руки о грязную тряпку и, бросив её в сторону, подошел почти вплотную. Вместе мы отправились в холл, прихватив с собой предварительно один из вырванных клыков и крепкое долото. Зуб дракона был почти с моё предплечье — да тут места для целой гневной тирады хватит!

Расположившись в углу, где были старые потрепанные софы, мы почистили клык, после чего Харон в ожидании приказания посмотрел в мою сторону. После произошедшего сражения селяне стали относиться к нему с негласным уважением, хотя бы за то, что его грозный вид соответствовал невероятной силе. Так, следует ли бояться и опасаться того, кто защитил замок и живущих рядом людей?

— Мне нужно выбить на этом зубе надпись.

— Желаете оставить воспоминание о той ночи?

— Не нужно мне такое воспоминание. Это моё послание Аритьке, поэтому можешь особо не стараться, лишь бы эта маразота поняла.

Харон усмехнулся и покачал головой. Я не стала расспрашивать его о причине смеха, ведь наверняка и он раньше считал меня трусливой и слабой.

— Что будем писать? Заденем её чем-то интеллектуальным?

— Не. Напиши: «При встрече натяну тебе глаз на жопу».

— Мне казалось, вы пообещали сэру Лайму сильно не грубить, — Харон широко улыбнулся — моё послание

ему, видимо, понравилось.

— А это и есть не сильно грубо.

— Хорошо, как прикажете.

Мужчина принялся с улыбкой выдалбливать на зубе сказанные мною слова, а я размешивала чернила, чтобы после залить их в выгравированные буквы — так, по словам Лайма, надпись сохранится навсегда.

— Впервые занимаюсь чем-то подобным, — вновь усмехнулся Харон, с явным старанием выводя надпись. — Аристократы обычно стараются задеть друг друга очень тонкими, но едкими фразами.

— Это не тот случай, чтобы ходить вокруг да около. Тут надо посылать именно прямо. Я хотела грубее...

— Поверьте, этого Аритьке будет достаточно.

Мужчина работал быстро, но аккуратно, он распорядился силой умело, отчего уже совсем скоро мы были покрыты отлетающей от зуба крошкой. Если подумать, то откуда у него такая мощь? С другой стороны, я и расу его не знаю...

— Что-то не так, Госпожа?

— Что?

— Вы очень пристально на меня смотрите. Я делаю что-то не так?

— Я просто подумала, что ты очень сильный, — подперев щеки руками, я начала следить за мельтешившими взад и вперед горничными, что уносили на кухню куски сочного мяса. Мы забрали себе лишь часть вместе со всей чешуей и половиной зубов — основную тушу было принято отдать селянам. — Будь у меня такая сила, никто бы не делал нападков в сторону Мордора.

— Каждый силен по-своему, Госпожа. Даже я могу назвать вас сильной личностью. Это важнее физической силы.

— Ну, раз ты так говоришь...

Он кивнул и улыбнулся, вернувшись к работе над клыком. Я же думала о том, что следует пригласить мастеров гораздо раньше. Надеюсь, Кирка нашел хоть кого-нибудь...

— Госпожа, так и писать «глаз на жопу»? Может, лучше использовать слово «зад»?

— Нет, Харон, у Аритьки именно жопа.

— Понял.

На улице стоял жаркий летний день. Агриппина часто заползала внутрь дворца, чтобы притаиться в прохладном углу, и в этот раз она устроилась прямо подле меня. Иногда слабый ветер приносил на порог жалкие остатки подсолнухов, и птицы громко пели с веток деревьев. На речку бы сейчас да с пикником...

— Эй, Харон.

— Да, Госпожа.

— Почему ты стал убийцей?

Мужчина оторвался от работы, но только для того, чтобы взять размешанные чернила.

— Мечь.

— Всем отомстил?

— Нет.

— Кто остался?

— Она Императрица. Я не могу сделать подобного, иначе подвергну опасности простых людей.

— А она сильно виновата?

— Да.

— Я тут все равно всем гадить собралась. В каждую сторону навоняем.

Харон тихо рассмеялся, заливая чернила в выдолбленные буквы. Они оказались сделаны настолько точно, что не было ни единой трещины.

— Вы ведь не знаете, зачем и за что я мщу. Почему так говорите?

— Подсолнух считает, что ты хороший.

— Всего-то?

— Да. Эльфия тоже.

Мы вместе усталились в раскрытое окно, из которого на горизонте было видно сгоревшее дотла поле. Селяне перетаскивали в склад собранную чешую, из которой мы хотели в будущем сделать доспехи. В который раз убеждаюсь, что живу с удивительными людьми, которые попросту не умеют опускать руки.

— Всадники на драконах очень привязаны к своим питомцам. Их и питомцами-то не назовешь, это что-то большее. Будто одно сердце на двоих, — начал Харон, отложив зуб в сторону, чтобы краска высохла. — Я командовал отрядом всадников сначала при Императоре, затем отправился к первой Императрице, чтобы обучить её воинов.

Несколько селян вместе внесли в холл сложенные черные крылья — ими позднее должен был заняться Ждак

вместе с Киркой. Агриппина рванула к конечностям, чтобы их обнюхать.

— После началась война с Роэтией, и я служил под знаменами четвертой Императрицы. Она очень любит войны и излишне кровожадна — вы и сами знаете. Мы сильно повздорили с ней тогда из-за разногласий в построении войск, а после окончания войны она предложила мне остаться рядом в качестве фаворита, а я отказался. После нескольких лет службы рядом с ней, я убедился, что она слишком жестока — воины в её подчинении истощены. Я раскритиковал её при всех. Она сказала, что я порвал последнюю струну её терпения.

— Это она убила твоего дракона?

— Не лично, но приказ отдала именно она. Наняла аристократку из первого региона, а та подкупила других пятерых всадников убить моего дракона.

Мы вновь уставились в окно, позволяя жаркому ветру касаться кожи. Агриппина снова улеглась у моих ног, прикрыв глаза.

— Неужели Императору нет дела до своих подчиненных?

— Он не может контролировать всё. Императрицы дают ему то, что он требует, и все. На его плечах и так лежит собственный регион, экономика Шеэтии и вся внешняя политика.

— А по итогу правительницы создали какой-то гадюшник...

— Гадюшник?

— Да. Одни змеюки какие-то...

— А кто тогда вы среди них? — устало улыбнулся Харон, и впервые мне стало его жалко. Подсолнух, как всегда, оказался прав.

— Хотела бы я сказать «гений, миллионер, филантроп», но вынуждена назвать себя нищим тормознутым мизантропом...

«Дорогой дневник, тебя хотел выкинуть Лайм, когда убирался в моем кабинете, но я вовремя это заметила.

Прошел ещё один месяц. Ты ждешь от меня удивительных историй, но я живу по принципу «день прошел, число сменилось — нихера не изменилось». И всё же я попытаюсь кратко изложить произошедшие события, среди которых немало забавных. Стоит начать с того, что драконятина очень вкусная. Это безумно нежное и сочное мясо, запах которого может свести с ума любое создание. Когда жена Кирки только начала его жарить, она уже собрала у дверей столовой всех обитателей замка. В тот вечер я много съела, после чего у меня заболел живот, и весь праздник я провалялась в кровати вместе с ленивым Павсикакием.

Новое поле было готово спустя три дня после трапезы драконятиной. Ещё день ушел у меня на то, чтобы засеять и взрастить подсолнухи, и ещё один день — чтобы прийти в себя после огромной траты магии. Производство семечек вернулось в свой обычный режим, и мы маленькими, но уверенными шагами продвигались к цели, что делаем и сейчас. Когда-нибудь у меня будут огромные территории с подсолнухами, которые мы вырастим собственными руками, а не с помощью магии. Думаю, такой урожай собирать гораздо приятнее.

Генрих-Ферапонт Пятый начал размножаться. Так неистово, что все пять куриц сидят на кладке и готовятся к появлению цыплят. Агриппина выросла и стала ещё больше и ещё красивее. В высоту она, как двухэтажный дом, и более не может свободно разгуливать по дворцу, зато Харон стал учить меня верховой езде на грифоне. Так как ни седел, ни уздечек у нас нет, тренировки проходят в спартанских условиях, сопровождаемых моими криками. Лайм от подобного отказался. Сказал, что рожденный ползать везде пролезет, и ему этого достаточно. Ещё я учусь использовать свою магию в боевых целях. Харон и Ждак смеялись надо мной, пока я не создала огромное подобие венерины мухоловки, что ловило не мух, а всех живых созданий.

Подсолнух и Лайм сильно мне помогают. Я назначила их своими первыми советниками, и вместе мы разрабатывали законы, касавшиеся преимущественно уголовной ответственности. Иные законы, так уж вышло, пока были не нужны — мы справлялись общими силами, находя компромиссы, и решая проблемы по мере их поступления. Не знаю, как будет в будущем, но я искренне желаю сохранить именно эту систему. Единственное, что я ввела, так это фиксированную заработную плату, которой у селян доселе не было.

Я хотела отстроить школу и нанять хотя бы одного учителя, но у нас не было ни средств, ни возможностей. Что уж говорить, ни один мастер не захотел работать в Мордоре. Лайм вновь сильно помог мне, пригласив из Валии очень старого и глуховатого деда, который ранее слыл очень талантливым инженером. В свое время они были соседями и сохранили дружеские отношения, которые и повлияли на решение мастера выслушать мои скверные описания предполагаемых устройств (спасибо, Гнида!). Он согласился попробовать сделать мощный пресс, но сразу предупредил о том, что потребуется привлечь не только магию, но и ручной труд — у нас было слишком мало людей.

Мы сблизилась с Эльфией и Хароном, селяне окончательно приняли меня в свои ряды, а буквально вчера пришло письмо из столицы с требованием отправки нескольких килограмм семечек. Казалось, все налаживается, так почему же я говорю, что ничего не меняется, спросишь ты, дорогой дневник, а я отвечу, что не сделала ничего,

что планировала. Пресс до сих пор не построен, создание школы вновь отложено, строительство храма тем более. Преступников мало, а добровольно селиться никто не хочет, хотя команда по реставрированию города уже подготовила как минимум сорок хороших домиков, готовых вместить большие многодетные семьи.

Время идет, а меня все также избегают. Быть может, сплетни распространяет обиженная Арилька, возможно, ей помогает завистливая Гертруда, но, как бы то ни было, факт остается фактом — Мордор по-прежнему заброшенная и позабытая территория, на которой теперь растут подсолнухи».

Близился август. Вместе с Агриппиной я сидела на берегу океана, любясь удивительным закатом, который видела лишь на картинках в интернете. Странно, мне всегда казалось, что современному человеку невозможно прожить без социальных сетей, однако, как оказывается, и без них полно дел. Я не испытывала грусти или тоски, вспоминая о прошлой жизни, хотя, возможно, это было лишь потому, что я многого не помнила, а потому и не чувствовала. Интересно, что случилось со мной в прошлой жизни, если я оказалась в теле той, кого, как мне кажется, должны были убить?

Агриппина привычно положила свою голову мне на ноги, позабыв о том, что она далеко не птенчик и ныне придавить мне конечности легче легкого. Чуть поморщившись, я принялась гладить ей шею, вглядываясь в горизонт, — порою там мелькали корабли, что, впрочем, тут же исчезали из поля зрения. Наверняка, это были торговцы из Роэтии, порт для которых находился в шестом регионе. Странно, если подумать, то девятый сектор был бы для них гораздо ближе и удобнее... Может ли быть так, что конфликт между Сисиль и Сильвией произошел именно на этой почве?

Я бы хотела посмотреть на другие страны этого мира. Та же Роэтия казалась мне привлекательной и необычной, пускай я и не знала о ней толком ничего. Быть может, прежняя Сисиль грезилась об этой стране? Быть может, её что-то связывало с Роэтией?

— Отдыхаешь? — неожиданно спросил Харон, подкравшись сзади так незаметно, что я вздрогнула.

— Как тихо ты ходишь... Да, вот, решила прогуляться.

— Подсолнух попросил позвать тебя на ужин.

— Сейчас приду, ещё пять минут.

Харон сел на песок рядом со мной, выплюнув в сторону травинку, которую он жевал всё это время. Агриппина широко зевнула и нехотя поднялась на лапы, отряхивая перья и расправляя крылья. Вдалеке из водной глади выпрыгнула рыба, а на горизонте замаячил корабль, что казался отсюда совсем крохотным. На фоне желто-оранжевого неба он выглядел волшебным.

— Вот бы сейчас также сесть на корабль и плыть, и плыть, и плыть...

— А вы, оказывается, романтичная натура, Госпожа, — улыбнулся Харон, не сводя с горизонта взгляд. — Но я вас понимаю. Сделать бы лодку и поплыть...

— Не, Харон, я с тобой на лодке никуда не поплыву...

— Почему?

— Да, так. А ты был в Роэтии?

— Да, был, когда там заключали мирный договор.

— И какая она?

— Красивая страна, — ответил мужчина, тяжело выдыхая, — всегда думал перебраться туда на старость лет. Но теперь мне и здесь неплохо. Роэтия — страна очень богатая, там много зелени, водопадов. Их ткани признаны самыми красивыми, а танцы, которые исполняют нимфы, завораживают. Живут там, правда, только они да русалки с дриадами.

— Кстати, я так и не поняла, кто ты, Харон.

Он рассмеялся и пальцем ткнул мне в бок.

— Самое время, чтобы спросить.

— Я говорила, что торможу...

— Я на половину наг, на половину атлант.

Атлантами называли отдельную расу, живущую на северном острове. Эти люди славились высоким ростом и огромной силой, а подчинялись исключительно Императору. В мирное время он обеспечивал им спокойную жизнь, а в военное — задействовал в армию. Это объясняло то, откуда у Харона были столь впечатляющие возможности.

— Госпожа, — вдруг обратился он ко мне, склонив голову набок, — могу я задать вам один вопрос?

— Да, конечно. Не надо столь официально и вообще, когда мы дома, можешь обращаться ко мне на «ты».

— Хорошо. Скажи, Сисиль, ты рада, что стала Императрицей? Я знал, что ты была обещана в жены Императору с самого детства, но никогда не знал, желала ли ты этого сама.

Вот оно как. Если бы только Харон знал, что его слова для меня самая настоящая удивительная новость... И все же он ждал ответа, а я не ведала, какие слова окажутся правильными. Он мой сообщник, как Лайм, Оляха, Подсолнух и другие. А мои сообщники знают, что с памятью у меня не всё гладко...

— Я отвечу честно, — при этом я указала на шрам на лбу, — после этого у меня появилась амнезия, и я многого не помню.

— Если честно, то я так и думал. Ты не знаешь, точнее, не помнишь самого очевидного.

— Да, так и есть. Поэтому я не могу ответить на твой вопрос. Во всяком случае, пока. Но, знаешь, не будь я Императрицей, моя жизнь наверняка бы сложилась спокойнее и проще.

— Возможно. Но нити судьбы переплетены удивительным образом. Не будь ты Императрицей, я бы, к примеру, тебя не встретил. Может быть, я бы попал в девятый регион, где меня продолжили бы считать маньяком, и провел бы жизнь в одиночестве. Никогда ни о чем не сожалей, Сисиль. Я рад, что ты идешь вперед.

— Вы все сговорились поддерживать меня? — я улыбнулась и поднялась с песка, отряхивая платье.

— Не без этого, — рассмеялся Харон, — Лайм считает, что тебя изредка нужно подкармливать такими речами. Я тоже так думаю. Правители несут тяжелую ношу, им нужны теплые слова.

— Понятно... Тогда, пойдём есть.

— Пойдем.

— Техника призыва — взойди ко мне, Лайм!

— Сисиль, прекрати кричать это каждый раз, когда зовешь меня. Я в соседней комнате сижу.

Сегодня был красный день календаря — меня пригласили на первое в этой жизни чаепитие. Госпожа Яйра выказала желание увидеть мою персону на своем мероприятии, оправдав это тем, что, если я буду сидеть рядом, то к ней никто не будет лезть. Даже при всем притом, что меня попросту наняли в церберы, я была рада, а потому с самого утра пребывала в прекрасном настроении. Взяв с собой Ольху и Лайма (вывозить преступников в моем положении не стоило, а Подсолнух и Ждак были заняты семечками), я отправилась в путь, решив ещё раз перечитать присланное прошлым утром письмо:

«Девятой Императрице, правящей в Мордоре.

Здравствуй, Сисиль. Следующим днем я устраиваю чаепитие, которого не желаю. На нем настоял мой советник, который считает, что нам жизненно необходимо поддерживать «светскую связь». Я знаю, что ты, как и я, не любишь подобное, именно поэтому и зову составить мне компанию. Уж прости, но твое появление отобьет у других желание приезжать ко мне. Обещаю, что расплачусь. С меня вино и красная икра.

Со всей искренностью, пятая Императрица».

— Я бы оскорбился, — недовольно произнес Лайм, заглядывая в письмо через моё плечо. — Твой выход в свет не должен был быть таким.

— Я согласна с ним, Госпожа, — подтвердила Ольга, — однако, не могу воспрепятствовать вам, ведь вы, кажется, довольны.

— Ещё как довольна. В подчинении Яйры всё рыбное хозяйство Шеэтии. Наемся красной икры столько, чтоб потом год не хотелось.

— А, вы поэтому радуетесь...

— Конечно, а что ещё? К тому же, вино отдадут. Мы пока не настолько богатые, чтоб такое покупать.

Добирались мы недолго: сначала Эльфия подсобила, телепортировав нас напрямик в Валию, а там мы взяли карету в аренду, благодаря чему уже к обеду были у замка. Мне не нравился этот способ перемещения — даже городские маршрутки были удобнее и комфортнее. Карету постоянно трясло, на любой кочке душа покидала тело, а лошади меж тем были настолько быстрыми и выносливыми, что наша повозка, полагаю, не ехала, а летела. Хорошо, что Эльфия останется с нами: пускай, лишь через восемь лет, но я смогу наслаждаться перемещениями без опасений за свой зад.

Выйдя из кареты, я удивленно взглянула на два десятка других экипажей, что систематично подъезжали к главным воротам, оставляя там достопочтенных господ. Уже этого было достаточно, чтобы понять масштабность проводимого чаепития — здесь и речи не шло о скромной встрече с небольшой корзинкой вафель и одним чайником. Излишне пышные мероприятия я не переносила, но эта черта, как казалось, даже объединяла меня с Сисиль.

Среди всех присутствующих аристократов я была на десятку голов выше по статусу, а потому все они порядочно дарили мне поклоны и реверансы, пускай их лица и были недовольны. Я не была слепа и не была слишком глупа, я видела, как перешептывались они за раскрытыми веерами, краснея от возмущения. Думаю, будь их воля, каждый поспешил бы выказать недовольство об испорченном дне. Хотелось бы мне сказать «плевать, что говорят крысы за спиной у кись», но Лайм и даже Харон приказали мне (именно приказали) вести себя почтительно и очень вежливо. Я как будто пыль в глаза пускать не умею. К чему эти просьбы?

Мы зашли внутрь, и я несколько удивилась, обнаружив одинаковую планировку с собственным замком. Обставлен он был проще, чем у Гертруды, однако, и здесь императорское богатство нашло своё отражение. Яйра украшала свой дом умеренно и со вкусом, предпочитая излишеству минимализм, и в этом мы были с ней похожи. Если честно, то характер пятой Императрицы несколько напоминал мой. Он отличался лишь тем, что она, в самом деле, ненавидела абсолютно все.

Чаепитие проходило в отдельном зале, будто бы для того, чтобы похлепать чай, требовалось огромное пространство. Здесь уже толпились гости, но, едва я вошла внутрь, как все они затихли, попытавшись не сверлить меня разозленными взглядами. Немного забавно, но раздражающего в этом больше. Я попросила Ольху запомнить в лицо каждого здесь присутствующего, чтобы, когда я стану богатой, не позволить им и смотреть в сторону Мордора. Она рассмеялась моей просьбе, но пообещала исполнить её, как следует.

Вырвавшись из заточения светских разговоров, Яйра быстрым шагом направилась ко мне — как она и предполагала, за ней никто больше не последовал. Мы выбрали себе длинный диванчик, разлили в бокалы вина — на такие чаепития я бы ездила почаще — а после одновременно тяжело выдохнули, не посмея нарушить осанки и откинуться на спинку. С невысказанным удовольствием я обнаружила в небольших вазочках семечки.

— Как же меня всё бесит, — злобно произнесла Яйра, стискивая зубы. — А давайте поговорим о погоде, а

давайте о свадьбе богатого выроodka, а давайте о новой пудре, — спародировала она голос аристократок, сделав его тонким, почти писклявым.

— А тут людей не хило...

— Советник мой постарался. Сказала ему: «Максимум — пятнадцать». Он, видите ли, гуманный и пригласил двадцать пять. Очень трудно сделать так, как я прошу? Устроил бал недавно, хотя я попросила, что не хочу ничего. Как думаешь, что обсуждали?

— Меня.

— Именно. То, как ты ребенка попыталась похитить. Я, честно скажу, тоже сначала на тебя разозлилась, однако, когда узнала, что этот самый ребенок сам в итоге в Мордор и попал, то мне так смешно стало... Я даже рада, что Аритька своё получила. Так и думала, что на своего ребенка ей все равно.

Яйра залпом выпила целый бокал, и я недовольно покосилась на Лайма, но тот отрицательно покачал головой. Почему кому-то можно пить сразу, а мне надо цедить?

— Ты изменилась, Сисиль. В лучшую сторону.

— Ну, раз ты так говоришь...

— У тебя прям по глазам видно, что ты хочешь всех здесь утопить. Раньше ходила с покорными глазами, как у овцы. Зачем притворяешься прежней?

Я взглянула на Лайма. Тот тяжело выдохнул и махнул рукой. Я выпила бокал залпом под удивленный взгляд Яйры.

— Чтоб потом все обидчики пули глотали.

Императрица замолчала. Шикнула на слугу, что попытался подойти к ней с нарезками, и закусил длинный ноготь. Рыжие волосы выбились из аккуратной прически и лезли в её хмурое лицо, которое при данном освещении казалось серым. Повернувшись, она вдруг сжала мою руку, да так, что слабые костяшки захрустели.

— Ты уж прости меня. Я тоже многим сплетням охотно верю.

— Поверь, на твоём месте я поступила бы также.

— Я просто и подумать не могла, что ты так сильно изменишься. Хорошенько же ты лбом приложились, — она указала пальцем на мой шрам и вдруг улыбнулась. — Ты бесишь меня меньше других Императриц.

— Ну. Спасибо.

— Сильвия, кстати, очень интересовалась тобой, — как бы невзначай заметила Яйра, вновь разливая вино, — думаю, ей не по душе твоя новая активная позиция.

— Порт? — только и спросила я, принимая бокал.

Императрица задумчиво подняла глаза вверх, закусил губу и неопределенно пожала плечиком, залпом выпивая вино. Я взглянула на Лайма. Тот отрицательно покачал головой.

— У вас вечно споры были какие-то. Сама вспомни, — Яйра выставила перед собой руки и начала загибать пальцы, — сначала Лирианский лес, затем порт, после какие-то поставки, вслед за этим какой-то бард из Роэтии... Ой, всего и не назовешь так сразу.

— А что за бард?

— У тебя амнезия что ли? Не оправилась еще? Уж про него-то и забыть. Ну, ты даешь.

— На самом деле, так и есть. Память постепенно восстанавливается, — уклончиво ответила я, соорудив опечаленную гримасу. — Но восстанавливается.

— Это хорошо. Давай быстрее вспоминай всё.

— Так, что там с бардом?

— А, так, фаворит твой самый любимый. Помню, ты его везде с собой таскала, как игрушку. Он, правда, и Сильвии понравился. Не знаю, что вы в смазливых находите.

— И где он теперь? — несмотря на то, что сейчас Яйра рассказывала мне про этого человека, в памяти совершенно ничего не всплывало.

— Его Сильвия себе каким-то образом забрала. Не знаю как, уж прости. Знаю только, что он почти сразу от неё в Роэтию и сбежал.

Что ж, оказывается, и в свите Сисиль были те, кто смог принять все её недостатки. Было бы неплохо найти этого барда и узнать о прошлой жизни больше, однако, незнакомый бард находился в совершенно другой стране, куда лично я не смогу пока попасть при всем большом желании. Письмо? Но ведь я даже не знала адреса.

— Яйра?

— Чего?

— Как думаешь, есть ли возможность вывести Мордор из статуса тюрьмы?

Правительница хитро улыбнулась, взмахнула бокалом, будто бы я сказала некий тост, а после неожиданно элегантно пригубила вина.

— В этом тебе сможет помочь только один мужчина в этом мире.

— Император?

— Он самый. Убеди его в том, что Мордор принесет ему пользу, и дело в шляпе.

Праздничный вечер подходил к концу. Упоенные дорогим чаем аристократы покидали зал, направляясь к каретам, и вслед им махали рукой мы — Императрицы, напившиеся вина. Яйра любезно предложила мне переночевать в её замке, и я не менее любезно согласилась, решив не терять времени. Попросив чернила и бумагу, я перед сном написала письмо Императору с просьбой о приеме, который надеялась получить в ближайшее время, а после тут же отправила конверт в путь, не предупредив ни Лайма, ни Ольху. В тот момент мой нетрезвый ум посчитал это правильным и немного забавным, однако, уже утром я получила настоящий втык. Лайм требовал от меня описания содержания конверта, а я с благоговейным видом пила минеральную воду, разглядывая картины. О письме я ни капли не сожалела. Или все получится. Или мне опять «случайно» разобьют лоб...

— Ваше Императорское Величество, — слуга медленным шагом приблизился к широкому дубовому столу, завершив путь низким поклоном, — спешу сообщить, что этим утром вам прибыло письмо от Госпожи Сисиль.

Оторвавшись от кипы бумаг, Император изогнул бровь, бросая на дворецкого внимательный изучающий взгляд. Под столь суровым взглядом руки слуги дрогнули, и сам он невольно сделал шаг назад.

— Я не ослышался?

— Нет, Ваша Светлость. Письмо, в самом деле, от вашей девятой супруги.

Устало потеряв переносицу, Император шумно выдохнул, молча протягивая руку вперед — ему в ладонь тотчас был вложен помятый конверт. Дворецкий, совершив ещё один поклон, поспешно удалился, и правитель неспешно вытащил на стол бумаги, хмуро вглядываясь в корявые буквы, пляшущие по диагонали — их будто бы писал кто-то пьяный.

«Ахалай-махалай, цезарь.

У меня все хорошо. Но могло бы быть ещё лучше. Ни на что не намекаю, но я подзадолбалась: у меня горят сроки,

жопа

зад и последние клетки мозга. Ты посадил меня править, но в политике я себя чувствую собакой: кое-что понимаю, но сама ничего сказать не могу, только смотрю грустными глазами. Мордор изменится. У нас есть возможности, идеи и семечки. Ничего не получится, если мы и дальше будем принимать преступников, мне нужны люди. Если ты Император опять все проигнорируешь, то я сделаю так, что десять процентов всей Шеэтии станут преступниками и отправятся ко мне. К чему я веду? К тому, что Мордор пора выводить из статуса тюрьмы под небом. Если тебе,

зажравшаяся туша

дорогой муж, все равно, то я сделаю все сама. Если же нет и ты хочешь повидать свою супер-пупер очаровательную жену, то назначь мне аудиенцию в ближайшее время.

Побазарим

Поговорим, как правители.

Глотай пули из Мордора, твоя любимая Сисиль».

— Сисиль, — хриплым голосом обратился ко мне Лайм, когда мы стояли в приемной в ожидании встречи с Императором, — ты же не угрожала ему в письме?

— Нет.

— Посмотри мне в глаза.

— Нет.

— Сисиль...

— Ну, чуть-чуть.

— Ты, видно, не понимаешь, кто твой муж.

— Император.

— И кто это?

— Наш вожак.

— Сисиль, это очень, — Лайм вдруг снизил голос, — очень грозный правитель. В других странах его считают жестоким и свирепым. Он не станет терпеть твои «шутки». Как только зайдем, извинись. Я прав, Оляха?

Мы обернулись к фрейлине, но застали её сидящей на диванчике с мертвенно бледной кожей. Она подняла испуганный взгляд на Лайма и быстро закивала головой, пытаясь дрожащими пальцами оправить измятое платье. Сам советник выглядел не лучше: он постоянно поправлял воротник рубашки, нервно кашлял и мерил шагами комнату, вторя ритму больших часов с маятником. И почему они только боятся? Ну, занимает он самый высокий пост в Шеэтии, ну, хотел он, возможно, сместить меня с трона, ну, не станет же он стрелять в свою супругу, едва я войду в кабинет.

Императора в Шеэтии боялись все. Этот страх, впрочем, шел рука об руку с уважением и необъятным почтением — многие называли Правителя залогом мирной жизни, несмотря на то, что периодически войны и всевозможные разборки имели место быть. Пытаясь заглянуть в прежнюю жизнь Сисиль, я не видела ничего, будто бы никаких воспоминаний вовсе не было, однако, сейчас всё, возможно, встанет на свои места, и я перестану плавать в воде, найдя опору для дальнейших действий.

Я решила зайти в кабинет Правителя одна. Оляха была испугана настолько, что не смогла подняться с места, а Лайм выглядел так плохо, будто бы вот-вот был готов упасть в обморок. Ничего, я и сама разберусь, не маленькая. И все же подобное испытание для нервов коснулось и моей душевной организации, когда я узнала, что попасть на прием к Императору по первому прошению невозможно. Но я-то здесь.

Дверь с великолепной резьбой открылась, и из узкого проема ко мне выскользнул дорогой одетый дворецкий, что тут же низко поклонился и вопросительно взглянул на моих спутников. Я отрицательно покачала головой, и он вежливо отошел в сторону, давая мне возможность пройти внутрь. Я дыхла в ладошку и быстро понюхала — мои методы отрезвления не прошли напрасно.

Глубокий вдох. Последний взгляд. Уверенный шаг внутрь — и вот я здесь, в эпицентре правления всеми регионами Шеэтии. Безусловно, комната была огромной, но без панорамных окон, которые так любили аристократы. Много книжных полок, странные несовместимые украшения, что будто бы были привезены из разных стран, большой глобус — я рада, что и земля в этом мире круглая, — и широкий черный стол, рядом с которым стоял он. Скорее интуитивно, нежели осознанно, я присела в реверансе, но после поступила несколько невежливо, хотя бы потому, что уставилась прямо в лицо Императору.

Это был наг. Его длинный белоснежный хвост, чешуйки которого отливали перламутровым, спокойно лежал кольцами вокруг самого мужчины, что по своему мускулистому телосложению, скрытому шелковыми длинными одеяниями, походил на Харона. Его кожа была очень бледной, а белые волосы до плеч лишь больше оттеняли словно нездоровую белизну, на фоне которой сверкали устрашающие красные глаза. От него веяло силой, мужественностью и даже опасностью, и его внешность вторила этим чертам. Он не был красив. Половина его лица, а также шея и, полагаю, грудь, носили на себе последствия ужасного ожога, а сохранившиеся линии лица были грубыми, пускай и правильными. До этого я слышала, что Император часто появлялся на людях в маске, и теперь понимала почему.

Воспоминания Сисиль нахлынули мгновенно, вызывая и головную боль, и ужасное отчаяние, ударившее по сердцу. Я видела, будто в зеркале, маленькую розовласую девочку, рядом с которой стоял наг в маске, обещая прекрасное будущее. Видела роскошную свадьбу, где он вновь скрывал лицо, а она натянуто улыбалась, принимая кольцо. Вспомнила первую брачную ночь, сковывавшую и болезненную, вспомнила медовую неделю, в которую он постоянно работал, а она готовила вещи к переезду в девятый регион. Вспомнила коронацию, где Сисиль признали Императрицей, а далее не видела ничего — больше она с Правителем не виделась. Она, как и многие, жутко боялась этого нага, что без сомнений карал любого, кто шел против него.

Когда я пришла в себя, Император уже хмуро стоял передо мной. От него ничем не пахло, но взгляд был

настолько тяжелым, что даже мне пришлось отвести глаза. Если судить из воспоминаний Сисиль, напрямую он ничего плохого с ней не делал. Они вообще не общались, и назвать их семьей язык не поворачивался — на всех столичных балах Сисиль не появлялась, как и сам Император. Их не связывало ничего, кроме заключенного договора и колец. Своё кольцо, между прочим, я где-то потеряла...

— Что за дерзкое письмо? — спросил он сухо, и голос у него был такой же басовитый, как у Харона. Звали его нисколько не лучше — Рагнарек*.

— Да оно не дерзкое, правда...

Император скрестил на груди руки, совершенно не меняясь в лице. Смею скромно надеяться, что он хотя бы похвалит меня за смелость...

— То, что ты сделаешь десять процентов населения Шеэтии преступникам, — не дерзость?

— Не...

— У меня есть пять минут на разговор, — он махнул рукой, дав в этом жесте отсчет времени, и взглянул на меня исподлобья, вглядываясь в шрам. Поверь, сухарик, если это сделал ты, то я и тебе всё с лихвой верну. Я прокашлялась. Пять минут, значит, пять минут.

— Итак, по моему разумению, нерационально использовать Мордор — регион с плодородными землями и чистыми пляжами — как тюрьму. Ужасное мнение о моём регионе слишком преувеличено, и люди, что живут там, на самом деле, очень гуманны и добры. Семечки, которые мы производим, покупают очень охотно, более того, у нас в планах производство ещё одного продукта, которое, будьте уверены, станет нашим пропуском в большую торговлю. Проблема лишь в том, что нам не хватает рук, а люди, из-за того, что Мордор — это якобы тюрьма, не желают переезжать, несмотря на то, что во многих регионах наблюдается очевидная безработица. А потому, я прошу вас снять с Мордора статус тюрьмы. Я обещаю, что вы не пожалеете об этом решении.

Император, наконец, удивленно поднял брови. Видимо, Сисиль никогда не говорила более двух связанных предложений разом. Время перемен! Пора привыкать.

— Даже если я сниму с Мордора статус тюрьмы, даже если я вновь открою подземные тюрьмы, чтобы сослать преступников туда, ты думаешь, что кто-то добровольно согласится переехать в девятый регион? — уголок его губы дернулся в усмешке. — Люди боятся Мордора. Для того, чтобы они переехали, придется поменять мышление не одной тысячи человек. Ты так уверена в своей правоте?

— Да, на это уйдет время, но результат будет стоять своего, правда!

— Знаешь, Сисиль, после того, как ты погубила данные тебе земли, мне не хочется давать тебе второй шанс, — Рагнарек оперся о стол, не сводя с меня взгляда, — если бы не Гертруда, что сохранила поставки тканей и картин, я бы принял жестокие меры по отношению к тебе.

Его алые глаза опасно сверкнули, но вместо того, чтобы пугаться, я внезапно поняла один донельзя странный факт — значит, это не он разбил мне лоб? Я вспомнила слова Харона о том, что Императору главное получить требуемую норму, а раз она была сохранена, то и убивать меня было незачем! Но... Кто тогда?

— А почему вы на похороны не приехали? — сорвалось у меня с языка, и всю следующую минуту мы молча смотрели друг на друга, как если бы играли в гляделки. Слишком запоздало я задалась еще одним странным вопросом — а он вообще про похороны знал?

— На какие похороны? — холодным голосом спросил он, подтверждая мои мысли. Я тут же улыбнулась и притворилась дурочкой.

— Ой, я сказала на похороны? Я тут недавно так упала сильно, видите шрам? У меня с тех пор слова путаются... Ой, как неудобно получилось-то! Я хотела сказать на по... па... пахлаву. Да, почему вы не приехали кушать пахлаву.

Ну, тупа-а-а-я. Каюсь, я запаниковала. Слишком много информации, которую следовало обдумать внимательнее. Я не справилась. Пора идти домой.

— Знаете, подумайте еще раз о моей просьбе, пожалуйста... Раз, уж пять минут прошло.

Я спиной начала отходить к двери, но белый хвост, обвинившись вдруг вокруг меня, вынудил остановиться. Император подполз ближе, наклонился так, чтобы его лицо было на одном уровне с моим. Все было бы неплохо, если бы не одно мое дурное качество: когда на меня начинали так пристально и близко смотреть, я начинала смеяться. Был ли этот случай исключением? Ага, конечно же...

Я начала смеяться (думаю, это было больше нервное) так сильно, что оплевала Императору лицо, а тот и глазом не моргнул. Какой позор, да я хотела сквозь землю провалиться!

— Помнишь, как я подарил тебе слейпнира, когда ты была маленькой? — спросил он вдруг, и я тут же закивала головой, лишь бы не вызывать к себе еще больше подозрений и вопросов.

— Да-да, конечно, красивый такой...

— Вот только я тебе его не дарил.

Всё. Занавес. Аривидерчи. Упакуйте мой мозг отдельно так, чтобы в гробу я держала его в руках. Широко

раскрыв глаза, я молча смотрела на Императора, тогда как тот рассматривал мой шрам.

— У тебя амнезия?

— Вроде того...

— С деформацией личности?

— Не исключено.

— Но воспоминания возвращаются?

— Да...

Рагнарек отполз в сторону и смерил меня взглядом с ног до головы, будто бы я была совершенно новым человеком в его окружении. В некотором роде, впрочем, так оно и было.

— Кто оставил тебе шрам?

— Не знаю...

— Ты говорила про похороны. Была клиническая смерть?

— Может быть...

— У тебя много врагов, но я и подумать не мог, что кто-либо из них попытается устранить тебя. Подобное разрешено лишь мне. Это своего рода оскорбление моей власти.

Очень своеобразная и мало радующая защита моей персоны... Тут что ли любое слово Императора — закон, любое действие всегда правильно и сомнениям не подлежит? Что ещё за «подобное разрешено лишь мне»? Да это вообще никому не разрешено! Ну, не справлялась я, ну, увольте меня! Зачем убивать-то? Или здешний Император сжигает все мосты?

— Ты обязана как можно скорее вспомнить, кто это сделал.

— Проще сказать, чем сделать... Воспоминания возвращаются только, если я увижу того или иного человека.

Я ожидала услышать авторитарное «будешь тогда всей Шеэтии в лицо смотреть», но, видимо, ситуация с Сисиль была куда хуже, и врагов у неё больше, чем мы с Императором представляли. Он задумчиво посмотрел на глобус, а после отвернулся.

— Я сниму с Мордора статус тюрьмы. Возлагаю слабую надежду на твою новую личность.

— Благодарю.

Кажется, именно этого я и хотела добиться, разве нет? Почему же тогда я не рада? Хотя, как можно быть счастливым, когда врагов куда больше, чем ты думал. Когда то, что ты считал верным, разрушилось, выкинув тебя в океан предположений и сомнений. Почему эти люди так не любят Сисиль — глупую девушку, которая и мухи не обидит? Кто возненавидел её настолько, что решил убить?

*Рагнарек — в германо-скандинавской мифологии — гибель богов и всего мира, следующая за последней битвой между богами и хтоническими чудовищами.

«Дорогой дневник, я нашла тебя в самодельном гнезде у Агриппины, куда она утаскивает все мои вещи.

Прошел ещё один месяц (как-то уж очень систематично я забываю тебя вести), и в нашем полку прибыло. Назло всем расчетам и предрассудкам в Мордор прибыло сто тридцать четыре человека, и каждого я встречала лично в знак благодарности. Все они ранее жили здесь, а потому решили вернуться на родные земли. Им были выданы отремонтированные дома, предложены адекватные условия труда, и все они, в целом, остались довольны, разочаровавшись только в отсутствии школы и храма. Хотя, будут ли они рады узнать о том, что я собираюсь воздвигнуть храм Богини Смерти?

Оказывается, с религией здесь не все так просто и очевидно, как кажется на первый взгляд. За каждым регионом закрепляется поклонение определенному Божеству, а их здесь, спешу напомнить, очень много. В столицу, к примеру, съезжаются, чтобы сделать подношение Богини Жизни. В первом регионе построено святилище Богини Плодородия, в четвертом — Богу Войны, в пятом, у Яйры — Богу Морей и Океанов. У Гертруды — Богу Ремесленнику, а остальных я вообще не запомнила. Так или иначе Богиня Смерти осталась не у дел, пускай маленькие алтари, посвященные ей, и разбросаны по Шеэтии. Почему именно она? Потому что, как мне кажется, с ней у меня новая жизнь и связана. Я не могу объяснить это другим, и поэтому они закономерно остались недовольны, посчитав мой выбор излишне мрачным и отпугивающим. Все, кроме Харона. Но, я так и думала, что ему понравится...

Дорогой дневник, я чувствую себя той ещё блудней и шлёндрой, но меня, опять же, никто не может и не сможет понять. Хорошо, гарем, так гарем. Мне что, плохо что ли? Нет, очень даже хорошо, потому что Харон в постели гораздо лучше, чем Лайм. Но и грубее. Ножки моей кровати ломались уже два раза, а ещё три раза отлетало изголовье. Я попросила Харона не портить Императорское имущество в порыве страсти, и тот на следующий день порвал балдахин и моё терпение. Теперь я сплю одна, потому что Лайм заболел, и у него текут сопля, а Харон, хотя и кричал, что он мужик и его сила никуда не испарится, теперь учится быть спокойнее и нежнее. Как, спросишь ты, дорогой дневник? Я посадила его ухаживать за самыми трудно выращиваемыми цветами в саду. Он обиделся на меня, но каждый день исправно сидит там с лопаткой и лейкой.

Но довольно о мужиках! Самая чудесная новость произошла три дня назад — старый дедуля смог-таки создать огромный и сильный пресс, а также что-то похожее на причудливый фильтр. Так или иначе, я стала ещё ближе к созданию нерафинированного подсолнечного масла холодного отжима, а также оливкового масла. Мы начнем создавать его через три недели, когда соберем первый урожай оливок. Разливать его будем в стеклянные бутылки, но также введем переработку стекла, чтобы заранее избежать загрязнения. Меня вновь и вновь называют гением, но это они ещё Гниду не видели...

Ольха влюбилась в молодого кузнеца, что приехал в Мордор совсем недавно, и уже просит меня дать согласие на помолвку. Я попросила её повременить и пристальнее приглядеться к парню, чтобы быть точно уверенной в выборе. Она согласилась, хотя я и получила после нагоняй от Кирки. Ждак ударился в тренировки вместе с Хароном, Лайм работает, не поднимая головы вместе с Подсолнухом, но и мы с Эльфией не отстаем и усердно учимся. Ну, она точно усердно.

На прошлой неделе ко мне приезжала Яйра с подарками в виде икры и свежей рыбы. С её приходом мой замок был словесно и нецензурно оскорблен, а потому мною было принято решение усугубить и без того нелегкую жизнь подчиненным — я решила переокрасить замок, обложив его каким-нибудь благородным камнем. Лайм молча взял меня за руку, показал казну, показал список живущих в Мордоре людей, среди которых не было ни единого зодчего, и я вновь заткнулась. Потом, так потом...

Если честно, дорогой дневник, то мне немного грустно. Многие по-прежнему необоснованно меня не терпят и не выносят, а осознание того, что убийца может скрываться в каждом встречном, очень тревожит. Я, как и Ждак, тоже хочу уметь постоять за себя, а потому учусь выращивать всевозможные диковинные цветы, которые могут мне в этом помочь.

Ну, всё, меня зовут смотреть работу прессы. Пока-пока».

— Что скажете, — с улыбкой спросила жена Кирки, наливая в чашку зеленый чай, — вкусно?

— Превошходно, — ответила я с набитым ртом, отрезая от пирога очередной кусочек, — тебе можно свой магазинчик с выпечкой открывать.

— Я думала, Госпожа. Всегда мечтала, чтобы мои фирменные пироги стали известны всей стране! Нужен громогласный лозунг. Что думаете?

— Пирог с грибами — ты больше не с нами.

— Госпожа, я не собираюсь печь только для поминок знаете ли... Вечно у вас всё к смерти сводится. Так нельзя. Неужели вы не передумали насчет храма? Ведь так много других удивительных Божеств! Мордор станет очень хмурым и печальным городом...

— Уж прости, но я решила с самого начала, что построю именно его.

— Ох, Госпожа...

Я доела пирог, выпила чай и вновь принялась за работу по введению масла в обиход. Первая партия получилась гадкой и отвратительной, зато вторая имела вкус лучше — мастера во главе с Лаймом трудились изо дня в день, чтобы сделать его максимально похожим на тот, что я описала. Подсолнечное масло я хотела ввести в обиход, как альтернативу сливочному, а потому и цена не должна была быть слишком высокой. Оливковое же я выпущу гораздо позднее, трактовав его, как утонченное и, скажем прямо, полезное масло среди прочих. Цена на него будет выше, ведь его также можно будет использовать в косметологии. Мда, я уже и сама начинаю верить в то, что такая умная.

Дверь открылась, и ко мне в кабинет вбежал взволнованный Подсолнух. Он показал мне распечатанное письмо — конверты, что приходили от Императриц с меткой «деловое» я разрешила читать и Лайму, и Подсолнуху — и кто бы сомневался, что там будет что-то нехорошее. Седьмая Императрица просила расторгнуть контракт, называя мои семечки гадкими и отвратительными. Она и вторая Императрица более не желали торговать со мной, и даже придумали закон, в котором строго карали всех тех, кто в их секторах пытался провозить товар контрабандой.

Снова Аритька? Думаю, это её рук дело. Своим поступком она переполошила весь мой дворец, ведь самые большие поставки шли именно в седьмой регион, а следовательно, она оставляла меня без значимой части заработка. Лайм казался расстроенным, как и Подсолнух, но обижать моих советников никто не может, кроме меня. Как же надоела мне эта Аритька!

— Не ссать, — строго произнесла я на общем собрании, ударив при этом Лайма по плечу, — моё терпение иссякло, а значит, теперь этим плебеям настал черед жрать землю!

— Госпожа, — начала было Ольга, но я остановила её прежде, чем она начала обвинять меня в неподобающем поведении.

— Сколько можно этого этикета, когда эти твари в нашу сторону плюют?

Харон согласно кивнул. Эльфия виновато улыбалась перед новенькими горничными, что ещё не привыкли к причудливой Императрице в моем лице.

— Но, что мы можем сделать?

Тут уже настал мой черед довольно улыбаться, но выглядело это подобно злобному оскалу — уж простите, я слишком долго ждала, чтобы вернуть Аритьке всё её «добро». Непременно получит и Императрица седьмого сектора за своё решение, но сейчас мы наденем кастрюлю на голову Аритьке и будем бить по ней шваброй до тех пор, пока она не пообещает заткнуться навсегда.

— У меня не очень хорошее предчувствие, — скромно ответил Лайм, сморкаясь в платок, — но я лишь надеюсь на то, что это никак не повлияет на Мордор.

— Мой дорогой, никто даже не узнает, что это был Мордор. А потому, все здесь присутствующие, поклонитесь перед Богиней Смерти, храм которой у нас в планах, что не расскажете никому то, что сейчас услышите.

Ох, как же я горела от нетерпения! Выслушав клятвы всех и согласно кивнув, я потеряла ладошки — мой план был безупречным!

— Начнем с того, что я очень плохая фея. Плохая настолько, что засунула в эфир своих первых духов растение, которое вызывает временную зависимость.

Как и предполагалось, половина моего совета раскрыло рты от шока, и лишь Лайм с тяжелым вздохом потерял виски. Ольга старательно разглядывала канделябр.

— Госпожа...

— Молчать! Это наш секретик.

— Ничего себе секретик...

— Никто об этом не знает — уж больно хорошо оно замаскировано, а про свойства цветка вообще никто не догадывается. Пока.

— И что вы планируете? — с улыбкой спросил Харон. Вот кому-кому, а ему всегда мои идеи нравились.

— Мои духи послужат мне же на пользу. Мы обвиним второй регион в производстве незаконного товара, оправдав это тем, что в их составе цветок, вызывающий зависимость!

Смотрели на меня испуганно. Думаю, боялись не самой идеи, а того, что я вообще до этого додумалась. Да-да, вот вам и невинная, добрая Сисиль.

— Но как нам сделать это, не привлекая внимания к Мордору? И не станут ли подозревать нас в изначальной рецептуре? — спросил Лайм. Я была рада, что у меня такой осторожный фаворит, но план был безупречен. Настолько, что я им без зазрения совести гордилась.

— Нам нужно лишь посеять слухи, а благородные и оскорбленные аристократки сами все доделают. Мы же будем все отрицать. Скажем, что на нас пытаются перевести вино. А когда дело дойдет до расследования, то второй регион с удивлением обнаружит, что данные цветы у нас не растут — климат для них непригоден — зато они прекрасно цветут у Аритьки. Я всё изучила.

— Тогда, как вы растили эти цветы? — спросил Кирка, в очередной раз удивленный моей злобной хитростью.

— О, со всей любовью и ненавистью.

Сегодня был ещё один красный день календаря — Арилька хлебнула того, чем так старательно пыталась полить меня. Всё произошло именно так, как я и предполагала.

Сначала Ждак и Оляха, замаскировавшись под горожан второго региона, начали распространять слухи, которые очень быстро дошли до высших слоев. Безусловно, те накрутили себя ещё больше, высказав негодование самой Императрице, и репутация той за один день испортилась до неузнаваемости. Я не сомневалась в том, что она обвинит во всем Мордор, а так как следствие вели независимые от чужого мнения стражи Императора, они убедились в том, что незаконные цветы не могут расти на моей территории.

Вот и все. Мой роднёнький бизнес с ужасным скандалом закрылся, Арилька тоже закрылась во дворце, чтобы побиться в бессильных конвульсиях, а регионы, скупавшие у неё духи, прекратили торговлю, назвав подобное поведение бесчестным и аморальным. Каждый поспешил сказать ей о том, что не ожидал подобного поведения с её стороны. Вот же негодяйка! Да как она посмела!

— Ты демон, Сисиль, — хмыкнул Лайм, однако, выглядел он при этом довольным. Даже выздоровел мгновенно. — Если на твою территорию кинут одну коровью лепешку, ты погребешь хама под целой кучей.

— Так и надо. Эти Императрицы должны меня бояться!

— Ну, вообще-то только мы да Арилька знаем это.

— Начинать надо с малого.

— Тоже верно.

— Отметим?

— Ох, Сисиль, ладно... Будешь сухое вино?

— Конечно. Насыпай.

Не понос, так золотуха — кредо Мордора, что испокон веков топтался на платформе нескончаемых испытаний и несчастий. Стоило мне порадоваться успешным ходом в отношении экономики второго региона, как мой собственный сектор постигло очередное испытание, прибывшее, очевидно, с новыми переселенцами в количестве пятидесяти штук. Среди них оказались потерявшие работу зодчие, старые учителя, а также сироты, решившие начать жизнь с чистого листа. Пускай людей в Мордоре было ещё достаточно, чтобы считать его деревней, проблема гигиены вдруг стала достаточно остро за неимением во дворце магов, отвечающих за водоснабжение, а также лекарей, что могли бы проводить периодические осмотры. Многие друиды страдали аллергией, мешающей им полноценно работать, немногочисленные феи из-за тяжелой работы постоянно приобретали то растяжение, то переломы, а оборотни не могли избавиться от вшей и блох, заражая всех окружающих. Апогеем всего этого мракобесия стала цветочная болезнь, что косила десятки моих подданных и передавалась воздушно-капельным путем. Оказалось, что для прибрежного региона это обычное, но жутко неприятное явление.

— И что это? — недовольно спросил Лайм, скептически оглядывая мои черные одеяния, широкополую шляпу и самодельную маску с птичьим клювом, что полностью закрывала мне лицо.

— Я иду к людям. Это мой противочумный костюм!

Рядом со мной возник Подсолнух в точно таком же одеянии, и Лайм обреченно выдохнул, закатив глаза.

— Я же просил остаться в замке на время эпидемии.

— Мы уже оделись.

— Госпожа Сисиль придумала удивительный костюм! — произнес Подсолнух, получше заправляя рукава в перчатки. — Так, мы точно не заразимся!

— Я вижу...

Вместе с дедулей мы отправились к домам у подножия замка, тоскливо осматривая пустые дороги и оставленные на прогалинах корзины и тележки. Производство семечек и масла остановилось в самый разгар работы, поставив под удар все мои грандиозные планы, и кто бы мог подумать, что половина населения сляжет от болезни, а другая половина закроется в попытках обезопасить себя. Харон объяснил мне, что сама по себе цветочная болезнь не смертельна, но переносится она очень тяжело, несмотря на то, что на полное выздоровление требуется две недели. Подобным недугом легко заразиться при ослабленном иммунитете, постоянной выматывающей работе и отсутствии гигиены. Я почувствовала себя жутким и скверным Правителем, который, хотя и считает себя близким к народу, на деле же не знает всех их тягб.

Когда мы прибыли на место, я поразилась тому, насколько здесь было пусто. Все окна были плотно закрыты, вдали догорала куча сброшенных заразных вещей, и сама атмосфера проводила незримую параллель с какой-то бубонной чумой, последствия которой я видела в фильмах прошлой жизни. Но это была не чума, и, постучав в одну из дверей, мы с Подсолнухом вошли внутрь, пугая жителей не только своими костюмами, но и своим визитом.

Это был дом старого учителя, что прибыл в Мордор вместе со своей овдовевшей дочкой и её сыном. Мальчик лет пятнадцати лежал на кровати в дальнем углу, шумно и хрипло дыша. Рядом с ним хлопотала его кашляющая мама, что выглядела слабой и бледной. Её щеки впали, а от бессонных ночей появились мешки под глазами. Но у каждого из обитателей этого дома был один общий симптом, на который мне указал Подсолнух: у всех у них на коже были красные пятна, напоминающие по форме цветов, — главный признак цветочной болезни. По рассказам Лайма, в прошлое десятилетие лекарство поставлял первый регион, а также второй, вот только, все они сейчас торговать не были намерены. Я временно закрыла границы Мордора, чтобы переселенцы не подхватили заразу. Если подумать, то в прошлом Сисиль уже пыталась растить поле с некими цветами, однако, Аритька тогда все сожгла. Что же это были за цветы...

Обойдя ещё несколько домов, мы вернулись в замок, где нас предварительно облили салициловым спиртом и ещё какой-то вонючей гадостью, из-за запаха которой от меня шугались и фавориты, и курицы, и Агриппина, затаившаяся на время эпидемии в своем гнезде. Мы принялись искать решение, ведь даже, несмотря на то, что через две недели организм сам справится с недугом, могли появиться последствия, а потому нам жизненно был необходим лекарь. Лайм мягко пояснил, что все создания с целительским даром нарасхват, и нам никого не найти, а потому встал очевидный вопрос, что же тогда делать? Кирка предложил отправиться к провидице Грильде — он сказал, что её предсказания обычно сбываются, и она может попробовать что-то сделать, — и я согласилась, потому что иного решения не нашла.

Она жила на границе с восьмым регионом, и мы отправились туда незамедлительно, надев на себя противочумные костюмы. Мало ли что. Так как костюмов было мало, а желающих вдруг оказалось много, я взяла с собой Подсолнуха и Эльфию, так как она была устойчива к подобному заболеванию и могла свободно перемещаться вместе с нами по территории. Причудливая компания, скажу честно. Надеюсь, что мы не доведем Грильду до инфаркта своим эффектным появлением.

Щелчок пальцев, и вот мы на месте — рядом со старым покореженным домиком, который будто бы наполовину поглотила земля. Из его кривой трубы щедро валил дым, а разросшийся по стенам мох плавно сползал к траве, устлая поверхность лучше всякого газона. Рядом с избушкой был разбит небольшой огород с грустным пугалом, а чуть поодаль паслась беленькая козочка, что звенела колокольчиком, когда трясла головой. Здесь было очень тихо и даже атмосферно, эта избушка напоминала мне сказочный домик, в котором живет милая и добрая старушка с пятью котами и волшебной метлой. Неужели Грильда — та самая волшебница, что всегда помогает главному герою познать себя и найти своё место в мире?

Едва я сделала шаг вперед, как боковая дверь, ведущая в огород, с грохотом открылась, и из неё стремглав выскочил настоящий сатир, что тут же свалился в грядки, пропахав несколько метров своим лицом. Следом за ним выбежала низкорослая пожилая женщина в ядовито-желтом платье и... с ружьем. Нацелившись на сатира, она принялась стрелять солью ему по копытам, и тот, подпрыгивая, принялся зигзагом бежать к лесу. Вслед за ним из дома выбежали страшные мордастые собаки, решившие, видимо, гнать сатира до самой границы.

— Мамаше своей так говорить будешь, ебалайка волосатая! — закричала она вслед волшебному созданию, сделав ещё один выстрел в воздух. Эльфия испуганно взяла меня за черный плащ, и я погладила её по голове, надеясь, что с нами не поступят также...

Заметив новых гостей, женщина задрала подолы платья и, кинув ружье куда-то в сторону, вышла на главную тропинку, осмотрев нас презрительным взглядом и акцентировав особое внимание на масках. Громко хмыкая, она то шурилась, то вновь широко раскрывала глаза, будто бы у нее были проблемы со зрением. Я не решалась нарушить это своеобразное молчание, хотя именно я пришла сюда с просьбой, — уж слишком сильным было впечатление от увиденного.

— Опять Азазель забыл закрыть врата в Ад что ли... — произнесла она, наконец, решив, что мы посланники из Преисподней, — и как зовут вас, деточки?

— Меня зовут Сисиль, — представилась я, решив, что официоз в данном случае будет лишним и даже опасным, — а это Подсолнух и Эльфия.

— Ты не Сисиль, не ври мне, дурная фея, — вдруг огрызнулась женщина, — знавала я Сисиль, она мне цветы иногда передавала для опытов. И ты точно не Сисиль.

Я замолчала, прикусив губу. Она поняла это, лишь взглянув на одетую в костюм фигуру? Как такое вообще возможно?

— Ты глухая? Я спрашиваю твоё имя.

Подсолнух уже собирался было возмутиться и выступил вперед, но я остановила его рукой.

— Я не помню своего имени. Это правда.

— Вижу, что правда, — сощурила глаза женщина, которую, несмотря на морщины, старушкой назвать язык не поворачивался, — у тебя вообще сплошные провалы в башке. Чего приперлись-то?

— В городе... в деревне цветочная болезнь. Я хотела бы узнать, есть ли способ помочь...

— Склеротичка Сисиль. Она уже приходила ко мне с такой просьбой. Вы хотите, чтоб я страдала дежавю? — она закатила глаза, прямо как Лайм, и недовольно цокнула языком. — Ладно, заходите... Только потому, что Сисиль мне когда-то помогла.

Полагаю, Подсолнух и Эльфия посчитала волшебницу сумасшедшей, однако, мне стало не по себе. Впервые с момента жизни в этом мире, ко мне обратились не как к Сисиль, и собственный испуг даже показался странным. Я настолько привыкла и притерлась к дарованному образу, что сейчас попросту села в лужу от сказанных слов.

Я сильно наклонилась, чтобы войти внутрь, но в комнате на удивление оказалось довольно просторно. Она была завалена свитками, книгами, разбитыми склянками и грязными ступками, тогда как на полках теснились многочисленные флаконы с разноцветными жидкостями. Некоторые из растений жили своей жизнью, поворачивая то листья, то цветки к нашей компании, а под потолком висел настоящий улей, рядом с которым медленно порхали синие пчелы. Женщина быстрым шагом исчезла в другой комнате, и мы последовали за ней, оказавшись в похожем помещении, в котором стоял большой чугунный котел. Рядом с ним, медленно помешивая бурлящую жидкость, стоял очень странный... кто?

Кожа его была почти коричневой, а красные волосы длиной до ягодич дополняли изогнутые кзади черные рога, между которыми полыхало пламя! Склера у него была черной, и на её фоне сверкала алая радужка, пронизанная багровыми узорами. Под губой виднелся, думаю, пирсинг, в сосках висели кольца, а тонкие пальцы украшали длинные ногти. Само создание не обращало на нас никакого внимания, изредка поправляя спадающие черные шаровары, зато Подсолнух и Эльфия позади издали вдох ужаса.

— Меня зовут Грильда, — ответила женщина, ничего не поясняя, — а это мой внучок Азазель, — создание чуть повернулось в нашу сторону и поклонилось.

— Вы... не похожи, — честно призналась я, и Грильда громко рассмеялась, доставая из шкафа огромную, забитую листами папку.

— Если б ты сказала, что мы похожи, я бы тебя ударила, — не менее честно призналась она, хотя даже Эльфия недовольно нахмурила брови, — это вот дочка моя учудила. Нашла себе ифрита как-то для помощи и докувыркалась с ним в постели. Вот итог. Да, Азазель?

— Я не виноват, — холодно ответил полукровка-ифрит.

— А где ваша дочь?

— Померла. Уж лет как двадцать её нет, и муженек за ней следом пошел.

— Простите...

— Чего извиняться-то? Сама ж спросила.

Порывшись в папке, Грильда вытащила пожелтевший листок с порванными краями. Без лишних слов она протянула его мне, и, взяв лист в руки, я вгляделась в рисунок странных цветов, что напоминали жутко потрепанные пионы.

— Редкие цветы. Вырастить их можно, вот только сок ещё дожидаться надо.

— Тут написано, что это «плаксы».

— Да, они начинают источать сок тогда, когда им вздумается. Нет никакой закономерности, в этом вся и беда. Этот сок и лечит.

— Спасибо вам огромное, я в долгу перед вами!

— Да погоди ты... Оставайтесь на чай.

Азазель поспешил поставить чайник, а Подсолнух и Эльфия послушно сели на диванчик рядом с корзинкой халвы. Закурив трубку и неожиданно предложив ещё одну трубку мне — я, безусловно, согласилась, сняв маску, — женщина вывела меня в огород, где мы сели на лавку, на которой уже дремала черная кошка. Над грядками летали бабочки, и первые светлячки скромно ютились под темной крышей, ожидая сумерек. Сердце почему-то больно защемило, будто бы этот пейзаж был дорог Сисиль, и Грильда, кинув на меня внимательный взгляд, покачала головой, выпуская в воздух кольца дыма. Я сделала одну затяжку, но тут же закашлялась.

— Сисиль никогда не курила, вот и непривычно, — пояснила вместо меня женщина, прикрыв глаза, — ну, и судьба же ей досталась. Уж побереги её тело...

— Откуда вы узнали?

— Слушай, деточка, мне четыреста пятьдесят шесть лет. Я такого повидала на своем веку, что уже ничему не удивляюсь.

Мы замолчали, заполняя воздух дымом трубки. Где-то вдалеке пропели птицы, и небо плавно вливалось в себя оранжевые тона.

— Ты им за Сисиль отомсти, — вдруг произнесла Грильда, — я вижу, ты дамочка боевая, тебе палец в рот не клади. Авось, не зря именно ты в теле этом и оказалась...

— Вы знаете, как произошло это...перемещение?

— Знаю только, что промысел это Божественный. Там ответы и ищи. Мне тоже потом расскажи. Уж больно интересно...

— Спасибо.

— Да, пожалуйста. Значит, Мордор поднимается с колен?

— Пока не очень успешно.

— А ты думала, власть — это просто? Тут только отвлечешься, а тебе одну ногу кто-то грызет, другую кто-то насилует.

— Тонко подмечено. А вы...не хотите перебраться во дворец?

— Не, — женщина усмехнулась и махнула рукой, — я половину жизни там просидела. Надоело. Мне и тут неплохо. Но на праздники зови, это дело я люблю.

— Обязательно. Вы очень мне помогли.

— Раз я такая хорошая, то и ты мне подсоби.

— Конечно. Что нужно?

— Дело в Азазеле. Живет он тут со мной уж лет пятнадцать, терпит, но вижу, что ему здесь не нравится. Он, как и мать его, амбициозный, хотя и молчит, не признается, хрен обгорелый. Забери ты его с собой. Пусть хоть мир посмотрит.

— Мне не трудно, нам все равно руки рабочие нужны, но...То, что он ифрит, ничего страшного?

— Люди их боятся, конечно, но оттого мне их и жалко. Ну, выглядят они так, чего уж теперь, жизнь в этом мире и для них предусмотрена. Тебя вон тоже люд наш не любил. А теперь что? Я погляжу, что и нравишься ты им, слушают тебя внимательно, работают.

— Вы правы...

— Я всегда права. Ты, ежели Сисиль встретишь, привет ей от меня передавай. Чую, что есть в этом теле и её часть.

— Обязательно.

— А вы всё продолжаете приводить в замок странных личностей, — сказала Ольга, наблюдая за тем, как ифрит совершенно невозмутимо устанавливал в свою комнату железную дверь. — Хотя, какая Императрица, такие и подчиненные...

— Ты что-то сказала?

— Не, ничего.

Прошла ещё одна неделя, и Азазель обосновался в замке, пообещав помочь с изготовлением лекарства. Несмотря на врожденные и талантливые способности к магии огня, ифрит предпочитал неспешно копаться в старых книгах и изготавливать зелья, эффект которых помогал бы людям. Подобное благородство поначалу казалось мне странным и подозрительным, но Грильда объяснила это материнским воспитанием, в ходе которого Азазелю привили стремление к обучению и желание помогать другим. За подобными чудесными чертами, как и предполагалось, оказалась стопка подвохов, среди которых обнаружились вспыльчивость, недоверчивость, скрытность и невероятное чувство собственности — главным правилом ифрита было требование не трогать его вещи.

Всё это время я заботливо выращивала в саду «плаксы», что росли цветками нежно-голубого цвета. Как и говорила Грильда, спешить вырабатывать сок «плаксы» явно не желали, и сколько бы магии я не вкладывала, сколько бы ни упрашивала их, походя на умалишенную, все было впустую — они были абсолютно сухими. А меж тем время шло, и производство замерло на месте, лишив замок прибыли и планируемых возможностей. Те, кто болел, чувствовали себя лучше, но заражали здоровых селян, и всё начиналось сначала, усугубляясь с каждым разом возмущением того, что власть в моем лице совершенно ничего не делает. Подобные обвинения злили, ведь я действительно старалась, чуть ли не проклиная «плаксы», но понять поданных я также могла — они болели, а я не могла оказать им никакой помощи.

Но беда никогда не приходит одна, и на фоне царствующей в Мордоре болезни начали гореть леса из-за сильной жары. Если бы не Кирка, Ждак и Азазель, в каждом из которых была способность управлять огнем, не миновать бы нам огромной трагедии. Судьба словно испытывала меня на прочность, но, признаюсь честно, эти проверки лишали сил и терпения, жутко изматывая и убирая из жизни нормальный сон. Схватившись за голову, я весь день сидела над цветами, понимая, что, если сейчас я через Яйру попытаюсь купить дорогие лекарства, то можно попроситься на год с маслом, а вместе с тем обречь селян на еще один год бедного существования.

Лайм и Подсолнух считали, что лучше дождаться периода полного выздоровления селян, не тратясь на лекарства. Харон и Эльфия составляли конфронтационную сторону, полагая, что лучше купить лекарства и запустить производство вновь, не теряя нескольких месяцев ожиданий и прятков во дворце. С утра и до вечера бились мы над одним и тем же вопросом, но итоговое решение оставалось за мной, а решить я так и не могла, до последнего надеясь на чертовы «плаксы», которые и не собирались помогать взрастившей их фее. Наверное, в прошлом Сисиль мучилась этим же.

Вечерело, но я продолжала сидеть на лавке, переводя взгляд с черного дыма, идущего со стороны леса, на голубые цветки, листья которых печально опускались к земле с закатом. Ночью меня обычно сменял Харон, чтобы следить за «плаксами», однако, утром я вновь возвращалась к своему посту, что словно бы насмеялся над моими стараниями. Уверена, только я отворачивалась от цветов, с их лепестков скатывалась затаившаяся капля целительного сока.

Неожиданно перед глазами всплыло очередное воспоминание, наполненное такими тяжелыми чувствами, что нижние веки заполнились слезами. Я сидела в саду, на этом самом месте, осматривая догорающий сад и задохнувшихся угарным газом животных. Подданные в спешке покидали замок вместе со своими вещами, и глупый розовый флаг, который, оказывается, ненавидела даже Сисиль, с грохотом падал по крышам, пока не свалился в ручей. В небе парили виверны, напавшие на девятый регион во время отступления после войны с четвертой Императрицей. Чья-то рука опустилась на плечо Сисиль, но ощущение было настолько реальным, что я и сама обернулась, не разглядев из-за слез того, кто стоял позади.

— Госпожа? — услышала я взволнованный голос, и тут же вытерла глаза. Рядом с лавкой стоял Азазель, настороженно рассматривая моё раскрасневшееся лицо, и, громко шмыгнув носом, я отвернулась.

— Вот черт, никому не говори. Я ни перед кем не плачу. Понятно?

— Почему? — спросил он, усаживаясь на лавку и не сводя с меня черных склер. Как будто бы плачущую женщину первый раз видел, честное слово. — Почему вы ни перед кем не плачете?

— Потому что я сильная. Если даже я захочу поплакать, никто не должен этого видеть.

— Сильным людям нельзя плакать при других?

— Ты надоел мне со своими вопросами! — задыхаясь, произнесла я, а слезы как текли, так и продолжали течь. — Я своим видом должна подбадривать других, а не наводить на них тоску. Иди отсюда вообще. Что пришел?

— Чужие слезы могут стать огромной силой для других, — вдруг произнес он, наклоня голову вперед, чтобы не упустить из виду мою опухшую физиономию. — Вы кажетесь в жизни язвительной и злобной, но, когда плачете, очень милая.

— Ну, спасибо! Дашь высморкаться в рубашку?

— Нет.

— Жлоб.

— Это моя рубашка.

— Жло-о-об.

— Держите свои сопли при себе, — усмехнулся он, увидев, что я улыбнулась, но тут же посерьезнел, взглянув на цветы, — Госпожа, смотрите!

Если бы я могла сквозь слезящиеся глаза всё рассмотреть, то увидела бы внезапно побелевшие «плаксы», что скудно выделяли приятно пахнущий сок золотистого цвета. Вот только стоило мне успокоиться и насухо вытереть глаза, как цветы вновь стали голубыми, моментально впитав в себя весь тот сок, который они собирались уже отдать Азазелю с пробиркой в руках. Серьезно? Ответ всегда лежал на поверхности, а я постоянно копала лишь глубже, надеясь разрыть ценный и никому не ведомый клад. Чувствую себя и глупой, и радостной. Будто бы с души кто-то снял груз...

— Госпожа, — произнес ифрит, — простите, но вам придется поплакать.

— Да, знаю.

Расскажи я кому, что «плаксы» источают сок только тогда, когда рядом кто-то плачет, покрутили бы у виска, не обнаружив никакой чудной и интересной информации. Ну, что ж, поехали. Хатико, померший хомяк, китобойный промысел...

Воспоминания Харона, телохранителя Императрицы Сисиль Ебельмании.

Кровать я видите ли во время секса ломаю... Значит, это очень хороший секс! К чему был этот приказ выращивать настоящую нежнятину среди мира цветов? Да, я только тыкну пальцем в эти розовые лепестки, как они тут же отлетают! Я уже две недели хожу без того, что мне причитается, а грядка как не цвела, так и не цветет. Наверное, я засохну вместе с ними такими темпами.

Атланты — сильнейшая раса, наги — жесточайшая раса. Почему я, гордый представитель мужественных народов, сижу в огороде в надежде получить урожай, а вместе с ним и секс? Мне теперь жить по принципу «ебать-копать»? Мои предки находили женицину, закидывали её на плечо и уносили в дом. Так и женились, так и плодились. И ничего. Никто из них не выращивал хреновые цветы, на которые подышишь, и они помрут. Успокаивает лишь то, что и Лайму не перепадает. Он то болеет, то книги с позами определенными читает.

Уже поздно, пора идти на новый пост. Какой? Опять следить за цветами. Но Сисиль весь день сидит насими, и я обязан следить всю ночь хотя бы потому, что ценю все её старания. Беру с собой книгу, чтобы не заскучать, обхожу дворец, захожу в сад и слышу безумный надрывный плач. Сисиль? Со всех ног бегу к лавке, на которой она всегда сидит, и сталкиваюсь с Эльфией, Подсолнухом и Лаймом, что смотрят на меня безумными и встревоженными глазами. Что вообще происходит?

Подхожу ближе и вижу дико орущую Сисиль. Рядом с ней сидит Азазель и едва поспекает подставлять под цветы пробирки. Взглянув в мою сторону, он неопределенно жмет плечами, сохраняя потрясающее равнодушие:

— Мы сок собираем.

Благодаря таланту и сообразительности Азазеля лекарство было приготовлено в считанные сроки, а после роздано населению для скорейшего выздоровления. Могу совершенно точно, без переносного смысла сказать, что данное зелье я выстрадала, и в некотором роде ныне селяне лечатся моими аристократичными розовыми слезами. Я плакала так долго и так сильно, что мои глаза болели ещё два дня, а тереть их было вовсе невозможно — кожа воспалилась и жутко зудела. Но это малая жертва за решенную проблему, ведь цветочная болезнь миновала, и даже пожары стали тише, а после и вовсе сошли на нет стараниями поданных, вернувшихся в строй. Наступил очередной период затишья, после которого, как я уже поняла, вновь последует очередное испытание моей помотанной нервной системы. Обычно, после черной полосы наступает белая, будто бы в поощрение за потраченные труды, однако, у нас она была серой — после всех трагедий мы вступали в трудовые будни, в которых не менялось ничего, кроме количества производимого товара.

Сегодня был тоскливый день. В небе, затянутом мрачными, почти черными, тучами, сверкала молния, и норовивший вот-вот сорваться дождь знаменовал полное окончание лесных пожаров. По округе пронесся раскатистый гром, и селяне на площади ускорили шаг, чтобы добраться до домов раньше ливня. Единственная деревенская лошадь испуганно ржала, пытаясь сорваться с места вместе с телегой, но Кирка, чью могучую фигуру я могла разглядеть даже из окна спальни, успокаивающе хлопал животное по шее. Рядом с ним играючи носились дети, но одного взгляда на них было достаточно, чтобы душа преисполнилась жалостью: в изношенных, зачастую порванных одеждах, босые, растрепанные они весело смеялись, используя в качестве игрушек палки и камни.

Я позвала Ольху, спросила у нее, есть ли в замке ненужные ткани, однако, подобного излишка на складе не оказалось, и я без зазрения совести приказала сорвать несколько огромных штор, что своей громоздкостью давно мусолили мне глаза. Жена Кирки и Ольга пообещали изготовить из них детскую одежду, и, поймав удовлетворение в собственном решении, я отправилась в купальни, чтобы после упасть в мягкую и вкусно пахнущую кровать.

Купальню я любила во многом потому, что она была мраморная, а ещё очень большая, походя на круглый бассейн, окруженный колоннами и статуями нимф. Здесь не было розового цвета, не было стопок документов, не было людей с их постоянными претензиями и недовольствами, и, находясь в одиночестве, тревожные мысли улетучивались, очищая разум. Купальня была единственной прихотью, которую я выказала, будучи Императрицей, ведь её нужно было ежедневно чистить и ежедневно заполнять горячей водой, пары от которой заполняли всю комнату, делая её похожей на хамам. Ольга любезно вбрасывала в бассейн лепестки садовых цветов, и каждое принятие «ванны» превращалось в нечто поистине волшебное и долгожданное.

Скинув с себя всю одежду в небольшой комнатке перед купальней, я вбежала в окутанное паром помещение, упав в воду бомбой. Сегодня здесь пахло жасмином, и, вынырнув на поверхность, я шумно вдохнула в себя горячий влажный воздух, отплывая к бортику. Впрочем, не было части замка, где не было бы проблем, и даже в моем личном райском саду она была — рабочая купальня для аристократов была лишь одна, а потому все фавориты посчитали себя достаточно знатными, чтобы покуситься на эти владения. И не только фавориты...

— Знаешь, Сисиль, теперь я понимаю, почему у тебя грудь плоская — если столько раз в воду подобным способом входить, всё, что есть, сплющится.

Плотный пар чуть развеялся, и на противоположном конце я увидела два черных рога, пламя между которыми временно потухло. Азазель облюбовал купальню в самый первый день своего прибытия, и сколько бы я ни старалась выпихнуть его прочь, он приходил вновь и вновь. Спешу признаться, что долго я не старалась, ведь в присутствии Азазеля была своя польза — из-за врожденных способностей он невольно поддерживал температуру воды постоянно высокой. Своего рода мой личный мощный нагреватель.

— Если сидеть в воде столько, сколько ты, можно стать овощем на пару, — не менее язвительно ответила я, усаживаясь на бортик и свешивая ноги в воду — сегодня вода оказалась слишком горячей. Кругом был белый пар, поэтому стеснения я не испытывала, а даже, если бы его не было, фигура Сисиль не стоила того, чтобы её можно было жадно разглядывать.

— Слишком горячо? — спросил Азазель, очевидно, услышав всплеск воды с моей стороны, и я согласно угукнула. — Вот и хорошо.

— Эй, сделай чуть прохладнее. Я выгляжу, как рак!

— Такая же красная, странная и с клешнями?

— Азазель, ты сейчас себя описал.

Он усмехнулся и замолчал. Я же повернулась в поисках мыла, но не нашла ни его, ни мочалки. Едва я попыталась встать, чтобы обойти помещение и поискать пропажу, как мне в лицо прилетело что-то мягкое. Моя розовая мочалка.

— Ты что, мылся ей? Это же моя!

— У меня пока нет своей мочалки, — ответил он совершенно невозмутимо, хотя я и не видела его лица.

Послышался всплеск воды — надеюсь, он выходит отсюда!

— И это значит, что надо пользоваться моей?! Давай, я обо все твои вещи оботреть?

Вынырнув из воды рядом со мной, Азазель вдруг схватил рукой мою лодыжку и утянул обратно в бассейн. Быть может, ему казалось, что это весело, но я без промедления выплюнула воду изо рта прямо ему в лицо. Ифрит нахмурился, но в сторону не отплыл, наоборот, придвинулся так близко, что спиной я врезалась в бортик, а грудью почувствовала его грудь. Без малейшего колебания он наклонился к шее и впился в нее жестоким поцелуем, блуждая руками по телу и пытаясь коленом раздвинуть мне ноги. Что, вот так просто? Без конфетно-букетного периода и таинственных заигрываний? Без предварительных ласк и признаний? Может, разум и в шоке с моего распутства, вот только гормончики в кровь уже попали, а руки Азазеля были такими горячими, что даже в окружавшем нас кипятке, я отчетливо чувствовала их на коже. Он дышал тяжело и даже хрипло. Едва я прикоснулась к нему руками, как ифрит вздрогнул всем телом, прижимаясь ко мне ещё ближе.

— Что бы вы там ни делали, мы с Хароном входим! — раздался веселый голос из комнатки, и мы с Азазелем тут же отпрянули друг от друга. Внутри чуть ли не вприпрыжку вошли два моих фаворита, с насмешкой взглянув на, полагаю, третьего...

— Раз нам пока не дозволено, то и ты впереди дракона не беги, — сказал Лайм, входя в воду, хотя я вообще не поняла, что он имел в виду.

— Один за всех и все за одного, — расплылся в улыбке Харон, — в нашей общине принято разделять страдания.

— Завистники-неудачники, — ответил им Азазель, тогда как я неистово пыталась понять хотя бы удаленную суть разговора. Они поссорились? У них был какой-то спор?

Как бы то ни было, а в купальне стало слишком много посетителей, и это не приносило никакого удовольствия. Сославшись на сонливость и усталость, я быстро покинула бассейн, поймав вдруг на себе три пары внимательных взглядов, — тут-то мне неловко и стало. Даже хрупкое плоское тело Сисиль стыдливо сжалось в комок и быстро обернулось махровым полотенцем, исчезнув в комнатке. Что им нужно-то вообще? Неужели моя фигура настолько странная?

— Мама, смотри, я сделала венок из ромашек!

— Сисиль, не занимайся глупостями. Как будущая Императрица ты должна много знать, но сегодня я ни разу не видела тебя за учебниками!

Это была невысокая и горделивая женщина. За её пышную, совершенно не идущую ей юбку держались ещё двое детей, так не похожих на Сисиль. Один из них — мальчик с удивительными лиловыми волосами — исподтишка пытался наступить на ногу так похожей на него сестре. Кажется, эти двое были двойняшками, перенявшими от матери если не характер, то уж внешность точно.

— Но я просидела за ними всё утро, — упрямо возмущилась девочка, но стоило матери скривить лицо, как вся уверенность улетучилась, оставив за собой скрюченный испуганный комок.

— Госпожа, — этого мужчину я знала. Подсолнух мало изменился с тех времен, лишь приобрел пару морщин да благородную седину. — При всем уважении, но девочке всего лишь десять лет, не стоит лишать её детства...

— Тебя наняли, чтобы ты присматривал за ней и обучал. Кажется, я не говорила, что мне нужны советы какого-то слуги.

— Прошу прощения за дерзость...

— Мама...

— Ну, что ещё? Ты сегодня изматываешь моё терпение!

— Я... Не хочу быть Императрицей...

Двое детей, что разыгрались позади с кошкой, замерли, подняв взгляды на женщину. Лицо её в одночасье стало невероятно мрачным, исказившись жуткой гримасой. Она взмахнула рукой, а после раздался громкий шлепок. На щеке остался красный след, а широко раскрытые глаза от испуга позабыли о слезах.

— Твоя участь уже решена. Породнившись с нашим семейством, новый Император простит долг и измену твоего никчемного отца. Ты должна быть горда тем, что исправляешь его ошибку.

Сисиль знала, что папа не придет. Теперь я это тоже знала. Её мать возглавила род и вышла замуж во второй раз, родив двойняшек. Всё свободное время уделялось им, тогда как Сисиль сидела в комнате над книгами. Она ни в чем не нуждалась, росла в роскоши среди благородного окружения, получала множество подарков от нового Императора, но лицо её всегда было грустным и взволнованным. Глубокая пропасть с каждым годом отделяла её от матери, что, кажется, всеми силами пыталась избавиться от прошлого, где был первый муж, восставший против старого Императора, и дочь, негласно привязавшая её к нелюбимому мужчине. У этой женщины теперь была своя жизнь, и для Сисиль, что всё чаще и чаще крутилась в высших кругах, там места не

было.

Я открыла глаза. Из узкой щели между шторами пробивался луч света, и Ольга вместе с Азазелем настороженно вглядывались в моё лицо. Ладонь фрейлины нежно коснулась моего лба, и тонкие брови тотчас сошлись на переносице, формируя глубокую складку.

— У вас сильный жар, Госпожа...

На самом деле, жарко мне не было. Лишь тело изнывало от жуткой усталости, да свинцовые веки были вот-вот готовы закрыться вновь.

— Ну, что? — услышала я встревоженный голос, принадлежавший Лайму, но не было даже сил повернуть голову.

— Лихорадка... Но это не цветочная болезнь.

— Она много работала в последнее время и сильно переживала. Наверное, переутомление.

— Госпожа не жалеет себя.

— А где Подсолнух? — наконец, спросила я, облизав сухие губы и прикрыв глаза.

— Он в холле, Госпожа. Там прибыли...

— Не говори, дура, — грубо прервал её Азазель. — Сисиль, там селяне про кости дракона спрашивали. Мы всё решим. Позвать Подсолнуха?

— Да... Подсолнух — это моя мама...

— Она бредит?

— Да, наверное. Лихорадка все-таки.

— Со мной всегда только он был... Он мне, как мама...

— Госпожа, вот, попейте воды. Вам сейчас надо поспать.

И я послушно уснула. В этот раз мне ничего не снилось.

«Дорогой дневник, Ждак собирался забрать тебя с собой в уборную, когда закончилась туалетная бумага.

Прошло два месяца с тех пор, как мне приснился сон о детстве Сисиль. Поняв источник и первопричину её загнутого послушного характера, я, тем не менее, убедилась в том, что выросла Сисиль в достатке среди достопочтенной и древней аристократии. Данное воспитание наделило её этикетом, высшей магией и, что не менее важно, интеллектом, который, к сожалению, был отчасти подавлен боязливым нравом. Проблема феечки заключалась в постоянном волнении и привитой доброте, которая сыграла ничуть не на руку будущей Императрице. К сожалению, мне больше ничего не снилось, а потому узнала я не так много, как хотела бы. У Сисиль была мать, однако, у меня её не было, так как глава рода Ебельманий без намеков дала понять — мне в роду более не рады. У Сисиль есть брат и сестра, про которых мне по-прежнему ничего не известно, а ещё у Сисиль нет отца. Очевидно, что он восстал против прошлого Императора, поплатившись за подобное своей жизнью, но мысли о нем зреют исключительно теплые, если не тоскующие.

На дворе уже золотая осень, и Агриппина вновь и вновь разбрасывает кучи листьев, которые служанки заботливо смели вместе прежде. В наскоро реанимированном подвале стоят первые партии оливкового и подсолнечного нерафинированного масла, которые мы надеемся успешно и выгодно продать зимой. Я решила выпустить их вместе, так как оба этих масла не пригодны к жарке, и нам понадобится большая убедительность и настоящее красноречие, чтобы ввести их в обиход. Пока у нас нет необходимого оборудования, чтобы создать масло рафинированное.

Двое зодчих любезно согласились заняться дворцом, однако, внешняя переделка оказалась невозможной — странный розовый мрамор не только отторгал все дополнительные покрытия, но и был основой всех наружных стен, а потому разумнее было снести все строение, чтобы построить новое. Подобный расклад меня, безусловно, не устраивал, и, наступив себе на глотку, я решила заняться замком изнутри — там, где это оказалось возможным. Сейчас ремонт идет в главном холле, который стараются обложить красноватым камнем. Его мне подарила Яйра вместе с запиской о том, что лучше повеситься, чем жить в вездесущем розовом цвете.

Самая главная новость минувших месяцев — Мордор сменил свой глупый флаг, что горел за историю больше, нежели мои клетки мозга за прочтением местных законов. Дабы не совершать радикальных изменений, я выбрала приятный глазу алый цвет. Харон назвал его цветом злобы и агрессии, но это нисколько не меняло ситуацию, скорее, знаменовало новую позицию девятого региона в Шеэтии. Поместить на полотно череп или крест мне не дали и даже отругали, оправдав мой «никудышный» выбор тем, что «как корабль назовешь, так он и поплывет». Кулак с вытянутым средним пальцем тоже запретили, как запретили до этого пирамидку с глазом внутри. По итогу, моим последним и окончательным выбором стали три белых пиона, обведенных черным контуром и заключенных в круг терний. Флаг приняли. Император одобрил.

Лайм почти всё время проводит с документами, Харон тренирует Ждака и стражу, а Азазель изготавливает зелья и лекарства в выделенной ему лаборатории. Подсолнух следит за порядком в замке, Павсикакий и Генрих подарили Мордору целый выводок цыплят, а Эльфия исправно учится управлять своей магией, путем отправки меня из комнаты в туалет, из туалета в комнату. Я же занята управлением производства и дни напролет провожу на заводе, следя за прессом и корректируя работу. Мы все очень стараемся, и я уверена, что однажды это окупится.

Все идет тихо, и даже Аричька замолчала, скрывшись в своем замке от позора. Но интуитивно я чувствую, будто что-то скрылось от моего надзора, будто есть что-то, что мной не контролируется. Мне начало казаться (и кажется до сих пор), словно от меня скрывают нечто важное, как работники скрывают от начальника внутренние проблемы, которые надеются решить до его осведомленности. Некоторые из писем (а я видела, как их доставляли в замок) в руки ко мне так и не попали, мне ничего не рассказывают о днях, когда я пребывала в болезни, а все вопросы талантливо игнорируются, сколько бы я их ни задавала. Искренне надеюсь, что в этом ничего страшного нет. Все мы друг другу доверяем, и я бы не хотела ошибаться в своих подчиненных, которых считаю честными и верными. Даже, если кто-то из них посмеет пойти против меня, я не стану плотать обиду и лечиться временем. Девятый регион зовется ныне Мордором. Его флаг носит очень глубокий и никому не известный, жестокий смысл. А Императрице Мордора очень понравилось послевкусие мести».

— Ну... Как я выгляжу? — нетерпеливо спросила Ольха, закусывая губу и вновь поворачиваясь к зеркалу. Там, в вычищенном до блеска отражении на нас смотрела раскрасневшаяся от волнения девушка в белом простом платье с широкими рукавами. Две косы, лежавшие на её пышной груди, были усыпаны мелкими синими цветками, а голубой пояс постоянно спадал с тонкой талии, отчего нам пришлось завязать его несколько раз.

— Ты очень красивая, Ольха, — честно ответила я, и красные губы девушки растянулись в улыбке.

— Я жутко волнуюсь... Руки дрожат. Ох, хоть бы клятву правильно произнести...

— Волков бояться — в лесу не ебаться.

— Простите, Госпожа, но, кажется, в пословице было несколько иначе...

— Ой, какая разница.

— Да, в этом вся вы, — вновь улыбнулась Ольха, соединив кончики пальцев и вжав голову в плечи, — скажите, а какая свадьба... была у вас?

Я прислушалась к внутреннему голосу — Сисиль молчала, и ожидаемые воспоминания о минувшем празднике остались в стороне. Когда я впервые встретила Императора, день свадьбы коснулся моего разума лишь мельком, оставив после себя странную обреченность. Думаю, Сисиль не была счастливой на своей свадьбе, но не могу же я сказать об этом Ольхе. Сегодня был её день, и ничто не должно испортить ей настроения.

— Очень эмоционально. Разрывалась между правилами поведения и собственной радостью.

— Ох, могу вас понять. Всё же свадьбы Императора — самое зрелищное событие, и тысячи глаз смотрели, как вы приносили клятву перед Богами.

— Да-да, именно так.

Ольха ещё раз покрутилась у зеркала, а после, сделав несколько глубоких вдохов, вышла в коридор, когда нам сказали, что пора начинать. Спустя несколько месяцев после знакомства с кузнецом, моя фрейлина решила связать свою жизнь именно с ним, на что я, безусловно, дала своё согласие. Свадьба у селян носила множество интересных правил, о которых мне рассказал Ждак, и многие суеверия казались сколь смешными, столь занимательными. Например, лучшим временем года для заключения брака считались осень и зима. Это объяснялось так: ежели супруги соединятся в самые тяжелые времена, то брак этот будет крепким и вечным. Невеста непременно заплетала две косы, что каким-то образом символизировало начало семьи, а жених шел к алтарю босиком, дабы показать готовность оберегать свой дом.

У нас не было ни подходящего святилища, ни маленького алтаря. Что уж говорить, у нас и священнослужителя не было, из-за чего его роль беспрекословно отвелась мне. Я должна была потребовать клятву с Ольхи и её жениха, затем произнести слова наставления, а после объявить брак действующим. Если честно, то даже я немного волновалась, а потому вместе с Хароном по-тихому пропустила два бокала вина для поднятия духа. В голову не ударило (тело Сисиль обреченно повиновалось и привыкло к моим увлечениям), но стало спокойнее. Я вошла в зал, также облачившись в белую рясу, которую мы наскоро сшили из тюля.

Босой жених нервничал больше, чем красная Ольха, но стояли они на красном ковре уверенно и ровно. По бокам от них столпились все селяне, приглашенные на праздник, и даже Грильда довольно улыбалась, пускай и видела эту парочку впервые. Моё место было на небольшом пьедестале, став на который, я прокашлялась, поймав на себе недовольный взгляд Лайма и широкую улыбку Харона — он вот-вот был готов рассмеяться. Азазель стоял рядом со мной, чтобы после подать фиалковую воду, которой молодожены были обязаны умыться, а Кирка с женой шмыгали носами, не скрывая улыбок.

— Мы собрались здесь под покровительством Богини семейного очага, чтобы впустить в мир новый союз, скрепленный любящими сердцами, — начала я вещать, вспоминая выученные строки. — Стоя на пороге новой жизни, в которую войдете вы, держась за руки, в которой разделите вы все тяготы и радости, принесите пред ликом судьбы клятву, что направит ваш разум в темный час.

Ух, со школы столько странных предложений наизусть не зубрила. Но, кажется, все правильно, ведь даже Лайм удовлетворительно кивнул. Я держусь неплохо. Может, начать подрабатывать священником? Озорным таким. Чтоб после клятвы все кричали «Аминь» и начинали танцевать, как в индийских фильмах.

Ольха произнесла клятву с улыбкой на губах, и кузнец вторил ей не менее радостно и воодушевленно. Я была рада, что они нашли друг друга, и их светящиеся счастьем лица вынуждали уголки губ растягиваться всё больше и больше. Когда они замолчали, Азазель ткнул меня локтем в бедро, и я открыла рот, чтобы подарить молодоженам наставление, но замолчала, обнаружив в памяти настоящий пробел! Я же читала, нет, я даже учила почти двадцать минут! Как же там было... Солнце светит, вам не светит... Какие-то ураганы, что-то про слезы... Какой кошмар! Я всё забыла! Азазель вновь нетерпеливо пихнул меня в бедро. Улыбка упала с лица Ольхи, и она взволнованно раскрыла большие глаза. Не могу же я молчать и дальше!

— Пусть солнце вечно освещает ваш путь! — начала я импровизацию, экспрессивно взмахивая руками. — Чтоб ваша семейная лодка не разбилась о быт и чтоб плакали вы исключительно от счастья, а капля понимания заменила вам литр валерьянки! — на этих строках Лайм высоко вскинул брови, а после закрыл лицо руками. — Ветра вам в парус! В дом — уют и радость! Радуйтесь каждому дню, потому что все мы когда-нибудь откинемся. И пусть твой лев, — подняла я руки вверх, смотря при этом на Ольху, — не окажется блохастым! Всё! Объявляю этот брак законным! Целуйтесь! Алюминь!

В углу заиграли нанятые музыканты, и мелодия смешалась с громкими аплодисментами и веселым смехом. Сработало. Хотя капля пота опасно стекла по моему виску. Ольха нежно поцеловала своего мужа, и Азазель поднес им фиалковую воду, тогда как меня сняли с пьедестала, надавав таких пиздюлей, что к банкетному столу я вернулась лучшей выпускницей древней Академии.

Праздник был в самом разгаре. Стол впервые ломился от множества блюд, что были приготовлены под

надзором жены Кирки, в воздухе кружились лепестки цветов, а подвыпившие музыканты играли умело и весело. Грильда кружилась в танце с Азазелем, Ждак вместе с Хароном, Киркой и Подсолнухом устроили испытание по количеству выпитого, а Оляха, смеясь, танцевала с мужем, поднимая вороха лепестков с пола. Налив себе четвертый бокал, я приземлилась в угол, наблюдая за счастливой и безмятежной толпой, наконец, вспоминая собственную свадьбу. Это была искусственная подделка. Натянутые улыбки, шикарная церемония с громогласными словами, выставленные напоказ богатства, лстящие гости, осуждающие за спиной выбор Императора. Там не было этой искренности, не было по-настоящему ни единого счастливого лица, и странная зависть вдруг тронула сердце, сделав меня единственным недовольным человеком на этом празднике.

— Что мордашку кривишь? — спросил Лайм, усаживаясь рядом. — Священник-неуч.

— А ты был на моей свадьбе с Императором?

— Был, конечно. Подобные мероприятия непростительно пропускать.

— Она в сравнение не идет с этой...

Он замолчал, смерив меня внимательным взглядом, а после хмыкнул и налил себе в бокал добавки.

— Статус и богатства требуют что-то взамен. Обычно они забирают чувства и мораль. Нет ни одного аристократа, что был бы по-настоящему счастлив. Судьба не может дать человеку все.

— Наверное, — улыбнулась я, вдруг почувствовав себя легче, — тебе надо быть психологом.

— Работа советника негласно включает в себя этот профиль.

— Зависть — это плохо?

— Вроде да. Но она почти неотъемлема. Не грузи себя. С нынешним настроем ты можешь достигнуть всего, чего желаешь. Но, если погрязнешь в хандре, ничего не выйдет.

— Да... Спасибо.

— Пожалуйста. Кстати, Подсолнух выиграл конкурс по выпивке. Харон повержен и не встает, Ждак уже сидит где-то с тазом.

— А Кирка?

— Обвиняет новоиспеченного мужа в том, что тот увел у него единственную дочь. Надеюсь, они не подерутся. Хотя...Какая же свадьба без драки?

Миновав тоскливую осень и вступив на порог только зарождающейся зимы, наши дела, наконец, пошли в гору, удивив быстрым прогрессом. Изобилие пустых, но красивых домов медленно притягивало в Мордор новых граждан, биографии которых я изучала самым тщательным образом во избежание ненужных проблем, и вскоре количество рабочих рук достигло того числа, когда производство масла смогло порадовать первыми постоянными результатами. Ремонт ныне красного холла был окончен и, пускай его опустошенность ничуть не радовала, начало перемен складывалось на жителях замка исключительно наилучшим образом.

Потребовалось всё красноречие Лайма, хитрость Азазеля и, в некоторых случаях, грозный вид Харона или Кирки, чтобы заключить с поварами восьмого региона неуверенный контракт на поставку им подсолнечного масла, но результат не заставил себя ждать — оно вышло прекрасным ингредиентом для заправки, как и оливковое, что нашло отклик в сердцах ухаживающих за собой дам. Польза нового продукта стремительно передавалась из уст в уста, благодаря чему наши договоры с Гертрудой и Яйрой не только окрепли, но и были продлены. Мордор не просто поднялся с колен — ныне он крепко стоял на ногах, пугая всем своим возрождением и грозным видом, однако, мы по-прежнему были придавлены грузом проблем, из-за чего восставший исполин стоял на месте, тоскливо взирая на окружающие его равнины, по которым он пока не мог пройти.

Наступил январь, и жестокие холода незамедлительно коснулись прозябших стен, заставив каминные не угасать ни на минуту. Зима, по словам Азазеля, всегда была морозной, хотя и непродолжительной, но это ничуть не уменьшало моего недовольства, когда после трудового дня я ложилась в холодную постель, поджимая под себя заледеневшие ноги. Все (как и предполагалось) вновь решалось магией, а точнее, специальными магами, выпускниками Имперской Академии, что обучались управлению погодой без вреда для общего климата. Могла ли я их себе позволить? Безусловно, нет, а потому выкручивалась тем, что заставляла Азазеля, Кирку и Ждаке использовать огненную магию на общее благо. Из-за сильных морозов производство вновь было остановлено во избежание новых заболеваний поданных, и лишь с наступлением промозглого февраля всё возобновилось. Мы вернулись к работе с утроенной силой, чтобы нагнать разработанный прежде план.

Жизнь ступила в тот блаженный период, когда спокойствие воспринимается самым драгоценным состоянием, но, как обычно бывает, нередко его потрясает даже самое незначительное событие. Когда снег превратился в стекающие в морю ручейки, а яркое голубое небо вытеснило хмурые тучи, я заметила приближающегося к замку слугу — я узнала его потому, что он всегда приносил письма, часть из которых более ко мне не попадали. Решение пришло незамедлительно, и, быстро накинув на себя теплую накидку, я выбежала из замка, пользуясь всеобщей занятостью. Почтальон был, безусловно, удивлен тому, что я вышла ему навстречу с распростертыми объятиями, но письма дал, пять из которых были адресованы лично мне.

Вернувшись в свой личный протопленный каминный кабинет, я сломала печати и начала разворачивать одну бумагу за другой, пока Лайм или Азазель не заподозрили неладного. Письмо от Яйры с жалобой на недавно прошедший бал, бумага от Ольхи, что вместе с мужем временно пребывала в Валии и собиралась вернуться через три дня, послание от Грильды с рецептом глинтвейна (я согревалась, как могла, так как мои озьявшие партнеры слишком напрягали меня своими холодными руками и ногами), текст от советника Императора, который просил продать на пробу бутылки масла, и ещё один странный конверт. Открыв его, я распрямила листок желтоватого цвета, вчитываясь в каллиграфический почерк, каким непременно писали аристократы:

«Здравствуй Сисиль,

думаю, моё письмо вызовет в тебе исключительно негативные чувства, ведь ты не отвечала на предыдущие послания, и я лишь смею надеяться на то, что они попросту не доходили до тебя. Надеюсь, что ты чувствуешь себя хорошо, и тебя не гложет болезнь, одолевшая твоё тело и помешавшая нашей встрече в прошлый мой визит. Я бы хотела сказать тебе всё лично, но, думаю, после всего, что сделала наша семья, ты не захочешь ни видеть нас, ни слышать, но прошу хотя бы немного унять свою ненависть, пускай моя просьба ужасна и жестока. Ты многое сделала для собственной реабилитации, ты проделала огромный труд, дабы восстановить все то, что было разрушено тобой по незнанию, и я уверена, что ныне ты сильно занята, однако, нашей матушке с каждым днем становится лишь хуже, и она слабеет на глазах. Не ради семейных связей, которые мы обрुбили во избежание порицания, но ради возможности увидеть этот свет, которую подарила тебе матушка, я прошу приехать в родовое поместье Ебельманий. Матушка хочет увидеться с тобой. Мне грустно думать об этом, но она, верно, чувствует приближающийся конец (здесь слова были особенно размыты, отчего я посмела предположить, что писавшая это письмо аристократка плакала). Если ты не приедешь, я пойму тебя, но, если в тебе остались силы для прощения, если в тебе есть хоть немного любви к матери, прошу, посети её в столь трудный час. Можешь не отвечать на это письмо, но я буду безмерно рада получить от тебя хоть какую-нибудь весточку.

Твоя ужасная сестра, Розалия».

Едва я дочитала письмо, как дверь без стука отворилась, и на пороге появился запыхавшийся Лайм. Увидев в

моих руках пожелтевший лист, он поджал губы и бросил взгляд куда-то в сторону — тотчас в проеме показался и Азазель. Вместе они вошли внутрь, явно ожидая криков с моей стороны, но во мне не было злобы. Во многом потому, что к семье этого мира я привязана не была, и знала лишь то, что матушка решительно рано отдала меня в высшее общество, лишив детства, и что в тяжелые времена меня вынудили отречься от рода. Этого могло бы быть достаточным для того, чтобы разорвать письмо и заняться обычными делами, но внутри что-то просительно сжалось, обращая на себя внимание. В такие мгновения мне казалось, что со мной пытается заговорить частица бывлой жалостливой Сисиль.

— И к чему было все утаивать? — спокойно произнесла я, чем сильно удивила фаворитов. Они переглянулись и ответили не сразу.

— К тому, что семья никогда не сделала для тебя ничего хорошего, — резко ответил Азазель, — каждое их появление в твоей жизни не заканчивалось ничем хорошим. Лайм знает это, он нам и рассказал.

— Да, — тут же подтвердил фей, — сейчас ты много трудишься, много переживаешь, нервничаешь и испытываешь огромную ответственность, ведь на тебе не только судьбы новоприбывших селян, но и огромный воз ожиданий от Императора. Тревоги семьи, что бросила тебя в самые тяжелые времена, лишь навредят твоему здоровью.

— Мы приняли это решение, посоветовавшись, — дополнил ифрит, — все без исключений проголосовали за то, чтобы оградить тебя от семьи, что сама отказалась от тебя.

— Я ценю вашу заботу, — произнесла я спустя минуту молчания, — но всё же мне надо было сказать. Дело идет о...

— На твои неудавшиеся похороны никто не пришел, Сисиль. Не говори мне о надобности посещения кого-то на смертном одре.

Он был абсолютно прав, и своим сохранившимся разумом я всё понимала. Сухо собранные факты делали род Ебельманий личным Чистилищем для Сисиль, однако, я сомневалась. Сознание принадлежало мне, но тело отнюдь, и сейчас сердце сжималось от грусти, которую я бы не хотела испытывать. Какой отвратительный и до безобразия ужасный диссонанс.

— Передай Эльфии, чтобы она готовилась к телепортации на завтра.

— Сисиль! — Азазель, будучи натурой холерического типа, мгновенно вскочил на ноги, хлопнув руками по столу. — Жалеть того, кто никогда не жалел тебя? Что за благородные позывы?

— Мы давно не виделись и многое произошло. Уверяю, меня это нисколько не тяготит, и на моём здоровье это нисколько не отразится.

Должно быть, спокойное выражение моего лица оказалось достаточно убедительным, чтобы ифрит замолчал, стиснув зубы, однако, Лайм выглядел настолько опечаленным, что я едва не решила отменить своё решение. Вся эта ситуация выглядела абсурдной: мужчины переживали больше, чем я, та, что должна была испытывать если не скорбь, то уныние, смешанное со злобой. Думаю, прежняя Сисиль была бы гораздо эмоциональнее, если бы вообще додумалась перехватить письмо.

Так или иначе, я решила отправиться в родовое поместье на два дня. Но, словно бы довершая венец новых воспоминаний, этой ночью ко мне пришел злой рок, чтобы напомнить о своих первоначальных и крайне ужасающих планах.

По окну с силой барабанил дождь, и глубокая ночь казалась ещё темнее, лишившись из-за туч лунного света. Назвав погоду своим словом, а именно — поганой — я получила очередное наставление о собственной грубости и отправилась спать, прогнав всех желающих составить мне компанию. День сборов вытянул из мелкого тельца абсолютно все соки, и я валилась с ног от усталости, надеясь поскорее коснуться головой подушки. Часы, пробившие недавно первый час ночи, убаюкивали тихим маятником, и, едва я легла в кровать, как тут же заснула, распластавшись по постели. Азазель вечно жаловался на то, что во сне я слишком активно машу конечностями, отчего ему не раз приходилось сдаваться и переходить на диван. Лайм дрался во сне так же, как я, поэтому утром мы просыпались в синяках, а Харон спал всегда так крепко, что мои удары были для него сродни укусу комара.

Поначалу мне ничего не снилось, но после я вдруг оказалась посреди большой, но пустой конюшни, в которую из главных врат поступал теплый яркий свет. Многие стойла показались мне черными, будто бы сажа густым слоем покрывала деревянные поверхности, и запах гари блуждал в застывшем воздухе. Сделав несколько шагов вперед, я остановилась, услышав приближающийся ко мне быстрый топот: ко мне навстречу бежала Сисиль. Придерживая подол розового пышного платья, она что-то кричала, однако, я не слышала совершенно ничего, пока она не подбежала ближе, схватившись за мои плечи. Глаза её были широко раскрыты, готовые вот-вот заплакать, а сама Сисиль сильно трясла меня за плечи и за голову, да так сильно, что я пошатнулась и отступила назад.

— Проснись, проснись, просну тебя, проснись! — кричала она, срываясь на хрип, и тонкое тело её ужасно

дрожало, как если бы здесь был холод.

— Проснись, умоляю, проснись, скорее, проснись! — продолжала она, подобравшись ближе вновь. — Хотя бы ты, проснись, выживи, проснись! — заплакала она, наконец, но, осознав, что я не могу ничего сделать, вдруг с несвойственным ей остервенением врезалась в моё тело, отчего я упала, ударившись головой о пол.

Распахнув глаза, я увидела перед собой темную неопределяемую массу, что сжимала надо мной что-то острое и блестящее, что-то, что я не могло разглядеть, но от чего веяло страхом и опасностью. Я резво крутанулась в противоположную сторону, и нож вонзился в подушки, на которых я до этого лежала. Вобрав в легкие как можно больше воздуха, я заорала так истошно, хотя и так пискляво, что это вполне могло сойти за ультразвук, если бы его можно было бы уловить.

Темная фигура грозно и быстро двинулась мне навстречу, так что мне оставалось лишь использовать магию: стоящие в горшках цветы стремительно выпустили наружу корни, закутывая мою фигуру в настоящий кокон, в который острый нож пытался бить раз за разом. Клоки земли и стручки летели мне в лицо, но это было лучше, чем касание лезвия по коже. Я попыталась связать стеблями убийцу, но он ловко отбивался от них или же избегал, пока входная дверь в мою спальню не распахнулась настезь.

Темная фигура тут же выскочила в окно, но за ней незамедлительно последовал Харон, свист которого говорил о том, что он также призвал себе и Агриппину. Подсолнух и Лайм вцепились в корни, помогая мне выбраться и встать на трясущиеся ноги, а испуганно галдящие у дверей слуги додумались принести воды и зажечь повсюду сферы. Меня тотчас же осмотрели, но, не найдя ни единой царапины, нисколько не успокоились: ещё бы, меня вновь пытались убить.

Данный факт не терзал меня всё то время, что стража обыскивала замок, и даже, когда Азазель пытался с помощью магии установить личность нападавшего, я спокойно сидела в углу, взирая на своё до ужаса бледное лицо. Как сказал позднее ифрит, это был шок, и по его прошествии мной завладел если не страх, то какое-то безумное отчаяние, не давшее более заснуть ни на минуту. Никто прежде не намеревался лишить меня жизни, никогда не сталкивалась я со столь очевидной опасностью, и теперь, осознав, наконец, своё шаткое положение, я впервые пожалела о том, что переродилась. Как можно жить счастливо, как можно преодолевать все тяготы на уверенных ногах, если позади тебя блистает чей-то нож? А люди? Мои поданные? Будут ли они чувствовать себя в безопасности, зная, что их Правителя желают убрать с лица земли?

Азазель напоил меня каким-то отваром, и вскоре я опять заснула, а днем меня разбудила Эльфия, принеся поест. Она рассказала мне о том, что Харон и Агриппина пытаются выследить наемника, а Лайм вместе с Подсолнухом отправился в столицу, чтобы раскошелиться на найм мага-барьерника. Деликатно уточнив у меня планы относительно запланированного прежде посещения родового поместья, она оказалась очень огорченной, узнав, что решения я не изменила. Но я лишь скромно надеялась на то, что смена обстановки пойдет на пользу...

В поместье рода Ебельманий мы прибыли поздним вечером, когда в небе, несмотря на теплые оранжевые тона, сияли первые звезды. Двухэтажное, разросшееся в длину здание, встретило нас угнетающей тишиной и сильным цветочным запахом, исходящим от раскрытых бутонов у самой дороги. Не стану скрывать, что едва уловимое ностальгическое чувство коснулось потаенной души, но оно тут же угасло, подавленное моими личными соображениями на всю эту донельзя странную ситуацию. Эльфия аккуратно коснулась моей руки своими холодными пальцами, и Ждак подтолкнул меня вперед, чтобы я, наконец, ступила за ворота. Но я была так потрясена прошедшей ночью, что не придумала ни заготовленной речи, ни подходящего поведения. Что должна была бы испытывать Сисиль, будь она сейчас в своем теле на своем месте?

Я ступила на усыпанную гравием дорожку и прошла к главному входу, в двери которого громко постучала. На этот звук длительное время никто не отзывался — сейчас было время ужина — но вскоре на пороге возник молодой дворецкий, учтиво пропустивший нас внутрь. Ни радости, ни горести, ни сомнений — воспоминания внезапно умолкли, сделав для меня это место совершенно чужим и хладным. Я обернулась к своим путникам: они и то чувствовали себя здесь свободнее, чем я сама.

— Сисиль, это ты? — услышала я тихий, дрожащий голос, и повернулась, чтобы найти его хозяйку. Ей оказалась высокая девушка со строго собранными лиловыми волосами. Её острые черты лица в совокупности с чуть раскосыми глазами делали её жутко похожей на мать Сисиль.

— Розалия? — неуверенно предположила я, и девушка, отчего-то растрогавшись, бросилась мне в объятия, сжимая в своих стальных тисках. Будучи натурой слезливой, она принялась плакать, и, не находясь я в прострации, я бы поспешила отодвинуть её в сторону, дабы её соплежуйство не испачкало мне единственное длинное платье в пол без рюш.

— Я так рада, что ты приехала. Как я боялась, что ты не приедешь увидеться с матушкой, она ведь так хотела тебя увидеть! — ответила она, наконец, достав из кармана платок и довольно элегантно высморкавшись. — Спасибо... Спасибо за то, что приехала, несмотря на всё...

— Ну... Как она? — наверное, следовало задать этот вопрос. Любой ребенок должен беспокоиться о своем родителе. Что бы тот ни сделал в своё время гадкого...

— О, совсем плохо. Её мучает сильный кашель, из-за него она не может даже спокойно спать. Она такая бледная...

— Она поправится?

— Не знаю, Сисиль, не знаю. Лекари говорят, что все теперь зависит от матушки, а она такая слабая... Как же поправится она, если у неё совсем нет сил? Ох, какое горе...

— А где... — я многозначительно обвела взглядом гостиную. Имя брата я не знала. — Этот, ну, брат...

— Роузел с матушкой. Они на втором этаже. Идем.

Когда Ждак и Эльфия незамедлительно последовали за мной, она остановилась, устремив на меня грустные глаза. Розалия была готова вновь разразиться плачем.

— Я понимаю, ты не доверяешь нам, и ещё бы... Но уверяю тебя, Сисиль, клянусь, в этом доме никто не враг тебе. Оставь сопровождение здесь, пусть они отужинают. Матушка ждет тебя одну. Я ведь никогда не обманывала тебя, Сисиль...

Да, это действительно так и было, и, кивнув Ждаку и Эльфии, я неуверенно поднялась на второй этаж вслед за сестрой. Она вдруг остановилась у первой же двери и незамедлительно вошла внутрь, оставив дверь приоткрытой, но я медлила. Коснувшись ручки двери, я вдруг вспомнила всю нелюбовь этой женщины, которая не терпела ни отца, ни Сисиль. Брак с советником ей был навязан, муж опорочил имя рода, хотя сражался за правое дело (я чувствовала, что это было так), а появление ребенка и вовсе не входило в планы. Но она успешно погналась за двумя зайцами, поймав обоих: госпожа Ебельмания не только избавилась от меня, сохранив авторитет, она во много раз преумножила его. Неудивительно, что я не испытывала сейчас не свойственных мне угрызений, казалось, что даже сама Сисиль замолкла, преисполнившись обидой.

Я толкнула дверь и вошла внутрь, оказавшись в просторной и чистой спальне. Я бы хотела смотреть на любую мелочь, составляющую интерьер, лишь бы не сталкиваться взглядом с другими находящимися здесь феями, однако, это, по логическому разумению, было невежливо и черство. Сделав несколько уверенных шагов вперед, я остановилась, подняв голову и взглянув на широкую кровать, балдахины которой были неаккуратно завязаны у деревянных балок. Рядом с постелью, на низком пуфе сидел мой брат — Роузел, как оказалось, — он был высоким и худым, а на лицо женственным, что лишь делало его ещё более похожим на мать и Розалию. Удостоив меня удивленным, но вместе с тем недоверчивым взглядом, он поднялся со своего места и, сделав мне вежливый поклон, (этим он лишь сильнее подчеркнул наши разные статусы) вышел из комнаты, взяв под руку сестру. Я осталась с матерью наедине.

Я села на освобожденный пуфик, сложила на коленях руки, как того требовали нормы поведения, и встретила с тусклыми, настороженными, карими глазами. Матушка была очень худой, отчего её кисти казались костями, обтянутыми кожей. На лбу и вокруг рта сияли глубокие морщины, хотя её ни в коем разе нельзя было назвать ни «в возрасте», ни пожилой, тем более. Лицо её посерело от длительной болезни, и дышала она тяжело, как если бы ей на грудь водрузили камень.

— Здравствуй, — начала я, решив прервать это испытание молчанием. — Как самочувствие?

— Ох, удостой меня возможностью не отвечать на эти лицемерные вопросы. Тебе нет дела до моего здоровья.

Язва. Самая настоящая язва, несмотря на измученное состояние. Мне вспомнился сон, где она без сомнений ударила Сисиль по лицу, и я скривила рот, подумав о том, что вежливость — неподходящая тактика для данного случая.

— Ты хотела видеть меня, вот я и пришла.

— Я слышала об успехах Мордора, но не могла поверить в то, что всё это твоя заслуга.

— Какого плохого ты обо мне мнения. Ты тоже считаешь, что в прошлых бедах виновата исключительно я?

— Абсолютно. Я надеялась, что суровый высший свет выбьет из тебя твои мягкие ненужные черты, но ты не только сохранила их, но и позволила другим сыграть на этом. Будь ты сильной Правительницей, твой регион не постигло бы столько бед.

— Ты для этого позвала меня? — огрызнулась я, и женщина чуть нахмурилась.

— Нет, но, как я погляжу, дерзости ты поднабралась.

— Только не говори, что чувствуешь последний час и решила поговорить со мной об этом.

— Я не собираюсь умирать, — стиснула та зубы, взглянув на меня исподлобья, — в отличие от тебя. Рада, что ты передумала.

— Спасибо, что пришла на похороны.

— Наша семья переживала ужасный траур.

— Заперлись по комнатам и плакали?

— Сисиль! Что за обращение? — она начала сильно кашлять, и я подала ей воду. Нужно держать себя в руках.

Будет плохо, если ей станет хуже из-за меня...

— Мне сейчас очень непросто восстанавливать регион. Я плохо сплю и легко выхожу из себя. Могу лишь сказать, что теперь я не та, что прежде... — прозвучало, как оправдание, пускай я и пыталась придать словам уверенный стиль.

— Вижу... Точнее, чувствую. Ты словно бы совсем другая фея... — теперь она говорила уже хрипло и тихо.

Где-то внутри мне вдруг стало её жаль.

Мы замолчали. Матушка откинулась на большие подушки, чтобы перевести дыхание, я теребила складки платья. Очевидно, извиняться она не собиралась — это претило её характеру — но всем своим видом женщина выказывала сожаление. Она вновь и вновь пыталась спрятать его глубоко в себе, но из-за слабости здоровья не контролировала эмоции на своем лице. Сейчас она задумчиво жевала губы, смотря куда-то в окно.

— Не будем враждовать, — произнесла я, решив, что хотя бы этим отдам должное Сисиль, — я не в обиде на тебя. По большей части теперь мне все равно.

Госпожа чуть сощурила глаза, словно не доверяла, и промолчала, допив из стакана воды. Из её рта донесся ужасный скрипучий хрип, и я даже несколько испугалась, решив, что она задыхается. Вместо этого матушка нервно отмахнулась от меня рукой.

— Я не сожалею ни о чем, что сделала.

— Хорошо.

— Я никогда не хотела замуж за твоего отца, он был мне противен. После того, как он принял участие в восстании, я и вовсе не желала его видеть. А потом ещё и ты появилась — его точная копия... Я, по-твоему, не имела права на счастье? Не имела права начать всё с чистого листа?

— Имела. Но отринула прошлое так, как того не следовало бы делать. Ты поступила ужасно.

— Я не буду извиняться.

— Я знаю.

Некий обмен правдивыми ядовитыми плевками, и всё же отчего-то стало вдруг легче. То, что она захотела увидеть Сисиль, уже о многом говорит — думаю, если бы не её жутко упрямый и самоуверенный характер, мы бы давно извинились перед друг другом. Она — за все свершенное. Я — что поддалась влиянию и пустила всё на самотек.

— Твой отец очень любил тебя, — ответила она вдруг после очередного пятиминутного молчания.

— Да...

— Твои брат и сестра на твоей стороне. Они знают тебя и почему-то уверены, что тебе просто не повезло стать жертвой.

— Почему ты говоришь мне об этом?

— Я хочу, чтобы у них была старшая сестра.

На этот раз замолчала уже я. Это наставление, чтобы я присматривала за родом? За родом, в котором я, можно сказать, и не состою вовсе? Женщина будто бы прочла мои мысли.

— Мы были вынуждены так поступить. Если бы этого не произошло, нас бы ждали разорение и вечный позор.

— Так ты об этом хотела поговорить со мной? Теперь ты вдруг думаешь, что я достаточно сильна, чтобы за твоими детками присматривать? А они на что тогда роду?

— Я знаю своих детей. В первые года им понадобится помощь.

Я с силой укусила себя за щеку, чтобы пренебрежение не вырвалось из души. Не стоит накалять и без того горячую обстановку.

— Хорошо...

— Я бы не попросила тебя, если бы не была уверена в том, что ты изменилась. Должно быть, все горести изменили тебя.

«И часть этих горестей на твоей совести», — подумала я, но лишь кивнула. Хотя бы под гнетом сильной болезни, госпожа, очевидно, решила признать свои ошибки. Пускай, столь странным и завуалированным способом.

— Я оставила тебе наследство, — добила она меня своим решением. — Надеюсь, этой суммы окажется достаточно на твои новые идеи.

— Это...

— Это накопления твоего отца, — тут же вернула она себе прошлый язвительный нрав, — не больше, не меньше. Он бы хотел, чтобы я отдала их тебе.

— Спасибо.

— Не мне это надо говорить, — фыркнула матушка, укладываясь в постель и накрывая себя одеялом. — Я хочу спать.

— Хорошо. Я пойду.

— Ты останешься здесь на ночь?

— Да.

— Это хорошо. Здесь и твой дом тоже.

Так и закончился этот странный, полный недосказанных слов вечер. Думаю, Сисиль было бы гораздо легче услышать долгожданное «Прости», но, как по мне, и того, что было произнесено, оказалось достаточно. Как бы то ни было, добавить иных слов уже не представилось возможным никому. Следующим утром, едва взошло солнце, госпожа скончалась.

Похороны состоялись через два дня, погрузив поместье в угрюмые черные тона. Последний раз взглянув на маскообразное бледное лицо, я задумалась о том, как часто в жизни мы желаем, но не успеваем сказать нужных слов. Наш разговор был довольно сухим, и всякому наблюдателю он мог бы показаться крайне неприветливым, однако, мы обе наступили себе на горло в тот час. Извиняться порою очень сложно, а прощать ещё труднее, но теперь, когда широкая постель была аккуратно заправлена, а ветер блуждал по пустой комнате, я не сожалела о том, что приехала. Глаза не наполнялись слезами, чуть побледневшее лицо осталось хладнокровным, но Сисиль внутри меня изнывала от огорчения. Думаю, она всегда желала быть к матери ближе, чем та позволяла, и теперь страдала от несбывшейся мечты. Но могла ли она изменить хоть что-то? Закон гласит, что над отношениями принято работать вдвоем, и никакое одностороннее упорство этого не изменит. Если подумать, то я сама в прошлой жизни и попроситься толком ни с кем не успела, и, наверняка, я многое умалчивала и многое желала сказать.

На похоронах было много фей: аристократия посчитала своим долгом проводить главу древнего рода в склеп, где её ожидали оба мужа. С нескрываемой тоской я смотрела на имя отца, которого смутно помнила, и тихое кладбище в ясный безветренный день угнетало больше, чем если бы шел дождь, а небеса полнились тучами. Розалия надрывно плакала на моем плече, и горько ронял слезы её брат. Я хмуро смотрела на склеп, на множество цветов и одетых в черное господ, на зачитывающего наследство советника. Эта атмосфера вводила в оцепенение, как если бы незнакомый человек пришел на чьи-либо похороны.

Стоит отдать госпоже должное — она позаботилась о том, чтобы её дети жили спокойно и безбедно. После прочтения наследства аристократы принялись изливать свои сочувствия, выбрав для этого Розалию и Роузела, которым уж точно было сейчас не до этого. Меня по-прежнему остерегались, даже боялись, хотя причину я успела позабыть. Безусловно, Фей Раздора. Мне потребуется слишком много времени, чтобы изменить отношение к себе. Но стоит ли его менять? Быть может, страх к моей персоне позволит новым жителям Мордора не совершать преступлений и воздержаться от восстаний и прочих предательств.

— Прошу прощения, я не смог приехать вовремя, — вывел меня из оцепенения знакомый голос, и я, наконец,

поняла, что стою напротив склепа совершенно одна. Медленно повернувшись вправо, я уже знала, что увижу рядом с собой Императора, облаченного в черный цвет.

— Если говорить начистоту, я даже не ждала тебя здесь.

— Это ведь родственница, — ответил он, поправляя на своем лице маску с изображением дракона. — Я не мог не приехать. Но, отвечая честно на честность, у меня была ещё одна причина.

Осторожно оглянувшись, я убедилась, что аристократы стояли от нас на достаточном расстоянии, чтобы разговора слышно не было. Они не сводили с нас глаз и откровенно перешептывались, даже не думая отвернуться для деликатности. Среди них я увидела Роузела — он явно не решался подойти ближе, хотя хотел что-то спросить. В самом деле, сейчас вместе с Императором мы составляли донельзя агрессивную и непредсказуемую пару. Попросив у мужа пять свободных минут, я сама подошла к Роузену, сказав, что аристократов можно усаживать за стол. Он в очередной раз поблагодарил меня за помощь — почти весь процесс похорон устраивала я — и ушел, сказав, что будет ждать меня внутри. Я вернулась к Императору.

— Я знаю, что тебя хотели убить, — начал он без прелюдий и снял маску — здесь мы были лишь вдвоем.

— Откуда?

— Твой советник Лайм любезно сообщил эту новость вместе с Подсолнухом.

— Вот как...

— Если тебя убьют, возникнет слишком много проблем.

— Спешу напомнить, что некогда это уже успешно сделали.

Император нахмурился, но лишь одной бровью. Та часть, что была покрыта ожогом, почти не выказывала эмоций.

— Я направил в твой замок пятнадцать магов. Пятеро из них будут следить за границами, ещё двое сохранять барьер вокруг замка. Четверо ответственны за погоду, ещё четверо — за воду, я слышал, что с гигиеной сохраняются проблемы.

— А ещё один?

— Это хороший лекарь. Я был удивлен, узнав, что все проблемы ты решила сама, хотя осенью вас и одолевала цветочная болезнь. Почему ты не попросила у меня помощи?

— У меня пока нет денег, чтобы просить у тебя помощи.

Рагнарек впервые показался мне оскорбленным, однако, он ничего не сказал, будто бы проглотив эти слова.

— Пока я буду сам оплачивать этих магов. К тому же, я сам на неделю остановлюсь в твоём замке, чтобы оценить уровень защиты.

— Это...неоценимая помощь.

И это, в самом деле, было так. Никогда бы не подумала, что Император пойдет мне на встречу подобным благородным образом. Но, если подумать, он сам говорил, что моё убийство — оскорбление его власти.

«Дорогой дневник, из-за отходов постоянно жрущего Павсикакия твоя обложка стала походить на пятнистое плохо пахнущее недоразумение, что завонялось и стало нервировать слуг. Теперь ты в новеньком черном переплете, на котором написано «Не открывать». Надеюсь, это поможет.

Уже год, как я живу в новом мире, и отстраненное равнодушие, примешанное к азарту и горделивой необходимости, сменилось постоянным напряжением и внутренним страхом. Это странно (я называю это странным, потому что в обыденной жизни мы не особо заботимся темой смерти, а, если и заботимся, немногие из нас действительно понимают, что это такое), но теперь я очень и очень сильно боюсь умереть. Я больше не сплю одна в комнате, просыпаюсь от каждого шороха и даже сосредоточилась на защите, нежели на производстве, что не очень хорошо. Мне не хочется показывать другим, как сильно я боюсь. Я много смеюсь, гримасничаю, прекрасно орудую нецензурным и черным юмором, но чувствую, что внутри скапливается огромный ком.

Я не люблю жаловаться. Но теперь не рассказываю никому ничего и по другой причине — мне кажется, что, если я покажу слабинку, если отступлю хотя бы на шаг назад, если сменю напор на тишину, то тотчас потеряю всё то, что строила целый год. Люди не пойдут за мягкотелым правителем, это я поняла по опыту предыдущей Сисиль. Люди не захотят помогать тому, кто выше их по статусу, но слабее по натуре. И я не хочу терять построенный авторитет. Быть может, это гордыня. Но лучше я останусь наглой, чудаковатой алкоголичкой с нестигаемой волей и злобным лицом, чем превращусь в нечто дрожащее и боязливое. Уверена, что потом это решение мне аукнется. Но это будет потом, поэтому все равно.

Очередная неприятная новость — Император. Мой муж. Представляешь? Вот эта змеевидная колбаса со шрамами от ожога — мой муж. Мне казалось, что дела резко улучшатся с его появлением (всё же, где Император, там все стараются усерднее), и так оно и было. Но не для меня. Оказалось, что у Императриц туева хуча обязанностей, которые те непременно должны исполнять! Мой распорядок и без того был довольно плотным. Отчасти из-за того, что руководство новым бизнесом лежало на моих узеньких плечах. Но теперь мне сверху ещё наложили кучу.

Все из кожи вон лезут, только бы Рагнарек на них не посмотрел. Взгляд у него очень страшный. У меня лопатки вместе сводятся, когда он смотрит мне в спину. Императора действительно боятся. Нет, не просто боятся, его страшатся и даже избегают. Что уж говорить, даже Харон и Азазель, которым море по колено, заняты весь день. Да так заняты, что к вечеру падают от усталости.

Я не сразу поняла, почему Рагнарека все так ужасаются. Да, у него страшный взгляд (но он и сам не красавец), да, он сильный и жестокий (так в расоведении написано, я читала), да, он требователен не только к остальным, но и к себе, да, в его руках огромная власть, НО. Оказалось, что его магия называется «Инквизитор». Сначала я подумала, что он может призывать копны сена и сжигать ведьм — вполне обоснованная ассоциация. Серебро в зубы, асиновый кол в жопу и уух побегал баб красивых травить! Все оказалось куда проще, но куда страшнее. Мой глубокоуважаемый супруг владеет магией крови, а посему может управлять ею (чей бы она ни была). Ужас.

К счастью, большую часть времени Рагнарек проводит в моем кабинете за работой. Присланные им маги — личности исполнительные, строгие и очень ответственные. Они мгновенно настроили систему подачи воды, установили барьеры и превратили село в поселок городского типа. Что же насчет меня? Мне приходится работать так, что к вечеру я засыпаю без снотворного. Рагнареку понравилось масло, и он внимательно выслушал мои объяснения насчет создания рафинированного продукта (на таком масле можно было жарить). Он даже пообещал помочь с оборудованием, и теперь я всецело погружена в дела собственного региона.

Ремонт перенесся в бальный зал. Я решила оставить его золотым, но добавить белых элементов во избежание слепоты. Желаящих переселиться в Мордор стало больше, и мне пришлось уделять этому вопросу ещё больше времени (я всё также не хотела пускать сюда кого попало, поэтому тщательно изучала биографии). Когда прошла неделя наш замок искренне надеялся попрощаться с Императором, но тот вдруг остался ещё на семь дней — тем же вечером я слышала, как несколько горничных плакало в уголке. Им приходилось драить весь дворец, так как Рагнарек мог без предупреждения войти в любую заброшенную комнату, а после надавать барышням по их нервной системе за невыполнение обязанностей.

Мы с мужем редко общались. Иногда вечерами собирались в библиотеке и делились выполненными заданиями. Мои попытки перевести разговор на иные темы заканчивались провалом, и Император изворотливо выставлял меня той ещё дурой, которой интересны никому не нужные факты.

Так или иначе я всё же была благодарна Рагнареку. Благодаря ему, я подписала торговые договоры со всеми другими секторами (он их заставил, хотя в этот момент я чувствовала себя, как трехлетка, которая привела маму в песочницу, чтобы пожаловаться на других). Особенно активно мною заинтересовались первая (ну, тут хотя бы понятно) и четвертая (та самая боеголовка) Императрицы, которые стали даже нашими гостями. Первую звали Первина (это писец, как странно, но, хотя бы запоминать много не надо), и она была белокурой блондинкой, что

кроме Императора и не видела больше никого. Мы вообще познакомились с ней только тогда, когда она уезжала, несмотря на то, что Первина весь день провела в Мордоре. Я представляла её очередной сучкой и была сильно удивлена, увидев даму мечтательную, чуть легкомысленную и прямо-таки зефирную. Её называли Белоснежной Королевой, и теперь я понимала почему.

Четвертую звали...нет, не Четвертиной, а жаль. Её звали Чертией, поверьте, это имя подходило ей гораздо больше, так это был самый настоящий черт. У неё были черные, прилизанные в косу волосы, большие глаза с ненормальным лихорадочным блеском, чуть заостренные зубы и огромные буфера! Выглядела она в своих доспехах, честно сказать, сексуально. Когда я встала рядом с ней, я ждала, что кто-нибудь возьмет меня за руку и попросит отойти, так как детям тут делать нечего. Характер у неё тоже был, как у черта, но вела она себя громко и открыто, постоянно бросая взгляды на Харона. Тот бросал взгляды на меня, и я, наконец, поняв этот горделивый взор, представила его, как своего фаворита. Чертия оказалась не очень довольной, но своего недовольства не скрывала. Казалось, что у нее было на уме, то и на языке.

Прошедшие будни были слишком насыщены, и предстоящие пять дней грозятся быть такими же. Что ж, у меня начинается время приема, поэтому я пойду...».

Я ненавидела приёмы. Они подразумевали под собой трехчасовые выслушивания селян, которые просили то совета, то помощи. Обычно, попасть на прием к Императрице быстро не представлялось возможным — приходилось записываться в очередь, и постоянно появлялись срочные проблемы, которые оттесняли обычные запросы. У меня такой проблемы пока не было: люди были самостоятельны и не особо требовательны, а я проводила среди них столько времени, что все вопросы мы решали на месте. Но вот Император удивленно поднимает брови, и мы наскоро оживляем тронный зал вместе с большим золотым тронном, украшенным новым знаком Мордора — коваными белыми пионами. Сам трон находился на небольшом возвышении, к которому вели ступени, и вот перед этими ступенями и останавливались в поклоне селяне, прося помощи. Мы даже длинный красный ковер выбили, чтобы дорожку сделать. По правую руку от меня сидел Подсолнух — мой первый советник. По левую — Лайм.

Ещё раз напомню — я ненавидела приемы, и очень быстро выходила из себя, так как новые переселенцы совершенно не понимали мои решения (их можно понять, они ещё не привыкли к своеобразной правительнице).

— Я хочу открыть вторую кузницу и прошу вас дать ей название, — попросил один коренастый мужчина. Подобные просьбы казались мне абсурдом — сам открыл, сам и называй — но Эльфия объяснила, что, если название дала Императрица, значит, она разрешила деятельность данного предприятия на своей территории.

— Кузница нам действительно нужна...Нарекаю её...А как тебя зовут?

— Боб, Госпожа.

— Бобкина Подковка.

— Благодарю.

— Я хочу открыть птичий двор, Госпожа, прошу дать ему название, — просила худенькая женщина, в волосах которой застряли перья. Она поклонилась мне так низко, что я услышала хруст её коленей.

— Назови её «У Павсикакия». В честь моего питомца.

— Как великодушно, моя Госпожа!

— Я прекрасно шью, моя Императрица, позвольте мне открыть ателье, — тут же подошла за ней молодая и красивая барышня лет двадцати пяти. — Для меня будет честью придумать наряд и для вас.

— Зачатки Адидаса.

— Слоган для ларька с капустой?

— Каждому кочану по капусте.

— Название для будущего детского парка?

— Второй круг Ада.

— В честь кого назвать нам первую школу?

— В честь здравого смысла.

Как же я устала. Сейчас бы лечь в ванну, взять бокал вина, тарелку с нарезками...Или сесть на Агриппину, взмыть в воздух, высоко-высоко...

— У меня пропала овца.

Ого, что-то новое.

— Я привел её с собой из восьмого региона, — продолжил мужчина средних лет, — но она убежала. Я нашел её в лесу — её загрызли какие-то большие собаки.

Я тут же взглянула в сторону Азазеля. Тот развел руками в стороны и пожал плечами. Опять Грильда забыла свою свору на поляне...

— И что вы хотите от меня?

— Мне нужна новая овца. Из её шерсти я делал материал для одежды, чем и зарабатывал. Это был редкий вид.

Она обрастала шерстью каждый месяц.

— Это горная овца, — пояснил мне Подсолнух, — они очень дорогие.

— То есть вы хотите, чтобы я компенсировала вам вашу потерю?

— Мне не нужны деньги. Мне нужна овца.

— Давайте, я дам вам деньги, а вы купите себе новую овцу.

— Нет, мне не нужны деньги. Дайте мне овцу.

— Ещё раз. Вы сами купите себе животное. Съездите в восьмой регион, или куда вы там хотите, и купите.

— У меня нет на это денег.

— Я дам вам деньги.

— Госпожа, я не смею выпрашивать у вас деньги!

— Тогда иди в лес и вылови себе животное, какое хочешь!!!

— Пойти и попытаться?

— Поесть и обоссаться!! Да, иди, я разрешаю. Может, ты найдешь себе животное, которое будет ещё ценнее...

— Благодарю Вас! Вы очень щедры.

— Вы опять взорвались, нужно быть спокойнее, — мягко сказал мне Подсолнух, — многие из них простоваты.

— Они тупые.

— Нет, они простоваты.

Учитывая, что навряд ли я вернусь ещё к этому случаю, хочу сказать, что этот мужчина найдет в лесу редкую волосатую лань, что обрастает каждые две недели, и построит на ней целый бизнес, за открытие которого будет благодарить меня...

— Я ещё раз прошу прощения, — вновь произнес Харон, поправляя на глазу съехавшую повязку, — но в сложившихся обстоятельствах я не видел иного решения...

— Ты поступил совершенно правильно. К тому же, на основе твоего отчета мы можем сделать определенные выводы. Думаю, они нам очень пригодятся, — ответил ему Лайм. Несмотря на то, что фей уже повернулся ко мне с намерением обратиться, он продолжал говорить с Хароном. — Ты и так нарушил правила, выскользнув далеко за пределы Мордора. Даже, если учитывать тот факт, что Сисиль это, предположим, разрешила. Нам повезло лишь с тем, что наемник догадался об этом не сразу и додумался угрожать тебе только в пятом регионе.

— Значит, он испугался и потерял бдительность? — предположила Эльфия, но Харон отрицательно покачал головой.

— Он, очевидно, спешил, но был чрезвычайно осторожен. Если бы я не был военным, я бы не смог преследовать его так долго.

— И, тем не менее, убийца целенаправленно двигался от Мордора к центру, что позволяет сделать нам пока ещё малообоснованный, но всё же вывод о местонахождении заказчика, — продолжил Лайм, смотря в мои заspanные глаза, — и я смею предположить, что искать врага следует с четвертого региона и ниже.

— Но почему не с пятого? Кажется, что Харон потерял наемника именно там? — подал голос Кирка. Он сидел в кресле у окна и играл в шахматы с Азазелем.

— Именно поэтому и не стоит. Я настиг его на пути, что ведет в четвертый регион. И он, видно, поняв, что не имеет права раскрывать заказчика, решил незамедлительно сбросить хвост.

— Ты смог разглядеть его?

— Нет. Нам нем не только куча скрывающих амулетов, но и черная плотная одежда. Лайм, ты говорил о случившемся Императору?

— Да, он уже всё знает.

— Значит, нам следует искать в первом, втором, третьем и четвертом регионах?

— Именно так.

— И кто больше всех не любит Сисиль?

— Её никто не терпит. Кроме Яйры с недавних пор.

— Нажила же ты себе неприятелей...

— С таким-то характером грех не нажить...

— Знаете, — наконец, произнесла я, поймав секундную паузу и натянув одеяло до самого подбородка, — но, может быть, вы выйдете из моей спальни и дадите мне переодеться?

— Ой, там смотреть не на что, — хмыкнул Азазель, но тут же поймал на себе сочувствующий взгляд двух других фаворитов.

— О своей плоскости могу говорить только я, понятно? На месяц ты лишен доступа сюда.

— Кстати, если сюда сейчас войдет Император, то нам всем настанет ж...

— Не настанет, я наплел ему про утренний совет.

— Ай да, Лайм, ай да треполка!

— Где купить абрикосы?

— Не в Мордоре. Кстати, Сисиль, перенеси гнездо Агриппины куда-нибудь в другое место. Она все время сидит на крыше, и каждая вторая горничная, когда выходит на улицу, возвращается обгаженная.

— Помет грифонов приносит удачу.

— Это ты только что придумала?

— Напомню, что мы хотели обсудить покушение на Сисиль.

— Её никто не сможет убить. Уже пытались похоронить и промахнулись.

— Как это? Гроб не донесли?

— Эльфия, а ты не знаешь? Она восстала и пошла пить на собственные поминки.

— Браво, Госпожа!

— Сисиль, ты любой праздник испортишь.

— По-твоему, поминки — это праздник?

— Поминки, поминки, такие вечеринки...

— Кстати, Госпожа, многим понравились консервированные оливки. Предлагаю выделить для их производства отдельное здание.

— Я беременна, — вдруг произнесла Ольга, что всё это время тихо сидела на краешке моей кровати. Все взгляды, безусловно, были обращены к ней. Где-то сзади, снеся шахматный стол, упал со стула Кирка.

Теперь, когда производство приносило нам постоянную прибыль, когда рабочих рук становилось всё больше, а Император задержался в замке на третью неделю, мы могли уделить больше внимания внутренним проблемам. В Мордоре по-прежнему не было базовых зданий из-за того, что все крупные новые постройки были отведены для масла, семечек и оливок, а старые забросили до того давно, что внутри хозяевами были пыль и мыши. Но мне действительно повезло с населением (не зря я сидела дни и ночи, разбирая биографии) — многие из них выказали инициативу довольно быстро. С моего согласия люди принялись чистить здания, проводить ремонты, покупать необходимые оборудования, благодаря чему уже в скором времени у нас появилась школа.

В ней действовало только три класса, каждый из которых занимал учитель. Чтобы показать важность образования и привлечь детей к обучению, я приходила в школу, чтобы вести биологию. Не хотелось бы хвастаться, но на моих занятиях была стопроцентная посещаемость. Хотя, возможно, мне следовало бы меньше рассказывать о цветах, которыми травил всех исторических личностей, и о половом воспитании...

Молодая хозяйка ателье «Зачатки Адидаса» оказалась безмерно талантлива и трудолюбива, благодаря чему у меня появились платья иных цветов (к сожалению, они по-прежнему были пышными), однако, мы поняли, что какой-никакой рынок нам ныне необходим. Благодаря Эльфии мы создали два портала: один из них вел в пятый регион, но работал исключительно в одном направлении — мы и сами жили у берега, поэтому в рыбе не нуждались. Второй сообщал нас с первым сектором, откуда торговцы привозили хлеб и недостающие нам овощи, фрукты, а также алкоголь. Последний заботливо хранила в складах я, так как стоил он дорого и покупали его очень маленькими партиями. Близость восьмого региона (там мы покупали ткани) позволила исключить необходимость телепорта, и теперь мы настраивали связь с третьей Императрицей, чтобы начать торговлю крупным рогатым скотом и мясом соответственно.

Признаться честно, все вдруг пошло, как по маслу, если не учитывать отстраненность Сильвии (напомню, она сидела в шестом регионе) и злобу Аритьки — если бы не приказ Императора, она бы ни за что не подписала договор. Мордор отпраздновал юбилей в виде тысячного населения, открыл школу, первый небольшой рынок и даже начал постройку храма, который поддерживали немногие. Мне предстояло убедить людей, что Богиня Смерти милосердна к своим подчиненным, а также найти священников, что после меня взяли бы на себя просветительную работу.

— Почему именно эта Богиня? — спросил вдруг Рагнарек, хотя не ему с его красноречивым именем было сомневаться в моем выборе.

— Я так чувствую.

— Нелогичный ответ.

— Скажем так, меня с ней, как мне кажется, многое связывает.

— Ты решила это потому, что пережила клиническую смерть? — наг отложил в сторону книгу, что значило лишь одно — сегодня он настроен на беседы.

— Наверное.

— И что же ты скажешь народу? Он боится Богиню. Ему приходится сталкиваться с ней только тогда, когда кто-то умирает. А ты полагаешь, что вот так просто изменишь мышление массы.

— Стоит убедить хотя бы десятерых, а они уж посеют в толпе сомнение. Люди любят находить единомышленников — так им спокойнее, и они чувствуют себя уверенно — но что, если они столкнутся с мнением конфронтационным? — я разлила чай в две чашки, одну из которых протянула Императору. — Возможно, первое время они будут настаивать на своем, но после в их душе появятся сомнения. Они начнут думать: а что, если так? Вдруг, они правы? А если предположить их теорию верной? Мои речи могут показаться тебе самоуверенными, но поверь, все мои идеи, что казались людям странными и глупыми, ныне обрели успех. И подсолнух теперь не просто цветок, а ценный клад.

— Я вижу, ты много размышляла об этом... Похвально. Однако подсолнух — это не проповедь того, что смерть не страшна.

— Я хочу донести им свое мировоззрение.

— В чем же оно состоит? — мне показалось, что Рагнарек улыбнулся. Но я так устала, что это показалось мне галлюцинацией.

— Смерть так же очевидна, как жизнь. Зачем бояться того, что неизбежно? Нужно принять это и научиться жить одним днем. К тому же, мы совсем не знаем, что ждет нас после смерти. Это новый этап для нас. Новая ступень. Но никак не обрыв.

— Удивительно, — наг взмахнул руками, и кончик его хвоста заходил из стороны в сторону, — я впервые слышу что-то подобное! Если у тебя получится, жители Мордора станут, возможно, самым счастливым населением. Я отправлюсь в Главный Храм и подыщу тех, кто подойдет тебе.

— О... Спасибо.

— Не люблю повторять за другими, но ты сильно изменилась, Сисиль. Твои идеи безумны, но их хочется

поддержать.

— Приму это, как комплимент, — улыбнулась я в ответ, и мне действительно было приятно. Наверное, впервые мы говорили так открыто и неофициально.

— Ты...ничего больше не вспомнила? — спросил он осторожно, и, когда я отрицательно покачала головой, отвел взгляд. Он так сильно сжал подлокотники, что костяшки его пальцев сильно побелели.

— Было что-то, что я должна знать?..

— Нет. Пока ничего. Просто знай, что ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь.

С этими словами он вновь взял в руки книгу — это означало окончание разговора. Император запер свои эмоции за вдумчивым выражением, оставив меня наедине с множеством вопросов. Если он так расположен ко мне, почему позволил в прошлом Сисиль потерять статус и владения? С другой стороны, он вообще должен был лично лишить её жизни за свершенное, но так и не сделал. Почему? Почему Гертруда вдруг взяла на себя обязанность выполнить за меня всю норму, пускай она и забрала моих поданных? Думаю, ей было бы гораздо выгоднее взять и часть моих земель — это было бы логично.

Лайм и Харон ценят Императора. Говорят, несмотря на характер, он справедлив и силен. Но они утверждают (и я сама в этом убедилась), что на плечах Рагнарека лежат сотни дел, требующих его личного участия, и он не может следить за своими женами и их делами. Это кажется мне удовлетворительным — ведь я сама не могу за всем уследить. Могу ли я подвести итог? Меня недолюбливают почти все Императрицы, в прошлом Сисиль пытались как можно скорее свести со счета, меня постоянно пытались выставить в плохом свете (что они делают до сих пор), и на фоне всего этого вдруг оказывается, что Рагнарек всегда был ко мне расположен.

Я исподлобья взглянула на Императора. Может ли быть так, что между Сисиль и этим обгоревшим ходоком было нечто большее? Почему я не вспомнила этого? Если подумать, то ревность — страшная вещь, и Императрицы могли пасть под этим чувством.

— Рагнарек, — позвала я нага по имени, и тот вздрогнул, устремляя на меня удивленные глаза, — почему у тебя до сих пор нет наследников?

— А ты любишь бить в лоб, как я погляжу, — рассеянно ответил тот.

— Ты не ответил на вопрос.

— И не собираюсь. У меня много работы.

— Рагнарек, стой! — я вскочила с кресла, почувствовав, как все органы сжались в комок. Меня трясло изнутри, но я совершенно не понимала, в чем причина. Быть может, я не могу вспомнить потому, что сама Сисиль не желает этого вспоминать? — Скажи мне, почему у тебя нет наследников?

Его лицо вдруг наполнилось состраданием, и, поднявшись, он подполз ближе, чтобы заключить меня в объятия. Они оказались очень теплыми и нежными. Такими заботливыми, что я забыла, как нужно дышать.

— Потому что ты не можешь мне их дать, Сисиль.

— У тебя такая матка, что ты двух минотавров за раз родить сможешь, — взмахнула руками Грильда, усаживаясь обратно в старое пыльное кресло, — я понятия не имею, кто и когда тебе её пересадил. Наверное, Богине, что оживила тебя, нужны последователи и в дальнейшем. Вот тебе и подарок от неё — матка последней модели.

— Сисиль раньше не могла иметь детей?

— Нет. Её отравили, как только узнали, что Император положил на неё свой глаз. Это вещество буквально растворило орган, что мог бы сделать её матерью.

— Какой ужас... — действительно, жутко. Люди, что окружали Сисиль, были чрезвычайно жестоки. Быть может, её отравил тот же человек, что ныне замешан в попытках убить меня? — Грильда, я, наверное, надоела тебе со своими проблемами... Но могу я задать ещё несколько вопросов?

— Надоела? Не то слово. Но тебя хотя бы не так просто обмануть, как Сисиль, и ты гораздо злее её. Это неплохо. Задавай.

— Известно ли, кто отравил Сисиль?

— Нет. В те времена она часто ездила в гости к другим Императрицам. Не ко всем, конечно...

— Она рассказывала тебе, у кого была?

— У тебя аж глаза заискрились от надежды... Кажется, тогда она посетила регионы с первого по четвертый.

После этого у неё случилось то, что случилось...

Бинго! Ещё одно подтверждение того, что Харон и Лайм были правы — врага нужно искать именно там. Но пока сузить круг подозреваемых почти невозможно. Убийцей может оказаться любая из четырех Императриц.

— Но почему Рагнарек хотел детей именно от Сисиль?

— Ох, не называй это имя. Оно любого испугает... Ты уж прости, но я многого не знаю. Возможно, она ему нравилась. Возможно, не последнюю роль сыграли древний род и талантливая магия. Возможно, чувство вины... Хотя, навряд ли наш Правитель знает это чувство.

— Вина? О чем ты?

— Как же много тебе нужно напоминать! — обозлилась вдруг Грильда, но я вторила её гневной интонации.

— Ну, уж простите. Я сама сюда не набивалась!

— Вот же ж, язва. Ты отца-то хоть помнишь?

— Смутно. Знаю, что он был советником, который предал прошлого Императора. И что его казнили...

— Да, так и есть. Но история покажется тебе совершенно другой, когда я скажу тебе вот что: прошлый Император был жутким тираном, чьи способы правления основывались на смерти. Его старший сын, Рагнарек, — произнесла Грильда тихим голосом, — восстал против него, но поддержали его немногие. Отец Сисиль был его первым и верным соратником. Жаль, что прошлый Правитель забрал с собой и главу рода Ебельманий. Хороший он был.

— Я, наверное, должна почувствовать утрату и сожаление... Но для меня это будто бы чья-то чужая история.

— Я знаю, бессердечная ты лобковая вошь.

— Меня недавно опять пытались убить.

— О, интересно. Чем закончилось?

— Угадай.

— Да, в могилу, как я погляжу, ты совсем не хочешь.

— Мне нужно знать, кого опасаться...

— Я б на твоём месте другого боялась. Грядет что-то куда страшнее, — мрачным голосом произнесла Грильда, показывая на прозрачный шар в металлической подставке. — Ветра окончательно поменяли своё направление. Течения сменили маршрут. Такое последний раз было перед войной с Роэтией.

— Мы опять будем воевать?

— Нет, не думаю. Полагаю, на этот раз изменится сама Шеэтия. Кстати, насчет Роэтии...

— Не говорите мне о барде, которого у меня отняла Сильвия.

— Ишь. Когда тебе надо, ты быстро соображаешь. Или сама вспомнила? Чай никак любовь твоя первая.

— Вот этого я не знала.

— Ты ему все секреты свои доверяла. Даже Император тебя к нему ревновал — настолько вы неразлучны были. Сильвия запретила ему в Шеэтии появляться, съездила бы ты к нему.

— Мне тоже сейчас не до поездок. Да и не знаю я, где он...

— Как это не знаешь? Он же Тирсос — придворный бард Роэтии. Логично, где его искать надо.

— Откуда мне знать.

— Без обид, но Сисиль была умнее, чем ты.

— Здравствуйте, Госпожа, нет большей радости для такого скромного слуги, как я, чем знать, что одна из Великих Императриц разделяет его взгляды. Для меня будет огромной честью взять на себя постройку храма Богини Смерти и просвещать народ, что ослеплен страхом.

Я бы могла назвать его молодым, если бы не знала, что ему уже две сотни лет. Рагнарек нашел его на островах атлантов, убедившись, что в Храме ему последователей для моей веры не найти. Новый главный священнослужитель оказался трехметровым ухоженным мужчиной с прямоугольными чертами и добрыми глазами, смотрящими из-под широких густых бровей. Он был очень учтив и любезен, и весь день мы обсуждали собственные мысли, пока не убедились в том, что мысли одинаковы.

Храм было решено (мною) построить в готическом стиле, точнее, вырезать его в большой горе к западу от Мордора. Я не желала торговать с седьмой Императрицей по многим причинам, однако, главной была дороговизна поставляемого материала. Атланты согласились работать сообща вместе с моими зодчими, чтобы построить что-то совершенно необычное и прекрасное. Мы также решили облачить всех священнослужителей в черные строгие платья, обшитые золотыми нитями, а на всяческие мероприятия они были обязаны надевать маску с птичьим клювом — я долго объясняла священнослужителю подобную идею.

Итого — одной проблемой меньше. Итого — одной проблемой больше. В письменной форме я очень сильно поссорилась с Сильвией. Может, потому что моя просьба оскорбила её, может, потому, что я назвала её вонючим аппендиксом, не знаю, в чем дело. Так или иначе, решив воспользоваться снисхождением Императора ко мне, я попросила его отменить запрет на въезд в Шеэтию для барда. Рагнарек, впрочем, не сразу согласился, и принял мою просьбу лишь тогда, когда я объяснила ему причину: Тирсос знал секреты Сисиль, о которых не знала я.

Я написала ему довольно короткое письмо (я попросту не знала, с чего начать и чем закончить разговор), приложив к нему разрешение на въезд и приглашение. Приедет ли он? Года прошли, а любовь не вечна. Согласится ли он вернуться, пускай и на краткий срок? Вдруг, он по-своему воспримет это приглашение? Всё же в свое время Сисиль не смогла его защитить и даже помочь. Мужская тройца, что, подобно зомби, ежедневно, будто бы невзначай, прогуливалась рядом с моими покоями, отреагировала на письмо недовольно и ревностно. И, хотя они молчали, их красноречивые взгляды всё говорили за них. И это при том, что у меня есть муж.

Чем больше становилось дел, тем больше накапливалось внутри стресса, который было жизненно необходимо снимать. С этой целью я подтаскивала (мне казалось, что это было максимально незаметно) из погреба вино, но вечерние попойки стали настолько частыми, что скоро в складе обнаружили большой недочет и обвинили меня в алкоголизме. Правду говорили: «Больше знаешь — крепче пьешь». Дело дошло до того, что в замке среди слуг пошла одна примета. Они утверждали, что если всегда идти на запах алкоголя, можно в скором времени найти меня. Какая ложь! С другой стороны, каким тогда образом они всегда меня находят...

— Мадам Циррозия, Вам письмо, — съехидничал Азазель, протягивая мне конверт, что был запечатан гербом Императрицы Яйры. — Будьте добры сцедить свой яд до обеда, потому что сегодня у нас форель. Очень нежная рыба.

— Будем есть её сырой?

— Конкретно ты, да.

Позволил Азазелю сесть за туалетный столик и разворошить мою косметику (он до сих пор обижался), я сломала печать и развернула перед собой бумаги.

«Как же мне всё это надоело, Сисиль, ты бы знала.

Иногда я думаю, что вообще не хочу быть Императрицей. Быть бы богатой советницей с большой свободой выбора — вот оно счастье! Если когда-нибудь Император позволит всем нежелающим встать и уйти, ты знаешь — я буду первой бежать к выходу, теряя туфли.

Вчера Кокос (так зовут моего главного советника, если помнишь) опять заставил меня посетить бал у Первии. Я ненавижу балы, а особенно, терпеть не могу мероприятия, которые организывают Первия и Чертия. У первой хочется плевать от ароматов ванили и сладкой ваты клубов, у второй постоянно конкурсы «стенка на стенку». Но знаешь, в этот раз я благодарна Кокосу за то, что он буквально вынес меня за дверь, заставив посетить праздник. Думаю, то, что я подслушала, покажется тебе интересным. Во всяком случае, это кажется мне настолько немыслимым, что я в растерянности.

Происходит что-то странное. Первия, Чертия и Сильвия весь вечер провели на веранде и даже не вышли к гостям. Я поговорила об этом с седьмой Императрицей, но она лишь пожала плечами и быстро перевела тему, запудрив мне мозги о Фээтии. Она вздумала посетить эту страну и даже присмотрела там себе небольшой замок у моря. Зачем бы ей покупать там дом? Императрицы не могут покидать свои владения надолго. А тут покупка целого дома. Я подумала, что Седьмая просто бесится с жиру, и ей некуда девать деньги, но потом поговорила с Третьей. Не поверишь, но она заговорила о вилле в Роэтии. Может, я чего-то не понимаю? Может, за границей

начались скидки на недвижимость? Они многое знают про эти страны. У меня сложилось впечатление, будто они, в самом деле, хотят туда переехать.

Потом я напилась. Я разозлилась, что хозяйка бала не высунула носа, и пошла над ней издеваться. Они сидели в малой гостиной, и, хотя походка меня и подводила, зато слух нет. Я явно слышала, что Чертия говорила об Императорской страже, что давно встала на её сторону, а не на сторону Императора, и что единственными проблемными защитниками Рагнарека остались наги и атланты. Я решила, что услышала и без того то, что мне не следовало, и не стала заходить. В Шезтии уже давно воняет заговором, но нынешний Император слишком силен для этой тройки. Не поэтому ли другие подыскивают себе иное жильё? Я путаюсь в мыслях. Надеюсь, ты со стороны найдешь этому объяснение.

Напиши, как можно скорее.

Продавщица рыбы, Яйра».

Недолго думая, я тут же позвала Лайма и Подсолнуха. Кажется, теперь я поняла, о чем говорила Грильда.

«Здравствуй, дорогой дневник. Точнее, его жалкий клочок. А если ещё конкретнее, то настоящий кусок туалетной бумаги, которую я нашла на палубе. Углем писать трудно, но возможно, а потому я вновь изливаю стресс в письменном виде на «пергаменте» за неимением под рукой ни револьвера, ни алкоголя, ни табака.

Итак, дорогой дневник, меня похитили.

Вот так просто? — скажешь ты мне. И я отвечу «Да». Сидела бы сейчас да цветы нюхала, но вместо этого трясусь в каюте, пытаюсь оправдать собственную глупость. Точнее, неосторожность. Возможно, даже медлительность. Подобный стремительный поворот не ожидал никто из нас троих, а потому все мы сейчас преисполнены молчания и шмыганья. Кое-кто ещё и морской болезнью. Но стоит начать с самого начала. Быть может, так я смогу примириться с действительностью и излечить не отпускающий моё тело шок. Впрочем, подобное навряд ли когда-нибудь покроется туманом в чертогах разума.

Дело было вечером, и ничего не предвещало беды, кроме Агриппины, страдающей запором уже третий день. Так как оплот этой пернатой клоаки могло прорвать в любой неподходящий момент, мы отправили грифона в лес, создав тем самым в замке ощущение мнимой тишины. Когда на небе засияла круглая луна, Лайм неожиданно получил письмо от Яйры — она приглашала меня на бал. Этот анал-карнавал проходил у Чертии, что показалось мне довольно необычным, но привлекательным — всё же я никогда прежде не бывала в самом воинственном регионе. Станным мне показалось совсем иное, а точнее: манера написания письма. Яйра никогда не скупилась ни на ругательства, ни на вечные жалобы, а потому короткое сухое письмо оказалось настоящим раритетом, причину возникновения которого я намеревалась выпросить позже.

Платье в тот день я выбрала черное (как знала, что всё кончится плохо), и вместе с Лаймом, а также Подсолнухом отправилась на бал к крысам и тыквам, что в двенадцать часов ночи должны были превратиться в одноклеточных. Но у них на вечеринку были свои планы. Думаю, они проверяли новую теорию, решив, что тело, зажатое в угол, не может сопротивляться.

В свою защиту скажу, что поначалу было весело. И всё же, как в той сказке «Жила была девочка. Сама виновата», подставу я обнаружила лишь тогда, когда смогла поговорить с Яйрой. Как оказалось, никакое письмо она мне не отправляла, и более того, приглашение на вечеринку прислала ей именно я. Тогда-то мы и поняли, что оказались в дерьме.

Только сейчас, перечитывая всё написанное выше, я понимаю, как же это было глупо. Нас обвели, как младшую группу детского сада. Хотя эту самую группу, по сравнению с нами, вообще хрен обманешь. С другой стороны, против нас были шесть Императриц. Почти в два раза больше! Конечно, они работали оперативно и умело. Я бы больше удивилась, если бы у них ничего не получилось...

Как бы то ни было, а золушка в свой единственный выходной хлебнула говнеца. Я мало что могу вспомнить: скорее всего, в вино многое намешали. Помню лишь, как меня деликатно отвели от Лайма и Подсолнуха, как все закружились в странном кружащемся танце... Потом, я уверена, была яркая вспышка. Наверное, я потеряла сознание (хотя, полагаю, не только я). И вот мы здесь. В каюте, наполненной трясущимися селянами, которые жестоко нарушили закон. Но, возможно, ты, дорогой дневник, поинтересуешься, кто конкретно впал в немилость крысиных императорских жоп, и я великодушно тебе всех представлю.

Я, Сисиль Ебельмания. По национальности — пыльцесосушее. По гороскопу — клоп. По выходным в говно. Работала Императрицей в Мордоре и держала двор хоббитов, после чего была, наконец, прогнана взащей. Преисполнилась светлого чувства: навык, позволяющий мне думать, что я преисполнилась светлого чувства.

Яйра Файская. Мизантроп, пессимист, демонолог, спанч боб. Понимает язык животных и пьяны трактирщиков. Левая рука у неё коронная, а правая — похоронная, потому что именно в правой руке она последний раз держала бокал на балу.

И Гертруда Нихриола. Потомственная дочь с очень красноречивой фамилией. Воплощение холерического темперамента, гнева, гордыни и наглядный экспонат по клиническим признакам морской болезни. Я уверена, что своим криком она может открыть врата в потусторонний мир, чтобы выйти туда покурить.

Не имею ни малейшего понятия, куда нас везут, но, судя по тому, что плывем мы четвертый день, — далеко. Люди с нами почти не разговаривают (нас тут почему-то все старательно избегают), поэтому нам только и остается, что делиться друг с другом теориями и...».

— Ну, вот... Бумага закончилась...

— Ты её только переводишь. Чем жопу-то подтирать? — хмыкнула Яйра, зачесав назад сальные волосы. Все мы выглядели сейчас крайне скверно.

— Значит, кого-то они по-хорошему попросили убраться, а кого-то решили выслать из страны, как преступников? — взвизгнула Гертруда, заведя одну и ту же шарманку третий раз за день. — Меня будут искать! Никто не поверит в их рассказы, что бы они не придумали! Я отомщу... И так отомщу, что они будут жалеть о

своём рождении...

Один старик, что слушал наши жалобы всю дорогу, наконец, решил осмелиться и подсесть чуть ближе. Думаю, ему просто надоела его жалко дрожащая компания. Он был такой худой, что все его кости можно было бы пересчитать.

— А вы тут за что, дамы?

— Мы-то? Мы? Да как ты смеешь обращаться к нам! Ты! — завопила Гертруда.

— Контрабандисты мы, — тут же ответила я. Это казалось мне самой мягкой причиной. Относительно мягкой, безусловно. — Контрабанда. А вы?

— О, так вы свои люди. Отрадно слышать, — улыбнулся старик двумя зубами. — Какой товар?

— Начинали с семечек и масла, — я даже почти не врала.

— Решили попытать удачу на новом бизнесе Девятой Императрицы? И как оно? Слышал, это дорогие и востребованные товары.

— Так и есть. И поначалу всё шло хорошо.

— Я, когда начинал только, тоже почти сразу попался... Но вы не выглядите новичками.

В самом деле. Истеричка, мисс «недовольное хлебало» и фея, от которой несет пролитым на платье спиртом. Да, мы определенно не выглядим, как новички.

— Куда везут-то нас, знаете?

— Как же не знать, знаю. В Зоэтию мы несемся.

— Что, в Зоэтию? — вмешалась Гертруда. — Только не говорите, что в Крепость!

— А куда ж ещё, милочка? Это пристанище почти для всех, кто в итоге вступил в преступный мир.

— Нет-нет-нет, — заговорила уже Яйра, — я не готова сидеть в женской колонии и рубить камни в шесть утра!
НЕТ!

— Тихо-тихо, — шепнул нам дед. Он вдруг осторожно обернулся, но все наши соседи или были слишком далеко или уже спали. — Раз уж вы контрабандисты, раз уж вы ещё и опытные, я вам помогу, но с одной оговоркой.

— Что надо?

— Вот это подход, вот это молодцы. Нам, контрабандистам, сейчас нелегко. В Зоэтии, что король, что королева, борются с нами, как с грызунами. Опытные руки не помешают. А умные головы, тем более.

— У вас есть план? — перешла на шепот и я.

— Да. На берегу меня ждут мои ребята. Мы можем сбежать.

— И ты поможешь нам?

— Если вы поклянетесь помочь нам наладить поставки и работать с нами.

— Клятвы в тяжелый час необходимо выполнять. Стоит ли? — спросила меня Яйра, но её вдруг перебила Гертруда.

— А ты что, в колонию захотела?! Конечно, мы согласны!

— Да, — кивнула я, — мы клянемся помочь вам, если вы поможете нам сбежать.

Старик плюнул на руку и протянул мне. Я плюнула на свою и пожала его ладонь. Гертруду стошнило в ведро.

— До сих пор в голове не укладывается, — произнесла Яйра, когда старик вернулся на место и громко захрапел, — ещё недавно я жаловалась на чрезмерную роскошь, а теперь — на чрезмерную бедность. Пять дней назад — Императрица. Сегодня уже контрабандистка... Хорошо это ты с контрабандой сказала.

— Поверь, я почти не врала.

Удивительно, но никто из нас за всё это время не пожаловался на сущую несправедливость. Думаю, и Яйра, и Гертруда прекрасно понимали, что мы сидим здесь по одной простой причине: наше существование каким-то образом угрожало замыслам других Императриц. Неудивительно, что от нас попытались избавиться, как можно скорее. Но, что эти правящие крысы скажут Императору? Как они объяснят нашим регионам пропажу столь значимых лиц? Хотела бы я знать...

— Я кстати в Зоэтии никогда не была.

— Заткнись, Сисиль. Если ты ещё раз попробуешь найти в этой ситуации что-то положительное, я тебя ударю.

— Гертруда, я всегда думала, что ты одна из самых элегантных Императриц.

— Идите нахер.

Мы уснули, хотя, возможно, на улице был жаркий день. В каюте не было окон, и пахло грязными телами, покрытых потом. Я слышала, что Зоэтия — жаркая страна с палящим солнцем и мягкими песками. Как бы то ни было, возможность избежать заключения радовала и пугала одновременно. Сможем ли мы сбежать? Не обманет ли нас старик? А если и поможет, вдруг, мы ввяжемся в такое черное дело, от которого вовеки не отмоемся? В любом случае, я выбираю свободу, какой бы она ни была.

Интересно, что сейчас делают мои ребята? Ищут ли они меня или иные Императрицы загрозили их угрозами? Надеюсь лишь на то, что с ними всё хорошо. Надеюсь, что Рагнарек сумеет узнать правду. Вдруг, эти крысы уже

сделали с ним что-то? Яйра ведь говорила, что императорская стража под крылом Чертии...

— Как думаете, за всем стоит Первия?

— Больше, чем уверена, — хмыкнула Гертруда на пятый день нашего путешествия, — она всегда билась за расположение Императора, но тот её будто бы и не видел вовсе.

— Неудивительно, её ему навязали в качестве первой Императрицы, — подтвердила Яйра.

— Как бы то ни было, она, видно, решила взять правление Шеэтией в свои руки.

— Но какая от этого польза другим Правительницам?

— Не тупи Сисиль. Третья и Седьмая наверняка уже смотались в свои новые виллы со всеми богатствами, и вся Шеэтия в итоге окажется поделенной между четырьмя бабами. Если они смогут, конечно...

— Людская жадность не ведает границ. Ненасытные твари.

— Воистину.

— Но меня вот что напрягает, — тихо сказала Яйра, — они ведь всегда боялись Императора. Напали бы они на него, если бы не имели плана по его свержению?

— Теперь и я об этом буду думать...

— В кое-то веки подумаешь, Сисиль.

— Но как же...

— Все, хватит! Теперь нам нужно позаботиться о себе.

На том мы и решили, хотя и с тяжелым сердцем. Думаю, даже черствой Гертруде было не по себе, и она наверняка волновалась за дорогих ей людей.

Шел шестой день, когда селяне в каюте беспокойно заерзали, а до ушей донесся топот и гул. Корабль причалил к пристани, и матросы спешно таскали по палубе какие-то бочонки и ящики. От всей этой суматохи песок падал нам на глаза сквозь щели между досками. Было бы логично предположить, что мы, наконец, прибыли.

— Выходим! — рявкнул бас нашего надзирателя, и вокруг наших запястий почти мгновенно обвились магические наручники. Мы с недоверием покосились на старика. Тот одобрительно кивнул.

Сразу отмечу, что запасной план у нас был. Знала ли сопровождающая нас стража, что среди заключенных находятся три Императрицы с огромным магическим запасом? Мы решили, что не побрезгуем напасть сами, если дед-шептун (он пускал шептуны почти всю дорогу) не соизволит сдержать обещание.

Мы вышли на палубу, спустились по трапу на вымощенную булыжником дорогу и выстроились в два ряда на небольшой площади. Преступников здесь, очевидно, держали в строгой узде: я насчитала вокруг нашей группы не менее двадцати пяти стражников внушительного вида.

Местность здесь не была открытой. Почти сразу от пристани тянулись вдаль низенькие дома с плоскими крышами, и из окон на нас взирали любопытные глаза. Дороги, в самом деле, были частично занесены песком, но, что удивительно, слева простирался лес. Наши надзиратели называли его Синим, хотя подтвердить название пока я не могла — стояла глубокая ночь, и игольчатые массивы казались попросту темными.

Едва корабль отчалил, а мы тронулись с места, со стороны этого самого леса поднялась самая настоящая песчаная буря! Мы инстинктивно закрыли глаза, хотя стражники с угрожающими криками бросились куда-то вперед, туда, где, как они предполагали, был виновник торжества. В этой суматохе выскочивший откуда ни возьмись дед с силой ударил по наручникам, и те рассыпались в горстку пепла. Не говоря ни слова, он толкнул нас троих в сторону пирса, и мы упали в воду.

Вы не заметили, что 26-ой главы нет, и теперь пошли проверять

— Кличут меня тут Жиросеком, — довольно ответил тощий дед, поочередно разливая в миски жидкую похлебку. Это непотребство с плавающей по поверхности зеленью и единственной картошкой было ударом по величественности аристократии, однако, за все шесть дней нам удалось съесть лишь жалкий кусок булки, которым было попросту невозможно наесться. Поэтому мы и набросились на эту похлебку так, будто бы это была запеченная форель с горькой черной икры сбоку. — Притона у нас нет, кочуем помаленьку, дабы местные правители не нашли. И, как видите, барышни, пока успешно. Команда у нас маленькая — многих уже повязали.

— А сколько было?

— Числилось нас мужей сорок пять. А сейчас...Здесь только мы пятеро, да ещё трое на причале работают. С толпой мешаются. С вами теперь всего одиннадцать, — Жиросек смачно высморкался в грязный платок и принялся чесать язву на щиколотке. Гертруда сморщила нос и отвела взгляд — с самого прибытия в лес её постоянно тошнило и потряхивало.

— Почему вы занимаетесь контрабандой? — спросила я после ужина, когда деревянная плочка сияла своей чистотой. — Только деньги?

— В Зоэтии жизнь непростая. Это одна из немногих стран, где есть рабы и работоторговля. Отличие лишь в том, что у простых людей, не имеющих возможность платить налоги, есть выбор: или рабство у знатных господ, или тяжкий труд, но на свободе.

— Значит, вы выбрали ни то, ни другое.

— Совершенно верно. У таких отбросов общества, как мы, нет возможности пробиться в высший свет — там имеют значение лишь деньги и связи. В большом замке каждый приходится друг другу кумом, троюродным братом, тетей, да кем угодно, лишь бы в богатстве купались «свои». Так и власть сохранить удобнее.

Этот ответ меня чуть успокоил, несмотря на очевидную разницу в слоях общества — я боялась услышать ответ более корыстный и жестокий. Контрабанда с целью выживания и проталкивания личного пути к счастью не могла в моих глазах выглядеть злом.

— Вы, барышни, контрабандистки с Шеэтии? — переспросил Жиросек, хотя вопрос этот и был риторическим. — Выглядите вы, как дамы знатные. Видать, многого добились.

— Да, так и есть. На контрабанде масла и семечек мы нажили неплохое состояние. Чем же торгуете вы?

— Мы провозим в Зоэтию шелковые и хлопковые ткани из Роэтии. Этот товар здесь очень дорогой, а мы на черном рынке распродаем его дешевле. Или выполняем заказы чиновников, которым сотрудничество с нами выгодно. Иногда занимаемся контрабандой драгоценных камней.

— То есть вы хотите, чтобы мы помогли вам наладить незаконные поставки? Это всё, что от нас требуется?

— Наш путь не должен иметь столько преград, сколько он имеет сейчас. Мы должны встать на ноги и стоять на них крепко.

— Хорошо.

Наступила глубокая ночь, и, подбросив в костер несколько сухих веток, мы легли спать, укрывшись овечьими шкурами. Мрак не сразу одолел разум: я долго копошилась в мыслях, чувствуя на себе ответственность — несмотря на то, что здесь три Императрицы, надеяться на Гертруду и Яйру я не могла. Наверяд ли когда-то они участвовали в незаконных махинациях, не думаю, что они вообще представляли себя на месте разбойниц или воровок. Их интеллект и сила позволяли им править целыми секторами, но взамен этой ответственности они получали статус и роскошную жизнь. Теперь же им придется стараться изо всех сил только для того, чтобы не попасться. Смогут ли они приспособиться к новой жизни? (что уж говорить, если даже мне было не по себе). На этот вопрос я смогу ответить лишь спустя время, а пока моей колыбелью служили мужской храп и тихие завывания Гертруды.

Встав ни свет, ни заря наша группа отправилась напрямик на окраину близлежащей деревни — там стоял трактир, в котором мы собирались встретиться со всеми контрабандистами. Мужчины это оказались невысокого роста, загорелые и очень хмурые, даже испуганные, готовые в любой момент броситься наутек и исчезнуть в огороде среди грядок с кочанами. Пятеро из них уже имели семьи и давно переступили сороковой порог, пускай по их внешнему виду подумать о подобном было трудно. Ещё один лишь только недавно отпраздновал совершеннолетие, а двое других оказались крепкими молодыми парнями привлекательной наружности. Настолько привлекательной, что Гертруда позади меня будто бы невзначай принялась поправлять декольте.

— Мы все друг друга по другим именам зовем, — ответил Жиросек после недолгого представления, — чтобы, если кого-то поймают, из него не смогли магией правду вытянуть. Поэтому я Жиросек, а это Тампоний, Чеснок, Румпельшпильцхен, Фуфик, Щегол, Сардина и Федот. Как нам называть вас, барышни?

Воцарилось молчание. Я украдкой взглянула на своих спутниц и тут же поняла, что они смотрят на меня. Их взгляды так и говорили: «Раз ты сюда ступила, то дальше и веди». Хорошо.

— Это Пубертатия, — указала я на Гертруду. — Это имя значит, что после долгих тяжелых времен непременно

наступит спокойствие и счастье.

— Какое красивое имя, — воскликнули мужчины, и даже сама Гертруда довольно ухмыльнулась. Среди всех присутствующих вновь лишь я знаю, что к чему на самом деле. Я поднимаю себе настроение, как умею и могу. Не стоит меня осуждать.

— Это, — указала я на Яйру, — Похуистия. Это имя означает человека хладнокровного и владеющего собой.

Яйра улыбнулась, но после нахмурилась. Наверное, её смущала часть «ху» в своем новом имени.

— А меня зовут...Херанука. Херанука Пороялю.

— Мы рады, что в наши ряды вступили такие опытные контрабандисты. Мы очень рассчитываем на вашу помощь.

После рукопожатий и пожеланий друг другу всякого хорошего, мы выпили дешевого пива, сев вокруг большого круглого стола. Если мы не провонявший трактир, рыгающие посетители и выбитые стекла, можно было бы решить, что у Артура новое место для собраний. Как бы то ни было, а нас принялись вводить в курс дела — я заметила, что среди контрабандистов всё принято делать максимально быстро, даже, если дело касается изложения информации.

Узнала я немного, а то, что узнала, оказалось отнюдь не воодушевляющим. За поимку каждого контрабандиста назначалась кругленькая поощрительная сумма, поэтому появляться мы могли только в деревнях, где бедные люди относились к нам с пониманием (не столько из солидарности, сколько из-за того, что семьи наших коллег жили в селах, а их соседям нередко перепало что-то от контрабанды). В городах появляться было опасно — стражи очень строго относились к бедному слою и устраивали допрос по делу и без него. Цены на контрабандные товары, в самом деле, были заломлены, поэтому на черном рынке все раскупали очень и очень быстро. Думаю, именно поэтому всех незаконных торговцев и пытались поймать, как можно скорее.

Тампоний — он прятал лицо, так как жил в городе и держал связь с Роэтией, откуда поступали товары — сказал, что следующая поставка пребудет через неделю, а до тех пор мы должны все подготовить к транспортировке и продаже. Выгружали ткани не в пристани, а на заброшенном берегу, вот только стражи давно взяли это место под охрану, а другого подходящего места более не было. Но сейчас остро стоял иной вопрос — мы сбежали почти из тюрьмы. С вероятностью в девяносто процентов нас примутся искать!

— Нужно изменить внешность, — предложила Яйра, когда мы устроились в крохотной комнате на втором этаже таверны. — Так нас ни надзиратели, если что, не узнают, ни другие Императрицы, если им вдруг понадобится наведаться в Зоэтию.

— Был бы здесь маг-иллюзионист, — мечтательно произнесла Гертруда, накручивая прядь на палец.

— Нет, никакой магии. У них могут быть артефакты, что эту магию развевают. Да и нет у нас такого мага. У Сисиль магия флориста, у меня водная, а у тебя, Гертруда, — вещественного метаморфоза. Ты правда не может превратить себя в кого-то другого?

— Я же говорила, что могу только превращать одни предметы в другие с рядом исключений.

Тут за окном внезапно раздался тройной свист — сигнал тревоги. Жиросек говорил нам о том, что обычно это означает внезапно нагрянувшую стражу. Вскочив со стула, я высунулась в окно, но никого не увидела. Контрабандисты, безусловно, своих не бросали, сигналы давали, обо всем предупреждали, но бегали уж очень быстро. Я больше чем уверена, что наши коллеги уже неслись к лесу со скоростью в 60 км/ч. Винить их я, конечно, не буду: в подобных ситуациях каждый сам за себя, но вот нам сейчас жизненно необходимо держаться втроем.

Едва я только распахнула окно, как нашу дверь жестоко вышибли, и на пороге появились арабской внешности стражи, одетые в белые одеяния и держащие наготове острые сабли. Из-за светлых арафаток я не могла разглядеть их лиц, зато они наши — вполне.

— Не дайте им уйти! — заорал, очевидно, капитан, но я недооценила своих спутниц. Они с такой прытью рванули к окну, что не успела я и моргнуть, как Яйра уже карабкалась по подоконнику.

— Задержи их! — крикнула Гертруда. — Прочитай заклинание!

В смысле читать? Я всегда колдовала молча! Или, когда я произношу магические слова, мои враги должны, как в фильме, остановиться и дослушать? Хорошо.

Яйра уже выпала из окна, и настал черед карабкаться Пубертатии. Стражи кинулись в нашу сторону, но я угрожающе взмахнула руками, решив для эффекта начать орать басом. Они чуть притормозили — у меня было действительно злое лицо, ведь я хотела в туалет, — и начали кричать, что я ведьма. Именно, мои дорогие! А сейчас могущественная Сисиль прочтет своё первое заклинание!

— Солнце, небо и лучи...По хлебалу получи! — воскликнула я, и в эту же секунду в мужчин полетели выросшие вонючие стапелии. Комната тотчас заполнилась смрадом, и я, предварительно вытолкнув Гертруду, сама вылетела из окна.

Теперь уж точно придется менять внешность.

Так началась наша контрабандистская жизнь в Зоэтии.

Такова история того, почему меня вскоре прозвали Зловонной Ведьмой.

— Зловонная ведьма Херанука! Зловонная ведьма Херанука со своими приспешницами Похуистией и Пубертатией! Бежим! — кричали горожане, стоило нам появиться на горизонте с не выпавшими лицами и разодранными авоськами, в которые мы складывали покупную еду. Впрочем, назвать её покупной было трудно, ведь все продавцы убегали, оставляя товар на полках, но мы, будучи леди из высокородных домов... Что, думали, я скажу, мол, мы оставляли деньги и брали еду? Как бы не так. От жадности и голода мы нагребали столько, что еле уносили продукты в логово. Оплатой тут даже и не пахло.

Просто удивительно, как один глупый случай выставил меня всеобщей злодейкой. Должны быть, такова жизненная миссия Сисиль — становится в каждой стране, в каждом городе, в каждой закутке врагом народа. Но это случай — что-то из ряда вон выходящее. Народ Зоэтии оказался очень осторожным и даже пугливым (в этом я убедилась, наблюдая и за своими соратниками, и за обычными жителями), и это лишь способствовало распространению ложных сплетен и слухов. Всего за неделю Зловонная ведьма Херанука стала главным антагонистом песчаных земель.

Как вдруг оказалось, то именно под предводительством Херануки работают оставшиеся на воле контрабандисты, что, впрочем, было недалеко от правды. Увидев, как ловко мы избежали стражи, наши трусливые товарищи провозгласили нашу троицу главарями, чуть ли не скинув на нас свои заботы. Полагаю, такова была наша плата за дарованную свободу — все лучше, чем долбить камни в Крепости. Также стало известно, что Херанука плюется ядом и живет в болоте, питаясь грибами и душами людей. Это, к несчастью, тоже было верно. Избегая преследования, мы забрались в настоящую вонючую трясику, в которой Жиросек, к удивлению, ориентировался. Еды там было мало, контрабандистские товары закончились, и на нервной почве я постоянно срывалась на мужчинах, что уже и сами стали верить в стоящую перед ними Зловонную ведьму.

Набеги на близлежащие городки мы совершали редко, но метко. Никто по-хорошему с нами говорить не желал, никто в покое оставлять нашу группу не собирался, поэтому мы выживали, как могли. Что уж, даже Яйре и Гертруде хватило семи дней, дабы приспособиться к разбойничьей жизни и посмаковать её горький вкус. Мы красили волосы, намазывали лица косметикой, но раз за разом люди разоблачали нас и убегали, даже не желая слушать. Их недоверчивость и осторожность сколь поражали, столь и раздражали. Я не собираюсь задерживаться в Зоэтии, но не могу покинуть её, не выполнив клятвы — мне и без того живется непросто.

Гертруда занималась связью с Роэтией (она знала все торговые пути, а также разбиралась в тканях и украшениях), Яйра, благодаря водной магии, следила за тем, чтобы нас никто не нашел, а я наводила на людей ужас своим появлением. Зловонная ведьма Херанука стала настолько страшной личностью, что набеги на нас стражей стали всё реже и реже — они сами породили этот слух, сами его усугубили и сами в итоге стали меня бояться. Жители Зоэтии чрезмерно самостоятельные люди. Это дало нам почву для первых шагов.

Прошлым вечером я обмазала лицо грязью и, высунув язык, выбежала с криком на охрану, что стерегла второй берег. Яйра и Гертруда долго издевались надо мной после столь эффектного появления, но ещё больше все смеялись над стражами, убежавшими в город так быстро, что я даже из леса полностью вылезти не успела. Как бы то ни было, той же ночью корабль с контрабандой прибыл к этому берегу, и мы выгрузили сотни товаров, что были после отправлены на черные рынки. Финансовыми вопросами занимался Федот, поэтому он был всегда грустным, однако, вскоре повеселел, отчего мы поняли, что свет незаконной жизни заглянул и в наши окна.

— Эй, Херанука...

— Что, Пубертатия?

— Свалить бы нам отсюда побыстрее, — шепнула она мне, когда мы втроем притаились в одном из закутков черного рынка. — Всё ведь идет неплохо? Мы же выполнили обещание?

— Мы приняли только одну поставку, — огрызнулась я. Гертруда постоянно просилась домой, и это сильно теребило и без того расшатанные нервы. Я волновалась о Мордоре так сильно, что иногда не могла уснуть. — Это незаконченное дело.

— Слушай, одно имя Херануки вызывает ужас. Пусть они этим и пользуются, а нам пора.

— И что мы сделаем, когда прибудем? Мы ничего не знаем о том, что сейчас происходит в Шеэтии. Нам нужна информация, тогда уже и будем думать.

Гертруда недовольно цокнула, но тему продолжать не стала. Яйра дернула меня за рукав, когда в проулке показался Чеснок, обмотанный в скрывающие его одежды.

— Весь товар продан, — не без радости заявил он, — наша доля уже у Федота.

— Отлично. Он сказал что-нибудь?

— Только то, что следующая партия будет через неделю, и нам нужно придумать что-то с причалом. Тот берег вновь взяли под наблюдение, больше там высадиться не получится.

— Я сделаю новый, — кивнула Яйра, — помните, тот, другой берег? Я использую магию, и корабль сможет

подойти ближе.

— Вот и решили.

Яйра отправилась вместе с Чесноком в очередное временное логово, Гертруда решила отпраздновать первое незаконное дело вместе с красивым Румпельштильцхеном в таверне, а я принялась блуждать по улочкам черного рынка. Это место, наполненное сделками, ворами, гадалками и бедняками, было единственной возможностью пройтись по узким каменным улочкам, а не по грязи и трясине. Здесь никто не обращал внимания на то, что ты скрываешь лицо капюшоном, никто не приставал с расспросами, и, что более важно, никто здесь не боялся Херануку. Несмотря на то, что на черном рынке её лицо считали криминальным авторитетом, я предпочитала прятать волосы за мантией, а лицо — за капюшоном. Всё же изредка сюда наведывался кто-то из смельчаков стражей, на счастье которого многие товары к тому времени были распроданы.

Я медленно шла вдоль низеньких рядов, постоянно протискиваясь через толпу — улицы здесь были действительно узкие. Магические шары, черепа, украденные украшения — казалось, здесь было всё, что только можно стащить и незаметно протащить. Я надеялась найти то, что поможет мне каким-либо образом связаться с поданными из Мордора, но все артефакты были или абсолютно бесполезными, или излишне подозрительными. К сожалению, я потратила время впустую, и отправилась потайными ходами прочь с рынка, давась жутким чувством неведения и пустоты. Наверное, я очень скучала — иного описания этого чувства было не найти.

Уже смеркалось, и многие дома загорались желтыми фонарями, что горожане вывешивали на домах. Кажется, сегодня был некий значимый праздник, вот только прогуляться по веселым улицам, кушая сладости и скупая сувениры, мне было не суждено. Да, я должна вновь вернуться в свою трясину к своим лягушкам и лосям. Сколько ещё это продлится? Почему я не имею права на спокойную, лишённую этих жутких встрясок жизнь? Безусловно, серое существование с одинаковыми буднями — не есть решение, и, скорее, это не менее длительная пытка, однако, я не говорю впадать из крайности в крайность. Проблемы, так или иначе, и впредь будут вставать перед нами, но мы решим их и будем идти дальше, так почему я, решая одну проблему, незамедлительно погружаюсь в ещё худшие? У меня будто бы нет времени, чтобы вдохнуть свободно, нет времени насладиться миром, в который меня занесло...

Думая об этом, я кралась по темным переулкам, стараясь не привлекать к себе никакого внимания — горожане очень пугливы и поднимут шумиху из-за любой промашки. Пытаясь пересечь очередной перекресток, я вдруг услышала удивительно прекрасную и теплую мелодию. Что удивительно, она показалась мне до боли знакомой, и, воспользовавшись тем, что вся толпа крутилась вокруг источника музыки, я добежала до поворота, где стоял бочонок. Вскочив на него, я увидела голову играющего, но, как и предполагалось, он был мне незнаком. Музыкант оказался смазливый, но очень милым, внешность его я могла бы назвать ангельской, что наверняка бы огорчило Лайма, считавшего себя самым прекрасным мужчиной на земле.

— Как называется эта мелодия? — спросила одна из женщин в толпе, но за музыканта ответил слуга, стоявший рядом.

— Это серенада, которую мой господин исполняет своей потерянной возлюбленной.

Девушки незамедлительно ахнули, чуть ли не в унисон, и наверняка преисполнились к одинокому парню самой глубокой симпатией, на которую были способны. Но где же я слышала эту мелодию? Почему она кажется мне такой знакомой, как если бы я сама её сочинила когда-то, но позабыла? Наверное, это шарлатан, что украл песню у автора из Шеэтии. Если подумать об этом, что слушать больше и не хочется...

Я принялась слазить с бочонка и сделала это очень вовремя — позади меня раздались крики стражи:

— Ведьма Херанука! Схватите её!

Спрыгнув на землю под людские крики, я смотрела, как пугливые овощи удалялись вдаль. Поверьте, дорогие, я хочу сибаса побыстрее не меньше, чем вы. Скинув капюшон — он, очевидно, мне уже не нужен — я вскинула руки вверх, заставляя стражей замереть на месте.

— Сейчас, как навоняю!

Мой главный враг — освежитель воздуха в туалете, а не вы, ссыкуны.

— Зажать носы! — заорали стражи, и все, как один, схватились за свои носопырки. Я с недоверием покосилась на это представление. Они правда думают, что вонь — моё единственное заклинание? Хорошо, мухоловки-переростки, техника призыва, ваше время пришло!

Я прочистила горло, вновь взмахнула руками, но в это мгновение кто-то выскочил из горожан прямо передо мной. Неужели в этом городе нашёлся хотя бы один храбрый житель? А, нет, это не зэтиец. И что же тебе нужно, музыкант?

Хрупкий парень с синими волнистыми волосами, что были перевязаны яркой розовой лентой — под цвет его радужки, спешу заметить, — раскинул руки так, будто бы собрался защищать меня. Почему «будто бы»? Он тотчас повернулся ко мне, отчего складывалось впечатление, что музыкант защищает стражу.

Наши взгляды встретились, однако, ничего не произошло. Я смотрела на него удивленно, но раздраженно (все-таки этот парень тормозил демонстрацию моей истинной мощи), зато он смотрел на меня так, будто бы увидел

самого настоящего призрака. Его глаза слезились, а пальцы дрожали. Смотри на меня сверху вниз, он выглядел гораздо слабее меня самой, несмотря на то, что его широкие плечи и узкий таз делали его хрупкое тело крепче и мужественнее. Он приоткрыл губы, явно пытаясь что-то сказать, но промолчал, ловя ртом воздух, как рыба. Настолько испуган, что боится говорить?

Я сделала шаг в сторону, но он последовал за мной, зачем-то указывая на свои губы. Я вскинула руку, чтобы призвать растения, но он незамедлительно вцепился в моё запястье. Разозлившись, я хотела атаковать и его, но что-то меня останавливало, будто бы кто-то изнутри схватился за плечо, не позволяя совершить против этого музыканта ничего плохого. Что происходит? Я совершенно ничего не понимаю! Хорошо, бежать, так бежать. Развернувшись в совершенно противоположную сторону, я резко устремила в темный проулок, но тут мне в голову прилетела какая-то склянка с совершенно непахнущей жидкостью.

Так и попала в тюрьму Зловонная ведьма Херанука. Стаж деятельности — одна неделя и два дня.

— Сижу за решеткой в темнице сырой. Охранник Исирий, кажись, голубой...

— Не в вашем положении, Херанука, угрожать мне. Оставьте свои проклятия при себе, — буркнул рослый детина, даже не обернувшись. Я могла бы оставить попытки высасывания чужого терпения, однако, в этой тюрьме я была пиявкой государственного бюджета, и, что куда важнее, мне было жутко скучно. Вот уже третий день я сидела в темной камере, интерьер в которой состоял из лавки с матрасом и ведра, отдающего, сами понимаете, чем. Мои скромные надежды на то, что Гертруда и Яйра попытаются меня вытащить, я оставила на входе прежде, чем войти, — на их месте я бы тоже не спешила геройствовать. Против нас целая страна, а из соратников чрезвычайно осторожные и пугливые мужчины.

— С причала рыбачил опоссум Афрей, и лапой он бил по воде. Афрей доставал из воды окуней и бил их башкой по земле, — запела я, вспомнив мелодию из своего мира. — Выбрасывал сразу он окуней, на них ему было плевать. Рыбой вообще не питался Афрей. Он просто любил убивать.

— Если вы сейчас же не замолчите, я позову магов, и они лишат вас голоса.

Обидно. Но я могу его понять, ведь он на работе, за которую ему платят. И всё же, как иронично то, что, пытаясь избежать тюрьмы, я сюда же и попала. Правда, в иную тюрьму. Но хрен редьки не слаще. Всё ниже, и ниже, и ни-и-иже. Из князей в грязи? Тогда я с нетерпением жду обратного превращения, точнее, возвращения в родные и привычные статусы. Есть ли хоть какая-то польза от моего нынешнего местоположения? Наверное. Есть крыша над головой, питание бесплатное, я не бегаю по болотам и не думаю о поставках. Возможно, в связи со сложившейся ситуацией, долг Жиросеку прощен, и он вообще меня на воле более не ждет — что в целом неплохо. Но, признаться честно, задерживаться здесь на слишком долгий срок я не желаю по многим причинам, одна из которых заключается в возможной казни — местные чиновники решают проблемы уж очень радикально, и им будет все равно на то, кем я была прежде. Как бы то ни было, я уже спасала свою жизнь несколько раз и намерена сделать это снова, чего бы это ни стоило. Не в моих принципах сидеть и ждать приговора, когда истинная причина всех свершившихся проблем сидит в Шеэтии, устраивая заговор. Мне зачем-то дали второй шанс и, очевидно, не зря. Думаю, я смогу воспользоваться им сполна. Ну, а пока...

— Знаете, я гадалка. Могу вам что-нибудь предсказать. Хотите?

— Нет.

— А зря. Я вижу, что в ближайшем будущем у вас появятся проблемы с девушками и водоснабжением.

— Я женат.

— А я Херанука... Что? Шутка не зашла?

— Нет.

— Серьезный вы парень. Не волнуйтесь. Вашего здоровья хватит аж до конца вашей жизни.

— Что?

— Да так... Как думаете, кого любит честный ребенок?

— Маму и папу.

— Нет. Честный ребенок любит мороженое.

— Вы мне надоели.

— А вы мне. Давайте вместе сбежим на какой-нибудь остров, построим шалаш, нарвем кокосов...

— Я больше с вами не разговариваю.

— Но почему?

Больше мне Исирий не ответил. Он обиделся? Какие тут нежные мужчины... Я ведь попросту жажду человеческого общения в попытках унять тревогу и заглушить злобу. Всё происходящее за чем-то испытывает меня на прочность, но я ведь не из титана сделана. Можно ли обречь кого-либо на вечные провалы? Когда ты старательно карабкаешься к свету, стирая руки, набивая мозоли, поскользнувшись на ошибках, и срываешься вниз из-за того, что кто-то, кто уже стоит на вершине, пинает камни в твою сторону. Я рада, что переродилась, сохранив воспоминания и характер — родные качества позволяют мне стойко выдерживать испытание за испытанием, но ныне я благодарна ещё и тем, кто ждет меня дома. Я уверена в том, что меня ждут, пускай долгое время сомнения были моими злейшими врагами.

В конце коридора скрипнула дверь, после чего стены темницы наполнились приглушенными быстрыми шагами. Мой надзиратель неожиданно, но крайне почтительно поклонился, да так низко, словно бы в тюрьму спустился сам король. Безусловно, мне стало крайне любопытно, но сильно высовываться не пришлось — гость сам остановился напротив, поставив меня в положение злобы и удивления. Увидеть здесь музыканта я даже не надеялась, ведь я считала его соратником стражи, что помог поймать ведьму. Демонстративно хмыкнув, я села на лавку, показывая тем самым, что с Мальвиной я разговаривать не намерена — ты свой долг выполнил, вот и иди, свети своей мордашкой на площади. И нет, я не собираюсь прощать его только потому, что он выполнял работу. Я

уже обиделась. Моё положение ныне шаткое, а третье перерождение я навряд ли перенесу, да и не хотелось бы смотреть на мир головой, которую тебе когда-то отсекали...

Синевласка показала стражу записку, и тот незамедлительно покинул пост, оставив нас наедине. Значит, это местный богатеи? Миллионер, филантроп, хобби — игра на музыкальных инструментах? Не имею ни малейшего желания с ним разговаривать после того, что он сделал. Безусловно, не он кинул мне в голову склянку, но именно он прицепился ко мне, как репейник, тем самым, задержав! Мужчина ласково улыбнулся. Я встретила его взглядом отвращения.

Выдвинув из-за угла небольшую скамейку, он сел, покорно сложив руки на коленях и принявшись неожиданно меня рассматривать, что вызвало внутри моей недовольной душонки бурю возмущения. А, может, всё произойдет, как в тех женских романах, где мужчина встречает женщину, влюбляется в неё с первого взгляда, а затем добивается всеми возможными способами? Тогда мне следует строить из себя неприступную крепость — я где-то слышала, что мужчинам не нравятся быстрые победы. С другой стороны, этот милостивый ангел совершенно не похож на того, кто мог бы устроить нечто подобное. Скажу больше, этот парень выглядит так, будто всегда помогает бабочкам вылезти из паутины.

Взгляд его показался мне странным: настолько он был нежным, радостным и слезливым, что я позабыла о гневе, растерявшись. Никто не смотрел на меня так прежде, так, будто бы кроме меня в мире и людей больше не было. Это импонировало. Даже, если это была умелая актерская игра и очередной обман, это, в самом деле, импонировало.

— Я же тебе ничем не мешала. Зачем ты помог этим...поймать меня?

Музыкант растерянно раскрыл свои влажные розовые глаза, показав на лице легкий испуг. Почти мгновенно он отрицательно замотал головой, вцепившись руками в прутья решетки.

— Что? Как тогда объяснишь своё поведение?

Парень виновато опустил взгляд. Костяшки его длинных пальцев сильно побелели от сжатия решетки, но он продолжал молчать с тем лишь отличием, что ныне он на меня не смотрел. Если подумать, то и в прошлый раз он не говорил...

— Ты немой?

Да. Я воплощение отсутствия толерантности, но этот бард, наконец, согласно кивнул, достав из внутреннего кармана небольшой блокнот — тот был почти заполнен. Несколько секунд он что-то старательно выводил на последних пустых листах, после чего показал написанное мне.

«Меня зовут Авалон. Я бард из Роэтии, и я безмерно счастлив вновь быть рядом».

Словосочетание «бард из Роэтии» жестоко полоснуло по моему разуму, дополняя услышанное прежде со смазливостью присутствующего здесь мужчины. Может ли этот музыкант быть тем самым..?

— Я не помню тебя, — грубо призналась я, но бард вдруг понимающе кивнул и даже ласково улыбнулся. Его взгляд негласно говорил мне «Я знаю». Он вновь протянул мне блокнот.

«Я счастлив просто видеть тебя живой».

Странный выходит разговор. Мне кажется, что ответ уже передо мной, и всё же он ускользает, стоит протянуть руку. Я почти уверена в том, что Авалон — тот самый возлюбленный Сисиль, кому не посчастливилось быть украденным Сильвией и кто смог успешно сбежать в Роэтию. Именно ему Сисиль доверяла все свои тайны...

— Ты...королевский бард?

Он чуть удивился, едва вскинув брови, но после покорно кивнул, озаряясь улыбкой. А он очень даже...милый... Ну, нет-нет, наверняка, это непогасшие чувства Сисиль, что вбрасывает свои воспоминания в мою головешку редко, но метко. Почему же теперь ты молчишь? Есть что-то, что даже мне знать, точнее, вспоминать, не стоит?

— Ты поможешь мне? Я не должна тут быть.

Удивительно, но и в этот раз Авалон согласно опустил голову, взявшись за карандаш.

«Я вытащу тебя отсюда. Я наврал королевской семье, что Херанука — ведьма из Роэтии, которая под действием чужих чар прибыла в Зоэтию. Я пообещал им, что верну тебя домой и сниму чары. Они поверили».

Как только я прочитала текст, Авалон вырвал лист и сжег его над ближайшей свечой. Теперь улыбнулась уже я.

— Неплохо. Я думала, ты не умеешь врать.

Музыкант хмыкнул и неопределенно повел плечом. Думаю, и его жизнь заставила пересмотреть свои приоритеты.

— Но мне нужно забрать с собой ещё двоих. Ты, наверное, и сам понял, кто это...

Авалон вопросительно поднял брови. Я попросила у него блокнот, в котором написала имена Яйры и Гертруды. Музыкант остался потрясенным. Там же я написала последнее местонахождение контрабандистов, решив, что Яйра узнает моего барда, и тот поможет сбежать и им.

Мой надзиратель вернулся, и Авалону пришлось уйти, бросив мне напоследок уверенный и преданный взгляд. Я села на лавку и решила, наконец, отстать от Исирия. Теперь я могла выдохнуть спокойно и немного расслабиться.

Ветер мягко трепал белоснежные паруса, и сидящая на деревянном ящике Гертруда корпела над бумажным пакетом, с трудом сдерживая рвотные позывы. Яйра лежала в каюте, восполняя недосып последней недели, и тишина на палубе казалась мне ужасно странной — настолько быстро я привыкла к постоянному шуму и ожиданию засады. Получить удовольствие от посещения Зоэтии я не смогла и ныне задумчиво смотрела на далекие берега, что отсюда выглядели зелеными, но никак не песчаными. Достопримечательности, культура, обычаи и традиции — всё прошло мимо, оставив чуть уловимый аромат болот и узких улочек, в которых запах выпечки отвратительно смешивался с потом, дешевыми духами и грязными ногами. К сожалению, я запомню Зоэтию именно такой. Быть может, в далеком будущем я вернусь сюда законно и безбоязненно, и тогда все жители вновь построят кирпичный завод по случаю прибытия Херануки.

Будущее... О нем приятно думать. Несмотря на то, что испытания приходят в мой дом излишне часто и выламывают дверь с ноги, я скромно надеюсь на закон, по которому в конце тяжелой истории случается добрый конец. Странное чувство, которое я могла бы описать тоской, но не стану, тянуло назад в Мордор к тем, к кому я, к сожалению, успела привязаться. Я будто бы намеренно оставила их на произвол судьбы в рассаднике гадюк и жутких заговоров, но могла ли я им хоть чем-то помочь? На удивление вся моя надежда пала на Императора. Жуткий, хмурый, со своими змеями в голове — теперь он казался единственной опорой, единственным оплотом, против которого змеюки боялись идти. Всё ли с ним в порядке?

Признаться честно, во мне бушевал диссонанс. Я чувствовала необходимость быть в Шеэтии, даже при полной своей бесполезности, но с другой стороны рассуждала о том, стоит ли мне вообще туда возвращаться. Я никогда не отличалась особой совестливостью и могла похвастаться больше эгоизмом, нежели самопожертвованием и милосердием. Жизнь дала мне второй шанс, так почему я не могу создать счастье в любом другом месте? Почему бы не начать всё с чистого листа в Роэтии? Этот бард, кажется, богат и знатен, и, что более важно, не чаёт во мне души...

Я украдкой взглянула на Авалона. Он сидел рядом, периодически поправляя синие пряди за ухо, когда ветер выбивал прямые волосы из низкого хвоста. Воплощение элегантности, скромности и благородства — он даже не трогал моей руки, лишь изредка позволяя себя мимолетный теплый взгляд. Рядом с ним я чувствовала себя главной путаной на районе. Наверное, нам следовало бы поговорить, вот только Авалон оказался немым — данные факт несколько не укладывался в моей голове, ведь внимательная Яйра, что первая и напомнила мне о бывшем возлюбленном, не сказала об этом ни слова. Вопросы скапливались в голове, вот только задать их было неловко. Я видела, что блокнота у барда под рукой нет, а язык жесток был мне неведом.

Это странное свидание длилось недолго, начался ужин, а после появился третий лишний, оказавшийся помощником Авалона и его ближайшим советником. Его имени я не знала и вряд ли бы запомнила, но до того он был низок ростом, что про себя я назвала его Хоббитом — на Гнома он не походил в виду своей хрупкости и аккуратности. Исходя из их общения — Хоббит использовал язык жестов — я поняла, что тот привязан к Авалону и очень ему предан. Исполнительность в работе лишь доказывала вполне очевидный факт.

— Могу я спросить кое-что личное?

Услышав мой голос, бард обернулся и незамедлительно кивнул. Сейчас, когда рядом был Хоббит в качестве переводчика, мы могли и поговорить.

— Ты... всегда был немым? — отчего-то меня сильно беспокоил этот вопрос и, видимо, не зря. Услышав его, Хоббит стал пунцовым от душащего его недовольного возбуждения. Он взял себя в руки прежде, чем это заметил Авалон, однако, музыкант вдруг отрицательно покачал головой.

— Ты не хочешь мне говорить об этом?

Он кивнул в знак согласия.

— Однако об этом надо говорить, — вмешался Хоббит, отмахнувшись от предостережений своего господина, — и я скажу!

Авалон изменился в лице: стал хмурым, бледным и даже несчастным, будто бы на него нахлынули воспоминания. Наверное, произошло что-то ужасное, но у меня не было времени на деликатность, ведь, если я буду услужливо обходить все жестокие вопросы стороной, я проживу свою жизнь в абсолютном неведении.

— Госпожа, расскажите, вы... помните о том, что произошло? Мы знаем, что вы потеряли память, поэтому не тревожьтесь.

— Откуда вы вообще это знаете?

Хоббит переглянулся с бардом — тот всё еще выглядел недовольным, явно считая, что в подобном разговоре мне участвовать не стоит.

— Я расскажу всё по порядку, но для начала ответьте вы.

— Я знаю о произошедшем только со слов других. Я знаю, что Авалон был дорогим мне человеком, которого я

сильно любила, — здесь бард чуть покраснел, и выглядело это на недовольном лице жутко мило, — но после, воспользовавшись неурядицей в моем секторе, его как-то забрала Сильвия, а потом я узнала, что ты от неё сбежал в Роэтию.

Хоббит тяжело выдохнул. Музыкант опустил взгляд, источая ауру горечи.

— Мой господин отправился к Сильвии по политическому вопросу, чтобы избавить вас от проблем, но эта Императрица схватила нас и заперла в своем замке. Он предлагала господину стать фаворитом и перейти под её крыло, но он, конечно же, отказался. Не раскрывая всех тягот, которые нам пришлось вынести, скажу лишь то, что нам удалось выяснить планы Сильвии касательно вашего сектора — тогда она предпринимала попытки присоединить девятый сектор к себе и готовила с другими Императрицами заговор против Его Императорского Величества — и мы решились сбежать, чтобы предупредить вас.

Тут Хоббит умолк, с трудом сглатывая.

— Но нас схватили. Меня попытались тут же убить — но, как видите, я оказался слишком живуч — а господину...Моему бедному господину отрубили язык, чтобы тот ничего не смог никому передать, и кинули в темницу...

Приоткрыв губы, чтобы выразить ужас, я вдруг заметила, что и сама не могу ничего сказать. Настоящий шок от услышанного парализовал голосовые связки, и я глупо хлопала широко раскрытыми глазами, пытаюсь вообразить себе что-то столь средневековое и слишком жестокое. В это было...просто невозможно поверить! Ему отрубили язык...Перед моими глазами предстала эта окровавленная картина с криками боли, и по телу пронеслась дрожь. Как этот ангел может так улыбаться после всего того, что с ним произошло? Я подумала о том, какой у него был нежный и приятный голос...

— Нам удалось сбежать вновь, палачи недооценили мою живучесть, — продолжил Хоббит, — но нас снова быстро обнаружили, и нам не оставалось ничего другого, как бежать к берегу. Там нас ждали люди из Роэтии — они помогли уйти. Мы не смогли предупредить вас...Чтобы обезопасить собственные планы, Сильвия временно закрыла единственный порт между нашими странами и отслеживала письма. Тогда мы отправились к провидице, дабы та связалась с вами, но неожиданно она заявила, что не может этого сделать. Она сказала, будто бы вас опекает темная энергия, будто бы эта энергия обрубаёт связь с прошлым. Мы не поняли, что это значит. Поняли лишь то, что шанс связаться с вами потерян...Хоть мой господин больше не сможет сказать вам этого, но он жил мыслью встретить вас вновь.

Я повернула голову к Авалону, невольно бросая взгляд на его рот. Он грустно улыбнулся, касаясь рукой моего плеча. Отпустив формальности, я придвинулась ближе и крепко обняла барда. Обняла, негласно благодаря за преданность, прося прощения за испытанные муки. Он прерывисто выдохнул мне в шею и, кажется, закрыл глаза. Если ему так спокойнее, то я не против посидеть и подольше...

— Так что же случилось с вами, Императрица?

— Не пугайтесь, но в то время меня, очевидно, пытались убить и почти успешно.

Авалон резко отпрянул, чуть встряхивая меня за плечи и словно бы проверяя, что со мной всё в порядке. Как будто бы это покушение было пару минут назад, но никак не год. Я улыбнулась и взяла его за руку — очень теплую и тонкую.

— Наверное, я пережила клиническую смерть. И, когда вы пытались связаться со мной, пребывала именно в таком состоянии. Но, как видите, мне дали второй шанс. Вот только, чтобы начать жизнь с самого начала, прошлые воспоминания не нужны.

Не могу я сказать ему, что ныне в теле Сисиль другой человек. Он столько пережил ради возлюбленной, что я не имею права огорчать его столь ужасной новостью.

— Мы рады, что с вами всё в порядке, — облегченно выдохнул Хоббит, — теперь мы можем вернуться в Роэтию. Встретить вас в Зоэтии — настоящее счастье и огромная удача.

Авалон вдруг поцеловал мою кисть и прижал к своей щеке. Я поняла, что такой простой, почти невинный жест вызывает смущение и краску на щеках.

— Мой господин бы искренне желал, чтобы вы остались с ним в его имении. Чтобы вы...просто остались с ним.

В подтверждение этим словам Авалон кивнул и посмотрел на меня добрыми и надеющимися глазами. Мне пришлось виновато отвести взгляд.

Что же делать? Стоит ли беспечно отбросить все прочь и зажечь новой и, я уверена, счастливой жизнью? Стоит ли навсегда связать свою жизнь с Авалоном и позабыть о прошлом? С первым я готова согласиться, но со вторым...Да разве можно вообще о таком забыть? Я Императрица. Я дала Мордору второй шанс, я дала ему имя, дала ему флаг, я открыла для него подсолнухи и оливы, я нашла там верных советников, странных фаворитов и честных людей, и я бы хотела вернуться, как бы глупо это ни прозвучало. Да, я отказываюсь от мирной и спокойной жизни в красивом райском уголке и выбираю угрюмый Мордор, окруженный очагами злости и подлости. Может, я

и принимаю глупое решение, но не забывайте, что мое второе имя Херанука. И херану-ка я по общепринятым нормам!

— В Шеэтии мой дом, — улыбнулась я, чувствуя вину, — и, что бы там ни происходило, я хочу вернуться. Там остались дорогие мне люди. Возможно, они страдают. Как же могу я наслаждаться жизнью...

Авалон вдруг понятливо кивнул и жестами что-то показал Хоббиту. Тот удивленно вскинул брови, но смиренно опустил голову.

— Господин говорит, что всё прекрасно понимает и поддержит вас, куда бы вы ни пошли. Он сказал, что пойдет с вами... Но не сейчас. Несмотря на переполох, попасть в Шеэтию сейчас невозможно. Нужно дожидаться письма от посла. Он расскажет о том, что происходит.

— А вы не знаете, что сейчас там происходит?

— Только слухи. Говорят, что настоящая гражданская война. Центр во главе с Императором объединился с пятым, восьмым и девятым регионом, чтобы дать отпор другим секторам.

Я добродушно взглянула на блюющую за борт Гертруду. Наши регионы приняли правильную сторону, но, надеюсь, они сейчас в порядке.

— Прямо по курсу! — закричал один из матросов, что сидел на мачте. — Что-то приближается!

— Корабль? — крикнул ему в ответ капитан.

— Нет, по воздуху! Что-то большое летит сюда! Птица!

— Тогда чего ты шуму поднял, придурь?!

— Это очень большая птица!

Вскоре мы и сами услышали пронзительный вопль, какой может издать поистине огромное создание. Капитан уже было приказал поставить барьеры вокруг корабля, но тут я перегнулась за борт, неожиданно найдя вопль уж очень знакомым. В ту секунду я не поверила своим глазам! На всех ветрах, очень стремительно, раздирая плотку, ко мне несся белоснежный и самый красивый грифон в мире. А самый красивый потому, что мой!

— Агриппина! — закричала я что есть сил, и уже через минуту большая туша снесла меня с ног, укладываясь сверху и трясь головой. — Как ты нашла меня, девочка?

Тут Агриппина впервые за всю жизнь высунула язык и подобно собаке принялась вычищать моё лицо, оставляя следы от слюней и съеденных где-то фруктов. Я обхватила её мягкую голову своими руками, наслаждаясь настоящим урчанием.

— Это...ваше? — неуверенно спросил капитан, пытаюсь разглядеть моё лицо в кипе перьев.

— Моё.

— Вам придется доплатить за ещё одного пассажира.

— Доплатим, жлоб.

Хуже гражданской войны может быть только война межгосударственная, но, если бы передо мной поставили условие с наказом выбрать что-то одно, я бы выбрал второе. Видеть, как народы, жившие бок о бок сотни, даже тысячи лет враждуют меж собой почти невыносимо и очень страшно — так оскорбительно, что хочется отречься от всего и исчезнуть в далекой стране, где люди умело пользуются словами, находя компромиссы и решения без использования физической силы. Безусловно, всё это лишь внутренние размышления, и никуда я отсюда не денусь, хотя бы потому, что после меня загрызет совесть и ощущение никчемности. И не ты ли, Лайм, сам утверждал высокий риск развития подобных событий?

Я аккуратно подвинул стопку бумаг, но та рухнула на пол аккурат к остальным трем кипам. На столе засох след от кружки с кофе, и я попытался вспомнить, когда последний раз выходил на улицу. Кабинет Сисиль стал для меня новой комнатой, в которой я работал дни напролет, чередуя сон с быстрыми перекусами и постоянной занятостью. Это помещение превратилось в настоящий склад, заваленный бумагами, чертежами, картами. Видела бы его сейчас Сисиль, снесла бы мне голову...

Я грустно взглянул в дальний угол, где она когда-то прятала пустые бутылки — одна из них виднелась там предательски до сих пор, вызывая грустную усмешку. Не раз в жизни думал я о том, что без монарха дворец пропадет, что со всей работой могут справиться и советники, прикрывающиеся приказами правителя и его идеями, но вот монарха в замке нет, и я как никто другой начал ощущать гнетущее давление. Странную пустоту. Холодную, промозглую, серую и выматывающую. Думаю, здесь намешаны и личные чувства. Тем не менее, факт остается фактом.

Мы объединились с восьмым и пятым регионом, встав под начало Центра, подтвердив преданность Императору и трезвость рассудка. Отвечу честно, не скрывая скрежета зубов, — если бы не Император, мы бы давно колотили гробики в лесу. Он — настоящий оплот сопротивления: устрашающий и негибемый. Многие сильнейшие маги и воины остались на его стороне, однако, большинство предательски переметнулось к врагам, увидев преимущество там, где его не было и нет. Наши барьеры едва сдерживают атаки, а, если учесть, что Чертия взялась за дело всерьез, навряд ли они выстоят ещё хотя бы две недели.

К сожалению, Императрицы талантливы в магии, но и мы не лыком шиты. Азазель оказался хитроумен на расстановку ловушек по границам Мордора и восьмого региона, что здорово помогло нам в начале, обезопасив от внезапного вторжения. Ждак возглавил всех стражей, каждый из которых, был не только в полтора раза выше меня, но и шире почти в столько же, а Харону Император вновь подарил дракона, поэтому теперь по нашим территориям летает огромная, красная, огнедышащая ящерица. На Агриппину же исчезновение Сисиль повлияло сильнее всего — поначалу она перестала есть, спрятавшись на крыше и не высывая даже клюва. Спустя неделю Агриппина, наконец, облетела округу, но после пропала: селяне говорили, что видели её летящей к морю. Быть может, она решила найти Сисиль? Хотел бы я тогда отправиться с ней...

Исчезновение, пропажа, потеря — хоть я и говорю так, но всё это совершенно неподходящие случаю слова, которые я произношу с опаской и настороженностью. Никакое это не исчезновение — самая настоящая кража. Похищение с той целью, чтобы избавить свой путь к власти от всех мешающих элементов. Мы понимаем это, понимают это и люди Мордора, люди восьмого и пятого регионов, лишившихся, как и мы, главенствующей руки. Императрицы седьмого и третьего секторов предпочли покинуть Шеэтию и начать новую жизнь вдали, и их территории перешли во власть врагов — только так могу назвать я тех, кому пелена власти застлала глаза.

Я чувствую вину. Ведь я был в тот вечер рядом, но так и не смог ничего сделать. Я успокаиваю себя, говорю, что магию телепортации прервать невозможно, и всё же нечто тяжелое давит на виски, повторяя «А, если бы...». Сисиль исчезла, и Первия обвинила во всем Императора, убедив свой народ в том, что тот вознамерился избавиться от своих жен с целью получения абсолютной власти. Какая глупость. Какой позор, что этому поверили. Поверили в столь необоснованные факты, в то, что Императору, в руках которого и без всяких подтверждений находится вся власть, понадобилась власть ещё большая, поверили в то, что им самим грозит опасность, так как они служат Императрицам. Не думал я, что в Шеэтии столь много глупых, «слепых» людей, но как, оказывается, легко управлять массой, имея высокий статус и дар красноречия.

Я бы очень хотел знать, где сейчас Сисиль. В порядке ли она, не спилась ли, не обижает ли кого. Быть может, я больше волнуюсь за окружение госпожи, чем за неё саму...И всё же порой она казалась мне такой хрупкой и одинокой, несмотря на постоянное окружение, что я многое отдал бы, лишь бы узнать хоть что-то. Да, Сисиль, думаю, ты бы надменно улыбнулась, услышав это, но без тебя мне тяжело. Не только мне. Возможно, своим странным неадекватным поведением ты объединяла весь дворец, ведь замок сплывался над своей главной проблемой — над тобой. Никогда прежде не видел я такой правительницы, как ты, — настолько близкой к простому люду, настолько безразличной к слухам и гадким сплетням. Ты умеешь вдохновлять, твои идеи вывели Мордор из тени, селяне, прежде ненавидевшие тебя, ныне горюют о твоём отсутствии, и даже горничные сникли,

так как им более не за кем следить. Мордору не хватает тебя, Сисиль. Не хватает твоих пробуждений к обеду, заседаний в туалете по часу, постоянных падений с лестниц, спотыканий о складки ковра, «тайных» побегов на погреб с вином, твоих пьяных чудачеств, странных песен о гробах, громких чиханий, после которых все говорят «Будь здоров» Харону, а чихал не он... Нам всем сейчас непросто, мы стали будто бы чужие друг другу.

Нас объединяет цель выстоять и отстоять свои идеи, но нет более тех теплых совместных вечеров. После твоего исчезновения ни разу я не говорил с Хароном или Азазелем о быте, лишь деловые вопросы да идеи о защите. Почти всё свое время я провожу в кабинете. Ольга ушла из дворца, поселившись в доме неподалеку со своим мужем. Она сказала, что без госпожи в замке для нее работы нет. Харон во дворце почти не появляется, равно как и Азазель, что всё больше времени проводит в доме своей бабки. Эльфия оказывает неоценимую помощь в военных действиях своей магией, но её лицо мрачное и серое, под глазами появились темные круги, и сильно лезет шерсть, но больше всех горюет Подсолнух. Пробыв почти всю жизнь рядом с госпожой, он теперь не находит себе места, зачем-то постоянно убирая её комнату и коллекционируя пустые бутылки. Все ведут себя так, словно бы Сисиль больше не вернется, но так ли это?

Когда мы с Подсолнухом вернулись с бала (точнее, сбежали), мы приказали всем готовиться к обороне — Император направил в Мордор несколько талантливых магов, что сильно нам ныне помогают. У меня не было возможности спросить его обо всем происходящем, а, если бы шанс и представился, навряд ли бы у меня хватило духу. Это восстание сильно разозлило его, вывело из себя, сделав очень грозным противником. Он даже отдал приказ казнить незамедлительно тех Императриц, что устроили эту гражданскую войну. Я знаю, что почти ежедневно на него проводятся покушения, что он жестоко расправляется с предателями, подтверждая своё кровожадное имя. На какой-то период военные действия даже умолкли — настолько Императрицы испугались ответной агрессии, но меня пугает одно то, что они затеяли подобное. Я опасюсь того, что они нашли способ избавиться от Рагнарека.

Громкий стук в дверь. Без ожидания приглашения ко мне ввалился Ждак, протягивая письмо — оно мятое и в пятнах крови. Из пятого региона. Сердце замерло, но я незамедлительно распаковал обертку, доставая не менее мятый, почти изорванный клочок, который, однако, весь заполнен чернилами.

«В девятый сектор из пятого.

Если Вы получили это письмо, значит, пятый регион пал под натиском Первой и Четвертой Императриц. Они используют драконов и виверн из третьего сектора, чтобы пробить защиту, а после атакуют всадниками и кавалерией — эту схему мы видели уже не раз. Всех гражданских загнали в склады и требуют у них подчинения, воинов незамедлительно убивают, магов прилюдно казнят через виселицу и обезглавливание. Они убеждают народ, что Император убил Сисиль, Гертруду и Яйру, и что он сошел с ума, решив погубить всю аристократию и создать новое жестокое общество, где власть определяется силой. Мы же верим, что наши Императрицы живы, но люди не поверят до тех пор, пока сами не увидят всё своими глазами. Я думаю, даже если они живы, враги сделают всё возможное, только бы они не попали домой — это пошатнет идею, за которую сражаются их подчиненные.

Они собираются перекрыть связь между Центром и Вами. Они собираются действовать. Если падет Император, то восьмой и девятый регионы долго не выстоят. Как бы не был силен Рагнарек, он не сможет убить весь свой восставший народ. Чертия собрала огромное войско, Сильвия запечатала северные острова, и теперь великаны не могут помочь Императору. Первия же возглавляет это своими планами. Об Аритьке ничего не слышно, но это значит лишь то, что на её территории что-то готовится.

Шеэтия никогда не сталкивалась с такой войной. Это радикальный переворот. Исторический. Возможно, это моё последнее письмо, но я искренне верю в то, что госпожа Яйра отомстит за свой народ, часть которого ныне покоится в петлях. Выстояте, дождитесь и уверуйте в то, что возмездие придет. А до тех пор не дайте им пробить барьеры, стойте до конца, ведь, если они придут в ваши сектора, земля окрасится красным. Я верю в справед...».

Письмо оборвалось.

Я отложил его в сторону и схватился за голову, внезапно чувствуя отчаяние и жуткую безысходность. Нас мало. Наши регионы никогда не были военными и никогда не участвовали в битвах. Наша магическая энергия не вечна.

Наверное, у нас есть неделя...

Да. У нас есть только одна неделя.

— Когда я был маленьким, я укусил змею, — сказал мне вдруг Хоббит, доставая ногтем из зуба застрявший кусок мяса.

— Быть может, вы что-то напутали, и это вас в детстве укусила змея?

— Нет, госпожа. Дети в моей деревне всегда были очень суровы.

Сейчас единственным освещением кораблю служили огненные сферы да полная луна, кажущаяся невероятно чистой и вместе с тем огромной. Её бледная дорожка служила словно бы путеводной нитью, по которой мчалось судно с трепещущими парусами. В этой полутьме я могла разглядеть лишь сидящих рядом путников, тайно восхищаясь капитаном, что уверенно держал штурвал, изредка косясь на компас. Авалон находился подле и внимательно читал свитки, содержимое которых мне вдруг оказалось непонятным, — я решила, что это был иностранный язык, недоступный к пониманию Сисиль. Хоббит, проявив излишнюю прожорливость, обгладывал длинную кость, рассказывая попутно истории своей жизни, а несколько матросов тщательно драили палубу, не пропуская ни одного пятна. Слева от меня, отвернувшись к океану, сидела Яйра, поражая своей молчаливостью, и даже Гертруда, что всё это время не замолкала ни на минуту, жалуясь на плохое обслуживание, затихла в своем углу, где она ежедневно зеленела все больше и больше.

Вместе с птицей прошлым вечером к капитану пришло письмо, где его друзья, служащие в Шеэтии, настоятельно рекомендовали судну не приближаться к острову в виду закрытия абсолютно всех границ. Они писали, что гражданская война в самом разгаре и что пятый регион пал под натиском Четвертой Императрицы, тогда как другие Правительницы штурмуют восьмой и девятый сектора. Услышав подобное, я, к сожалению, пала духом. Я — не всемогущий герой чудесной истории, где все, что ни делается, благоволит персонажу. Любое мое решение приводило как к успеху, так и к незамедлительному провалу, что не только угнетало, но и отрезвляло — жизнь — это череда черно-белых полос. Возможно, находясь в замке под постоянным давлением, я прониклась к себе излишней жалостью, однако, я думаю это вполне оправданно для того, кого пытались и пытаются убить. Тем не менее, сейчас, оказавшись вдали и хлебнув того, чего не ожидала, я поняла, что всё всегда решается. Только действовать надо осторожно и с умом, а это как раз то, чего мне не хватает. Если бы у меня было свое собственное судно, я бы назвала его «Слабоумие и отвага».

— Знаешь, я всегда думала, что мне всё равно на свой город. Уйду и будь, что будет, но... Как-то тяжело.

Я украдкой взглянула на Яйру, пытаюсь сильно её не разглядывать. Несмотря на вечное недовольство своей госпожи, народ пятого сектора уважал и любил её: безусловно, подобное не могло пройти мимо черствого сердца знатной дамы. Возможно, сейчас ей было даже тяжелее, чем нам с Гертрудой.

— Когда мы вернемся, они получат сполна. Отыграешься за всех своих подданных.

— Звучит неплохо, вот только, когда мы туда попадем? Как мы туда попадем? — спросила она без явного энтузиазма и будто бы с усмешкой. — Нас все в лицо знают, наши энергии за версту чувствуют, нас приказано наверняка убить, едва мы только ступим... — здесь Агриппина, что всё это время дремала у моих ног, вдруг вскинула голову и угрожающе раскрыла клюв. Яйра замолчала, так и не закончив фразу. В целом, она была права.

— Почему именно на Северные острова? — спросила я Авалона, и тот, внимательно выслушав, жестами что-то объяснил Хоббиту. Тому пришлось отложить свою кость.

— Мой господин уважает ваши желания, Госпожа, и хочет помочь. На Северных островах живут атланты, а это единственный народ, оставшийся полностью на стороне Императора. К сожалению, их остров блокируется магией, и они не могут его покинуть.

— Но так тогда туда попадем мы?

Тут нахохлился уже Хоббит, горделиво вскинув подбородок и ухмыльнувшись.

— Я владею магией печатей. Могу, что угодно открыть и что угодно закрыть.

Авалон хлопнул в ладоши, привлекая внимание своего советника. Тот незамедлительно перевел:

— Нужно заручиться поддержкой атлантов, а после вторгаться в Шеэтию со стороны Мордора.

— А они точно помогут нам?

— Одно то, что мы сможем проломить для них барьер, уже серьезный повод. А учитывая, что с нами три жены Императора, и подавно.

— И сколько же на это уйдет времени?

— Плыть ещё два дня. Переговоры, если округлить, день, еще один день — сборы. Оттуда до Мордора где-то четыре дня при попутном ветре.

Долго. Это идеализированные числа, тогда как на деле мы можем сильно задержаться. Сколько ещё продержится Мордор? Сможем ли мы осуществить задуманное? Окажется ли помощи атлантов достаточно или мы сами ступим в ловушку, из которой живыми не вернемся? Должно быть, эти тревоги отразились на лице, так как Авалон мягко взял мою руку в свою тонкую ладонь, проведя по коже большим пальцем. Какой до жути знакомый и

успокаивающий жест. Почему же я совсем ничего не помню об этом барде, что питает к Сисиль столь сильные чувства? Настолько личное, что даже мне показать стыдно? Хотя, кто знает, какие у них там ролевые игрища были... На эту мысль у меня что-то больно кольнуло в голове. Видимо, не стоит выдвигать столь громогласные предположения.

Поговорить о прошлом я решила с Авалоном наедине — Хоббит в данном случае был ни к чему, раз воспоминания столь дороги для этого тела. Но едва я закрыла каюту от посторонних глаз и взялась за бумагу с пером, чтобы отдать их барду, как тот совершенно внезапно прильнул к моим губам, деликатно устраивая руки на талии и ничуть не ниже. Это был нежный, приятный, долгожданный и, что уж греха таить, слишком возбуждающий поцелуй, разорвать который я не посмела. Хотела бы я выдать черную шутку про невозможность французского поцелуя, но Авалон казался мне такой очаровательной булочкой с корицей, что обидеть его было сродни крику на милого ребенка. Я чувствовала, как быстро бьется его сердце. Чувствовала, как моя привязанность к нему крепнет, обрастая всё еще непостижимым смыслом. Ну, что я могу сказать. О прошлом я так ничего и не узнала по вполне очевидной причине — тело Сисиль оказалось слишком чувствительным, что не раз выходило мне боком. Так уж получилось, что стонала я достаточно громко для того, чтобы Гертруда на следующий день сверлила меня злобным и завистливым взглядом: все матросы здесь были не в ее вкусе, да и морская болезнь сыграла не последнюю роль.

Следующим вечером я успела опередить Авалона до того, как тот пленил меня своими навыками любовника, точнее, я просто всунула в его руки бумагу, заставив сесть за стол. Теперь, когда мы были наедине, одеты и на расстоянии друг от друга я могла сосредоточиться, а потому незамедлительно высказала своё пожелание о возврате утраченных воспоминаний. Говоря об этом, я не скрывала того, что некоторые факты позволялось утаить в виду их неудобства или ненадобности, но, что куда важнее, я хотела прочитать иное. Авалон понял меня верно, а потому писал долго, изредка зачеркивая целые предложения, которые, как ему казалось, были написаны некорректно. Наконец, спустя сорок минут размышлений, он подал мне несколько листков, и я погрузилась в собственные утраченные воспоминания.

«Мы познакомились с тобой на твоём дне рождения. Он 30 ноября».

Ого-го. Мой день рождения тоже 30 ноября. Отлично, меньше запоминать.

«Я был приглашен на праздник бардом и полюбил тебя, едва только увидел. Ты была очень скромна, пуглива, но добра. Тебя пугали и мои ухаживания, но вскоре ты приняла их, открыв свое сердце. Оно оказалось очень милосердным и чувствительным. К сожалению, все этим пользовались. Тогда я решил помогать тебе и стал вскоре советником».

Тебе достались хорошие земли, но что бы мы ни делали для их дальнейшего развития, всё катилось в бездну. Тебя не любили, так как у тебя было то, чего не было у других Императриц — ты нравилась Императору и тот всегда подумывал сделать тебя главной супругой. Сам того не подозревая, он навлек на тебя гнев остальных. Точнее, ревность. Может, зависть. В те времена у Шеэтии и Роэтии были напряженные отношения, поэтому Император был часто в отъездах, за время которых нам знатно испортили репутацию. Ты хотела бороться с цветочной болезнью своими силами, но твоё поле с лекарственными цветами сожгли. Ты желала разводить единорогов, что населяли тогда твои леса, но на конюшни натравили драконов. Твоих других советников подкупили, и они разорили казну, ссылаясь на необходимость защиты девятого региона, в твой сектор постоянно посылали наемников, и вскоре ты начала бояться ходить среди простых людей, что они восприняли как гордыню и тщеславие. Мы всегда были втроем: ты, я и Подсолнух. Но против нас оказались совершенно все, что бы мы ни делали и не предпринимали. Это походило на травлю. Успешную травлю, и завершилась она плачевно.

Я думаю, что пожар ты помнишь. Помнишь виверн, летающих в небе, горящий замок, полыхающие города... Группа всадников из другой страны совершила набег на четвертый регион, но Чертия, вместо того, чтобы поймать всех и наказать, погнала их в сторону нашего региона. Отступая, наш сектор почти сожгли. Люди решили, что ты приносишь несчастья, что твой характер — горе для них, и начали покидать дома, уезжая в другие сектора. К сожалению, Император прибыл поздно и, узнав обо всем, понял, в чем дело. По правилам, ему следовало казнить тебя за то, что ты якобы сделала с территорией, но разве он мог? Выполнять норму за тебя он поручил Гертруде, а твой сектор хитро сделал местом для ссылки — так, ты могла избежать наказания.

Я решил поговорить с Сильвией насчет порта в нашем секторе, но случилось то, что случилось, и меня лишили речи, изгнав из Шеэтии. Я думал, что потерял тебя. Ведь ты осталась с Подсолнухом в окружении одних лишь только врагов. Я знал, что Первия не оставит тебя в покое, куда ты жива, и сильно волновался. Возможно, ты не помнишь, почему мы нашли источником всех проблем именно её, однако, всё довольно просто: Первия, будучи первой супругой, желала стать и главенствующей. Но всё внимание, богатство и возможности получила ты. Такая мстительная и злобная женщина, как Первия, не могла поступить иначе.

И я рад, что, несмотря на все невзгоды, я могу вновь быть рядом с тобой».

Дочитав, я подняла ошарашенный взгляд на Авалона. Он, мягко взяв бумаги из моих рук, изящным жестом поднес их к свече, что начала быстро пожирать написанное, превращая буквы в пепел. Я, наконец, собрала пазл

воедино, вот только картина оказалась не домиком феи, а преисподней с чертями. В прошлом карты совпали исключительно для Императриц, что решили воспользоваться характером Сисиль, её окружением, что решили использовать слухи о ней себе во благо. Но всё это в прошлом, и пора платить налоги, девочки. Я верну каждой то, что она заслуживает, и вытащу наружу все их дела, которые они проворачивали втайне и в бессильной злобе. Сисиль не верила в себя, а я нахожу способности Сисиль очень даже мощными. С помощью всех здесь присутствующих, а также атлантов, мы устроим настоящий переворот, и деликатничать я не собираюсь. Да, я проверну все исключительно в свою пользу и сделаю это красиво!

Запомните эту фразу...

Земли атлантов оказались настоящим олицетворением Антарктиды со всеми её излишками и проявлениями. Стоило нам пробить брешь в барьере и проникнуть внутрь, как почти все тут же замерзли, спрятавшись в каютах среди кипы тряпок и одеял. Северный ветер, таскавший по льду куски полупрозрачных кристаллов, изредка набегал и на корабль, превращая храбрых моряков в тварей дрожащих. Каково же было наше удивление, когда нам на встречу вышли огромные мужчины с голыми торсами! Мы встретили их с синими лицами, обмотанные кипой одеял и надеждами на горячий чай, вызвав своим видом вполне ожидаемый смех. Не начиная допрос, добрые атланты почти сразу подхватили нас на сани, отправившись в город, где мы могли бы согреться. Разглядывать по пути было нечего: голые ледяные пустоши, на горизонте которых бродили мамонты да аномально здоровые медведи. Зато сам город вдруг оказался настолько удивительным, что все мы разом раскрыли рты, наверняка подхватив простудную болячку. Трудно было назвать это вырезанным в скале поселением, ведь скала эта более походила на огромный-преогромный кристалл чудесного сине-розового оттенка. В нем и прорезывались верхушки зданий, дороги и даже растений, хрустальные листья которых странно трепетали, звеня подобно колокольчикам.

Подумать только, именно здесь и родился Харон, вот только его внешность ни в коем разе не соответствовала канонам местных жителей: они были ещё выше, ещё мускулистее, белокожи и с раскосыми глазами. Кто-то в роду знатно перебил генетику моему фавориту, которому достались только первые два пункта. Впрочем, характер их был ему под стать. Атланты, несмотря на кажущуюся грубость и дикость, оказались верными данным клятвам, оптимистичными и семейными натурами. У них были справедливые законы, за исполнением которых строго следили старейшины, мужчины походили на настоящих воинов, не лишенных сострадания и любви, а женщины чудесным образом находили время не только на семью, но и на себя. Какая-то волшебная страна. Быть может, в том, что они независимы от других и живут по законам, доказавшим свою пользу, и есть их счастье?

Узнав о том, что мы Императрицы, оставшиеся на стороне Императора, и что в наших рядах есть маг, ломающий барьеры, нас незамедлительно отвезли к старейшинам, где они совершили одну большую ошибку. Они предложили нам выпить. Настроение под ноль? Здравствуй, крепкий алкоголь. Мне было грустно и холодно, и я напилась вдребезги, продолжив, тем не менее, стойко сидеть за столом (под моей попой на лавке лежало еще четыре огромных подушки, чтобы я могла достать до блюд). Яйра пала первой, уснув в углу, а Гертруда, долго крича об испытаниях павших на её долю, в конце неожиданно затихла, вперившись взглядом в стену.

— Вы многое пережили, — произнес красный от алкоголя старейшина, — но вы сделали правильный выбор, отправившись к нам. Мы уже долго не можем помочь нашему Императору, который когда-то спас всех нас.

— Что же он сделал? — спросила не менее красная я.

— О, давно мы жили на другом острове. Севернее отсюда. Но соседнее государство решило погубить наш народ и начало с помощью магии разрушать остров. Все происходило быстро. Многие потонули, так и не узнав, что произошло. Тогда Император предоставил нам свои судна, чтобы мы могли переселиться на другой остров, а чтобы нашу землю не трогали, он отдал нам один из своих островов.

— Может, это все для того, чтобы вы и были на его стороне...

— Может и так, но он дал нам второй шанс, ресурсы и цель. Мы ему благодарны... А теперь мы даже не знаем, что с Императором.

— Чую, что он ещё не подох.

— Вы же жена ему... Должны отзываться более мягко. Кто был инициатором ваших отношений?

— Алкоголь.

— Госпожа!

— Ладно. В последнее время у меня черный юмор. Жизнь заставила. Знаете ли, я сначала правила территорией-тюрьмой, затем начала реабилитацию земель, а меня остальные возненавидели. Когда я, наконец, нашла новый путь, меня попытались убить, а, когда достигла первых успехов, украли и сослали в Зоэтию, где я избежала тюрьмы и стала контрабандисткой.

— Или вы очень сильно пьяны или я вам сочувствую...

— Знаете, а меня в Зоэтии все боялись. Там меня называли Херанукой.

— Грозное имя.

— Да... Думаю, они до сих пор боятся. В Мордоре кстати остался атлант-священник. Мы с ним Храм строили.

— Знаю, Госпожа. Он был так счастлив служить вашим идеям, что все мы знаем.

— Так, что же мы будем делать? Не в лоб же нападать?

— Мы подойдем со стороны Мордора, — ответил Хоббит уже знакомую мне фразу, но один из самых старых старейшин вдруг поднял руку.

— Мы не успеем. Наш предсказатель предрекла грустную весть. Мы спустимся на земли Шеэтии, когда те полностью падут.

Тут старцы смолкли и смиренно закивали головами — очевидно, провидцу они верили не просто так.

— Значит, плыть к Мордору бессмысленно?

— Да, нам лишь придется пересекать всю страну, а за это время наше число может сильно уменьшиться.

Тактика должна быть наилучшей. Она должна сберечь как можно больше людей.

— Вы говорите мудрые вещи, Госпожа, несмотря на то, что вас явно штормит.

— Надо попасть в центр. Один удар. Сокрушающий!

— Центр окружен первым, вторым и четвертым регионом. Как мы это сделаем?

— Пробьем слабое звено.

— Так! Отойди на сто шагов назад!

— Как?

— Тихо на пальцах, придурок. Ты так согнулся, что дышишь мне в шею, это напрягает.

— Мне здесь не по себе.

— Тебе? Здоровому амбалу? Ты же храбрый воин из атлантов! Тебя выбрали армию вести!

— Армию я и поведу... Но я клаустрофоб. Узкие замкнутые пространства меня нервируют...

Что ж, система этих туннелей напрягала и меня, несмотря на то, что целую неделю в Зоэтии я шлялась по самым непредсказуемым местам этого мира. Они напоминали систему метро из моего мира с тем лишь отличием, что здесь не было ни рельс, ни вагонов, ни толп людей, спешащих по своим делам. Темные туннели травили своим затхлым запахом, пугали постоянным писком пробежавших мимо крыс, вызывали тошноту, едва рука касалась паутины. Дохлые жуки, старые чешуи змей, постоянно падающие с потолка пауки — я прочувствовала атмосферу этого места всецело и с ужасом для расшатанной нервной системы. Украдкой взглянув на Авалона, я чуть не споткнулась о торчащий корень, увидев его совершенно невозмутимым и уверенным. На его фоне я и предводитель атлантов выглядели хомьяками в конвульсиях.

Наша троица двигалась почти бесшумно: бард по естественной причине, я потому, что меня тошнило, а атлант наверняка думал о жестокости судьбы, сделавшей его клаустрофобом. На очередной развилке мне пришлось сконцентрироваться дольше прежнего, но воспоминания Сисиль не подвели меня и в этот раз: я отчетливо видела её маленькое тело, бегущее по этим туннелям к соседнему лесу. Странные, однако, развлечения у детей аристократов. Поняв, что наша цель близко, я уверенно свернула направо, где нам пришлось идти вперед минут десять, прежде, чем перед нами возникла цивилизованная грязная дверь.

Наш план, выработанный на Северных островах вместе со старейшинами, был подобно решету, имея как прочную основу, так и множество дыр, закрыть которые не было ни времени, ни возможности. Меня очень пугала фраза атлантского провидца, что мы спустимся на земли Шеэтии, когда те полностью падут, и именно эта фраза была веской причиной для разделения обязанностей между нашей отважной группировкой. Всего нас образовалось три команды, первая из которых включала в себя Гертруду с сотней атлантов, что со всей мощью гребли к берегам Мордора. Их целью было достигнуть союзников как можно раньше, чтобы помочь девятому и восьмому региону в защите или чтобы завоевать эти регионы вновь в случае опоздания. Миссия «очистка» (так я назвала её в своей голове) состояла в возможности получить территорию, на которую в последующем сможет высадиться вся северная армия.

Яйра вместе с Хоббитом и пятью атлантами, выполнявшими на острове работу следопытов, назывались разведкой, призванной оценить сложившуюся ситуацию в стране. Магия воды, которой обладала пятая Императрица, здорово помогла нам скрыть магические ауры, а волшебство Хоббита лишь усилило этот эффект, поэтому лучших партизан было не найти. Мы регулярно обменивались информацией благодаря краденному в Зоэтии артефакту, и сейчас я знала лишь то, что в центре происходит какая-то суматоха.

Наша команда была с одной лишней хромосомой, хотя в сложившихся условиях я бы назвала её скорее запасной. Возложенная на нас цель была настолько опасной и чреватой, что мы и сами не были толком уверены в собственных действиях. Но начать, думаю, следует не с этого.

Благодаря капитану, что беспрестанно общался со своими коллегами из Шеэтии, я узнала, что род Ебельманий всецело поддерживает Императора в знак уважения к нему и к его девятой супруге — их старшей сестры. Это вызвало во мне бурю эмоций, главенствующим чувством в котором была гордость. Радость, волнение, тревога — всё это смешалось в душе почти мгновенно, вытащив на подкорку очень необходимое воспоминание. Я вспомнила о системе туннелей, которую зачем-то в далекие времена вырыл мой прадед. Он считал, что на род Ебельманий нападут гоблины, и всем придется бежать, что станет возможным благодаря его задумке. Не знаю, был ли он прав, но прабабушка уверяла, что её супруг попросту свихнулся.

Добраться до туннелей было, на удивление, просто. Моя родня жила в живописных пейзажах на границе второго и третьего регионов, имея чудесный вид из окон на океан. Яйра и Хоббит замаскировали корабль, благодаря чему мы высадились на берег совершенно незамеченными, тут же нырнув в туннели. Почти сразу нам со второй группой пришлось разделить — одна из веток ходячего метра вела к деревне неподалеку от центра — а мы отправились к опустевшему имению, в котором, по слухам, остался лишь мой брат, отправив сестру и почти всех слуг в Мордор.

Наша цель имела под собой несколько пунктов. Во-первых, я рассчитывала услышать о последних новостях из первых рук. Во-вторых, имение было надежно защищено, и первое время я могла судить о дальнейших действиях, не боясь внезапной атаки. В-третьих, изредка на поместье все же совершались нападки со стороны воинов второго региона, и была возможность взять кого-либо в плен с дальнейшим расспросом. В-четвертых, я отправила

Агриппину в Мордор с письмом, в котором просила Эльфию прибыть сюда, а, в-пятых, мы собирались нанести молниеносный удар с разных сторон.

Дверь поддалась не сразу, и мой друг-клаустрофоб поспешил снести дверь с петель до того, как узкое пространство угрюмо скажется на его психике. Мы ступили в подвал, но, очевидно, наш грохот привлек внимание стражи на первом этаже, и я уже слышала приближающийся топот. Тем лучше.

Выглядели мы, конечно, непрезентабельно. Хотя я и обещала сделать все красиво, но сейчас я стояла посреди подвала обмотанная паутиной, чумазая и с трупиком таракана вместо заколки. Наверное, поэтому вбежавшие стражи резво притормозили в проеме, чуть слышно ахнув. Что удивительно, так это то, что меня почти сразу же признали.

— Глазам своим не верю! — чуть ли не прокричал Роузел, когда нас ввели в гостиную. — Ты жива! Это же совершенно поменяет ход войны!

— А ты, братец, как всегда сразу к делу...

— Но ведь все думают, что Император избавился от трех своих жен! Все так уверенно твердят об этом, что мы с Розалией и сами чуть не поверили в это, — произнес он, поспешно поднимаясь с места и уверенно снимая с моей одежды клоки паутины. Чуть стусевавшись, он все же обнял меня, а после усадил на соседний диван, приказав дворецкому подать чай.

— Сначала матушка, потом ты... Впервые мне было так страшно за род. Мы ведь с тобой толком и не поговорили в последний раз. Все дела, дела... И даже сейчас мы вновь встретились по отнюдь не радужным причинам.

— Да... Думаю, когда всё встанет на свои места, нам следует больше проводить времени друг с другом, как семье.

Он мягко улыбнулся, поняв, что я разделяю его мысли, и мы молча уставились на стеклянный стол, разглядывая в нем отражение свечей. Когда всё встанет на свои места? Я, конечно, сказала так, но уверена ли я в победе? Я жажду её, но понимаю, что она не дастся по одному только прошению...

— Что сейчас с Мордором?

— Армия Чертии очень сильная. Я слышал, что барьеры твоего сектора крайне неустойчивы... Я сильно волнуюсь за Розалию. Я хотел отправиться за ней, запечатав наше поместье под землей, но застрял здесь из-за Аритьки. Она могла бы избавиться от меня, но отчего-то держит здесь, не позволяя никуда уйти своей армией. Я нашел причину подобного поведения в том, что гибель древнейшего рода подорвет авторитет Императриц.

— Хоть так, главное, что с вами всё в порядке.

— Могу сказать то же самое и тебе, Сисиль.

— А что происходит в столице?

— Прости, не могу тебе ничего ответить, так как ничего не знаю... Последний раз Император в пятый раз отразил атаку Чертии, но они вдруг бросили все силы на центр. Я даже не знаю, что сейчас с твоим мужем.

— А мои подданные из Мордора?

— Настоящие военные герои, — усмехнулся Роузел, — на них и держится защита. Харона в народе прозвали собирателем душ, Азазеля боятся, стоит ему только появиться — он настолько непредсказуем, что, кажется, даже его союзники не знают, что у него на уме. А Лайм — мозг всего этого оплота, что ещё держится на плаву.

— Мне даже стало чуть спокойнее...

— А это, — брат удивленно взглянул на трехметрового атланта, что совершенно невозмутимо разминался позади. После он перевел глаза на Авалона — тот склонил голову в качестве приветствия. — Атланты с нами?

— Они на стороне Императора, поэтому с нами.

— А ещё потому, — ответил Клаустрофоб, — что три Императрицы проломили к нам барьер и освободили.

Роузел смерил меня ошарашенным взглядом, и мне пришлось всё ему рассказать. И начала я с корабельной тряски, что везла нас в жаркую Зоэтию...

Когда я закончила историю, а брат выпил от напряжения три литра воды, двери в гостиную распахнулись, и в комнату влетел грязный страж, смахивающий со лба капли пота. Его глаза лихорадочно блестели, и выглядел он несколько безумно, словно бы за ним шла погоня.

— Центр, — задыхаясь, произнес он, — центр, восьмой сектор и Мордор пали!!!

Ху из ху по просьбам трудящихся. Выполнено по ГОСТу

Сисиль Ебельмания, она же Фея Раздора, она же зловонная ведьма Херанука Пороялю. Главная героиня всего этого мракобесия и воплощение ходячих вредных привычек. Не обременена моногамией. Вообще ничем не обременена.

Подсолнух. Это не цветок, а дед. Главный дворецкий. В прошлом работал нянькой Сисиль. Существует легенда, мол, если пропеть песню "Черный плащ, только свистни, он появится", то он реально появится.

Ольха. Первая фрейлина Сисиль после перерождения. Понимает, где работает, и не жалуется. Видела коллекцию бутылок Сисиль и до сих пор не уволилась. Муж — кузнец.

Ждак. Брат Ольхи. Первый страж на деревне. Не женится, потому что любви достойна только мать.

Кирка. Отец Ольхи и Ждака. Старейшина деревни. Мне лень придумывать шутку.

Лайм. Сэр Лайм. Головной мозг Мордора и его единственная спасительная извилина. Один из фей винкс. Раньше работал у восьмой императрицы, но ему не нравился работодатель. Заинтересовался Сисиль, когда та отшила его, сославшись на то, что обкакалась.

Харон. Сила Мордора. Правый глаз — коронный, а левый — похоронный. На фразе "вилкой в глаз или в жопу раз" выбрал вилку, поэтому одноглазый. Полу-наг, полу-атлант, хвоста не показывает. Работал всадником у Императора, потом у первой императрицы, потом у четвертой, потом пошел по рукам. Полюбил Сисиль за черное чувство юмора.

Азазель. Хитрость Мордора. Пришелец-извращенец с планеты Феромон. Ифрит с рогами. Жил у бабули в качестве внука, после чего решил сменить однушку на замок. Цундере. Полюблял Сисиль, когда та поняла, что он цундуре и не выкинула к чертям.

Авалон. Немногословен. Будущая эстетическая красота Мордора. Бард при королевском дворе Роэтии. Булочка с корицей, про которую пока не хочется шутить, и так натерпелся.

Эльфия. Девочка с секретом, а именно с лошадиным крупом. Дочь второй императрицы, которая в отпрысках не нуждается. Так как у нее проявилась магия телепортации, Эльфия вдруг стала, как марлевые маски в карантин, — всем нужной, но попала в Мордор не по воле случая. Уважает Сисиль и хочет стать такой, как она, несмотря на все угрозы и предостережения.

Агриппина. Грифон. Вышла из яйца в очень неподходящий момент. Считает Сисиль мамой, Лайма папой, а нынешнюю конституцию подставой.

Павсикакий. Огромный петух, который везде кладет кучи и реагирует на команду "фас".

Генрих-Ферамонт пятый. Огромный петух, который соблазняет куриц из соседнего региона и приводит их в Мордор. Его порода "цыганский".

Император. Кровавый Император. Не работает ларек, потому что Рагнарек. Муж Сисиль официально. Правая сторона коронная, а левая похоронная, там ожог, поэтому носит маску. Наг. Слишком сильный, скрытный. Мужчина-загадка. Есть армия ходоков с Севера. Есть привязанность и симпатия к Сисиль.

Первая Императрица. Первия. Во избежание спойлеров сегодня без шуток.

Вторая Императрица. Аричька, вонючая титька. Бесит всех настолько, что даже саму себя.

Третья Императрица. Фантазии не было, она инкогнито.

Четвертая Императрица. Чертия. Мадам с яйцами. Сила есть, ума не надо. Хотела заарканить Харона, но тот выбрал вилку.

Пятая Императрица. Яйра. Ведьма Похуистия. Хоп-хоп, мизантроп. Магия воды. Умеет проходить сквозь стены через дверь.

Шестая Императрица. Сильвия. Покушалась на булочку с корицей — Авалона, за что обязательно получит пиздюлей.

Седьмая Императрица. Зажравшаяся особа, тоже инкогнито.

Восьмая Императрица. Гертруда. Ведьма Пубертатия. Превращает одни предметы в другие и страдает как морской болезнью, так и вечными поисками любви. Возможно, нимфоманка. Возможно, просто отчаянная.

Хоббит. Настоящее имя не известно, потому что Сисиль его не помнит. Низкорослый и волосатый. Преданный помощник Авалона с магией печатей. Возможно, он не зря пришел в Мордор.

Клаустрофоб. Настоящее имя неизвестно, потому что Сисиль его не помнит. Атлант, который главнокомандующий армией.

Роузел. Сводный брат Сисиль. Есть сестра-близнец **Розалия**. А шутку не могу придумать я иную, кроме как послать всех персов к х..

Скажи прощай второй душе

И вновь болота.

Очевидно, ступив однажды в трясину иной земли, я обрекла себя на вечную связь с местами, где принято блуждать лосям, а не людям. Кто бы мог подумать, что мой опыт сбежавшего преступника поможет мне в цивилизованной стране, где я работаю Императрицей, вынужденной скрываться там, где, по логическому мнению, её искать не должны. Я бы хотела объяснить всё это младшему брату, сверлящему мою спину ошарашенным взглядом, но пусть лучше благодарит меня молча, восхищаясь тем, как ловко и безопасно я веду свою группу по болоту. Действительно, сейчас мне не хватало лишь факела в руке для общего антуража, однако, роль предводителя чуть напрягала и постоянно заставляла оборачиваться, будто бы за нами продолжалась погоня. Но нас не преследовали. Никакой умный человек в здравом уме сюда вообще не сунется. С другой стороны, был ли у нас выбор?

Нет, выбора не была. Едва гонец принес нам ужасные новости, как вдалеке прогремел самый настоящий взрыв, поднявший клоки земли, стоявших там стражей и всё в радиусе одного километра. Подобный исход застал меня врасплох по многим причинам, одна из которых заключалась в поспешности атаки, которую я предполагала увидеть позднее. Но, очевидно, с падением других регионов необходимость охранять Роузела в качестве возможной наживки отпала, в связи с чем было принято незамедлительное решение избавиться от надоедливого клочка оппозиции. Не думаю, что моему братцу пришлось бы распрощаться с жизнью, ведь, как мы уже говорили, новой власти будет не на руку, если падет вся старая аристократия, но его бы наверняка заставили бы принести клятву верности, угрожая безопасностью Розалии.

Как бы то ни было, карты совпали так, что прибыли мы и не вовремя, но и не поздно. Едва войска Аритьки показали на горизонте, метая огненные шары по поместью, Роузел незамедлительно собрал всех своих воинов, отдав уверенный приказ к отступлению. Действовал он четко, твердо и хладно, будто бы план был составлен давно, будто бы он только и ждал возможности избавиться от хвоста и исчезнуть с радаров вездесущих Императриц. Признаться, я была восхищена его навыками командира, с удовольствием понимая, что ныне вся ответственность лежит не на мне — всё же в последнее время груз итогового решения отдал мой плечи.

Из окна я видела огромные воронки на том месте, где ранее цвели растения, вишневый сад полыхал ярким пламенем, заставляя обугленные стволы падать на взрытую землю. Сквозь завесу искр и пыли внутрь бежали стражи, хватая припасы, покоящиеся в холле, а в небе, закрытом от взора черной поволокой дыма, слышались ревущие драконы и виверны, смотрящие за тем, чтобы никто не покинул поместья. Но часть странных растений по периметру дома к моему удивлению и не собиралась увядать, наоборот, оказавшись посреди пламени, огромные цветки раскрыли лепестки, принявшись испускать чуть зеленоватый туман. Не будь у нашего рода своих секретов, мы были бы обречены, но и это нападение обжигало душу невысказанной трагичностью. Я выросла в этом доме, и всё здесь было родным и знакомым, несмотря на невеселые воспоминания: наши портреты, мягкие ковры, старые сервизы, потрепанные, но значимые гобелены, красивые витражи... Да, всё это ныне сторит в пламени и не останется ничего, что напоминало бы о прошлых поколениях. Осознав это, я лишь отчаянно надеялась на то, что склеп неподалеку отсюда останется целым...

Мы вновь спустились в подвал, из которого вылезли этим утром, и вновь раскрыли дверь, уводящую в систему глубоких и длинных тоннелей. Часть воинов героически остались прикрывать наш тыл, так как стоило нам войти внутрь, как главная дверь с грохотом распахнулась, и встал вопрос о том, как выиграть хоть немного времени. Я даже подумать не могла, что люди, служащие роду Ебельманий такие самоотверженные и верные. Мы стремглав бросились бежать по туннелю, ведомые Роузелом и его старой картой. Я знала, что одна из дорог вела к Центру, куда нам более дороги не было. Иной путь вводил к Третьему сектору, ещё один — к лесу у Пятого региона, а другой — к болотам неподалеку от Второго. Выбор нового временного пристанища встал незамедлительно, так как болота всегда были самой непримечательной и запущенной областью, в которой мы могли бы сделать передышку и составить новый план. Вопрос был лишь в опасности этих самых болот, в которых кишели опасные насекомые, дикие животные и ядовитые травы.

Пока мы бежали по туннелю, мне казалось, что мы оказались в центре настоящей бомбардировки. Удары сотрясали землю, и она сыпалась нам на головы, пугая возможностью того, что глубины туннеля окажется недостаточно. Ведомые страхом, злобой и отчаянием, мы бежали вперед, задыхаясь от нехватки воздуха и сильного испуга — а все мы были сильно испуганы. Столь быстрая и неожиданная атака со стороны Аритьки подорвала уверенность в собственных силах, и мы лишь надеялись выбраться к болотам до того, как наш разум падет под сильным влиянием негативных чувств.

Закатное небо осветило серые лица лишь через два часа жуткой гонки. На ватных ногах мы тут же ступили в трясину, не посмев замедлить ход — в этот раз роль предводителя легла на мои плечи во избежание гибели в столь жутком месте. Используя дощатые настилы и постоянно проверяя глубину, мы все же вобрали в сапоги много воды,

из-за чего идти было тяжело. Огромные комары старательно облепляли открытые участки тела, оставляя после себя большие зудящие шишки, и изредка недалеко что-то демонстративно баламутило воду, пугая неведением. На карте, что дал мне Роузел, я видела участок земли, где мы могли обосноваться на ночь, но путь до него был долгим.

Оранжевое небо, бросавшее на нашу группу красноватые блики, вдруг затянуло тучей. Подняв головы, мы с ужасом увидели над собой огромного дракона с всадником, вот только бежать куда-то было невозможно. Кругом ядовитые твари, повсюду глубокая трясина, в воде кишат рыбы, похожие на пираний, а путь вверх венчается пламенем огнедышащей ящерицы. Не успела я сориентироваться, как Авалон набросил мне на голову капюшон. Да, я помню, Императрицы не должны узнать о том, что я здесь, но разве сейчас это имеет смысл?

Очередной комар, севший на мою лодыжку, стремительно сократил расстояние между мнимым хладнокровием и настоящей паникой. Я вдруг поняла, что все те проблемы, которые случались со мной прежде, решались с помощью других. Законы и управление Мордором наладил Лайм, за сожженные поля отомстил Харон, организовав защиту, лекарство создал Азазель, сбежать от тюремщиков мне помогли контрабандисты, а избежать наказания правителей Зоэтии помог Авалон. Теперь же передо мной встал очевидный и ужасный факт того, что ждать помощи неоткуда. Я чувствовала себя, как добыча на открытом поле, — так же незащищенно, — и теперь сполна прочувствовала всю свою беспомощность.

Яркая вспышка осветила всё болото, и чьи-то мягкие руки вдруг толкнули меня вперед, прямо в глубокую воду.

Наверное, я была босиком. Ступая по мокрой листве, я смотрела на знакомый сад, уверенно продвигаясь к низенькой лавке, где я когда-то пила чай. Вдалеке шумно играли дети, и высокие подсолнухи устремляли солнечные лепестки к сияющему замку. В небе сияла яркая радуга, и рабочие, не замечая моего присутствия, с пыхтением выносили из главных дверей розовую мебель. Я села на лавку, краем глаза подмечая, что рядом сидит кто-то ещё.

— А мне нравился розовый цвет, — произнес знакомый грустный голос, и я, не оборачиваясь, отрицательно покачала головой.

— Слишком нежно. И когда его много — приторно.

— Ты не любишь нежности, да?

— Нет, не люблю.

— Мы сильно с тобой отличаемся.

Здесь я, наконец, повернула голову, встречаясь со своим зеркальным отображением. Мне улыбалась милая розоволосая девушка со сверкающими голубыми глазами. Её пышное розовое платье спадало на лавку многочисленными рюшами, а на боку сияла маленькая аккуратная корона, что словно бы придавала правлению отнюдь не серьезный характер. Она грустно улыбнулась и вдруг сгорбилась, потеряв всю аристократичную осанку и величие.

— Так приятно делать то, что хочется... Ты сильная, раз все эти правила нисколько не тревожат тебя.

— Ну, я умею пускать пыль в глаза.

Девушка рассмеялась, прикрывая ладошкой пухлые губы.

— Ты с самого начала шла против мира, да?

— Наверное...

— Трудно вот так исчезнуть из своего мира и попасть в совершенно иной, где тебе никто не рад... Ты уж прости меня, что я оставила тебе в наследство такой беспорядок.

Я внимательно взгляделась в своё же лицо. В своё? Нет-нет, кажется, я выглядела по-другому. Значит, это и есть Сисиль? Настоящая Сисиль? Действительно, слишком добрые глаза, пускай и уставшие, слишком ласковая улыбка...

— Тебе...не обидно, что я вот так заняла твое тело?

— Нет, — вновь улыбнулась она, — наверное, я даже рада, что все мои ошибки заслужили исправления. Пускай и не мной.

— Но ведь это не ошибки! Тебя обманывали, подставляли и...

— Теперь это всё уже не имеет значения. Мне не дали шанса. Знаешь, когда общество поддается чужому мнению и устремляет свой гнев на другого, не разобравшись... Я хочу сказать, что все люди очень скоры на суждения. Может, в каждом из нас живет нечто дикое, что заставляет искать цель для выпуска собственной злобы? Ведь даже те, кто не знал меня, меня ненавидели...просто потому, что им сказали. Как бы ни сложились обстоятельства, в каком бы свете меня не выставили, мне всегда было тяжело лишь от того, что меня никто не желал слушать. Люди любят осуждать. Почему-то они любят смотреть на то, как страдают другие...

Мы замолчали. Я обдумывала слова Сисиль, а она, очевидно, была поглощена собственными мыслями.

— Ты хорошо справляешься, — ответила она спустя мгновение. — Тебя не волнует чужое мнение, и, даже если

тебя не любит целая страна, тебе все равно... Я бы хотела в свое время иметь такой характер.

— Ну, теперь-то все кончено. Прости, я не смогла правильно воспользоваться этим шансом и твоей жизнью...

— Нет, ещё ничего не окончено, ведь есть люди, что верят в тебя и ждут.

— Знаешь ли, меня толкнули в болото.

— Чтобы спасти.

Наши взгляды пересеклись, и я заметила, что розовые волосы Сисиль вдруг начали исчезать, превращаясь в золотые частицы. Её ноги, пальцы на руках, платье — её будто бы уносило куда-то ветром, вынуждая принимать столь волшебный облик.

— Ты сильная, я рада, что именно ты заняла моё тело. Ты — та, кем я всегда хотела стать.

— Стой-стой, куда ты?

— Я подарила тебе большинство своих воспоминаний. Не могу же я вечно цепляться за тебя? Мне пора идти дальше. Теперь я уверена, что оставляю тело в надежной душе.

— Но куда? — почти кричала я, боясь, что исчезающая в золотых искрах Сисиль не слышит меня.

— Все мы переродимся вновь. И даже мы с тобой когда-нибудь встретимся снова.

— Тогда скажи напоследок, кто тебя убил? Слышишь? Скажи!

Но она исчезла, так и не успев ничего сказать. Лишь на земле, формируя ровные линии, странно лежали крупные лепестки пионов. Не нужно было вглядываться, чтобы разобрать в цветочном узоре цифру 1.

Схватившись за траву на небольшом островке, я выбралась на сушу, пытаюсь откашляться. Все тело было тяжелым от пережитых эмоций и впитавшейся в ткани воды, но даже так я чувствовала на языке соленый привкус собственных слез. На темном небе сияли тысячи ярких звезд, и круглая луна бросала на болото холодный свет, выделяя во мраке очертания корявых кустов и заставших в трясине бревен, павших когда-то под натиском ветра или силой живших здесь созданий. Среди стрекота сверчков, всплесков воды и криков незнакомых птиц, я слышала собственное тяжелое дыхание, прерываемое всхлипами и попытками нормально вздохнуть.

Раскинув руки, я лежала в мокрой траве, смотря на небо и чувствуя, как что-то ползет по ладони. Сил поднять руку не осталось. К сожалению, я чувствовала, что засыпаю, и не могла противиться этому желанию, чтобы выиграть немного времени и обдумать произошедшее. Как я вообще выбралась из болота?..

Насекомые стремительно облепляли кожу, и что-то склизкое коснулось лица. Чувство отвращения вытолкнуло из тела жуткую слабость, и, дернувшись, я резко взмахнула руками, пытаюсь сбросить всё, что прилипло ко мне за эти минуты. Приподнявшись на локтях, я еле сдержала тошноту, смотря на то, как по платью ползут десятки червей, оставляя на светлой ткани грязные следы. Я тут же поднялась на ноги, чуть попрыгав на месте, а после с ненавистью ко всем и всему начала давить червей ногами и убивать летающих насекомых руками. Как же глупо...

Горящее поместье, сырые туннели, болото, дракон, вспышка... Кто-то толкнул меня вперед, чтобы спасти, но знал ли этот кто-то, на какой риск он идет, поступая подобным образом? Я выжила только потому, что впервые удача повернулась и улыбнулась лично мне, мне, а не кому-то рядом со мной. Хотя, быть может, ей просто надоело смотреть на мои вечные ошибки и невезения? Как бы то ни было, этот жест, эти руки, толкнувшие меня в болото, поступили правильно. Выжить здесь шансов больше, чем, если бы я попала к Императрицам. Не Авалон ли шел позади меня?..

Где-то вдалеке проревел, как мне показалось, страшный зверь, и я прекратила громкие хлопки, нарушавшие идиллию ночного болота. Сев обратно на землю и обняв колени руками, я вырастила рядом с собой яркий оранжевый цветок, запах и вид которого отпугивал насекомых и всяческих ползучих тварей. Так бы сразу... Но взять себя в руки сразу же после того, как чуть не утонул в болоте, потеряв всех товарищей, довольно трудно. Да что уж, почти невозможно.

Что будет с ними теперь, когда в их существовании Императрицам нет никакой пользы? Их забрали у меня, лишив не просто уверенности, лишив надежды и неосуществимых мечтаний. Неужели я и правда решила, что смогу противостоять целой стране? Стране, у которой есть армия, множество талантливых магов, рептилий, баррикад? Насколько же надо быть самоуверенной... Может, я понадеялась на удачу других? Самонадеянно. Нужно быть любимцем фортуны или обладать телепортом, чтобы силы огромной страны не смогли тебя найти.

Что-то выпрыгнуло из воды, задевая низкую ветку дерева, и я дернулась, как испуганный, загнанный заяц. Я одна посреди опасного болота без еды и каких-либо припасов. Рядом нет Подсолнуха, что любезно нальет чай и принесет плед, нет мягкой софы у раскрытого окна, и нет длинного стола, что ломился бы от всевозможных сластей. Если подумать, то я даже не знаю, где я точно, — карта наверняка размокла и порвалась там, где нас атаковали. А сколько времени прошло? Нет-нет, наверняка это тот самый день, сменившийся ночью. И что же теперь делать? Спать. Да, опасно бродить по болоту, но делать это ночью — самоубийство. Стоит вырастить вокруг себя оранжевые цветы и поспать, а утром я решу, наверное... Что же мне делать одной...

«Прием, кто-нибудь слышит?»

Я дернулась и быстро обернулась, будто бы говорящий был прямо позади.

«Пожалуйста... Прием»

Подобравшись на четвереньках к противоположному концу островка, я осторожно взглянула в воду, где освещаемый лунным светом плавал шар связи. Трудно описать то облегчение и ту радость, которые я испытала в тот момент, — могу лишь сказать, что никогда в жизни не испытывала я такого чувства. С трудом поднявшись на ноги, я отломала от дерева длинную ветку, которой начала подгонять шар ближе к берегу, а после схватила его руками, очистив от противной вязкой зелени.

«Прием» — дрожащим голосом произнесла я, узнавая в говорящей Гертруду. «Прием, ответь!!!»

«Кодовое слово?» услышала я на другом конце, и неожиданно для самой себя начала плакать — настолько этот шар казался мне спасительной нитью.

«Кодовое слово — Херанука»

«Сисиль, это правда ты?! Слава всему... Ох... Я думала, что и ты в плену... Где ты??»

«В болоте... Недалеко от второго региона. А вы? Где вы?»

«Мы в Мордоре...»

Как же громко упало сердце вниз в этот момент. На что я надеялась? Они на другом конце Шеэтии, и им придется преодолеть множество секторов, чтобы добраться сюда... И все же, даже так... Немного легче.

«Я слышала, что все регионы и Центр пали...»

«Да. Мы прибыли уже к концу сражения. Уцелел только замок, все остальное — пепелище...Людей увели в плен в другие регионы»

«А мои люди?»

«Думаю, их отправили в Первый регион. Я слышала, что Императора тоже удерживают там. Всех, кто не принесет клятву новой власти, казнят»

Я поспешно утерла слезы. Не мне одной сейчас плохо и страшно.

«Сисиль, что произошло?»

«Аритька забрала всю мою группу в плен. Авалон толкнул меня в болото, поэтому меня не заметили и не забрали»

«Ты же могла утонуть!!!»

«Все в порядке...Что у тебя?»

«Мы не знаем, что делать...В Мордоре не осталось ничего и никого, пускай мы его и заняли. Но я слышала от Яйры, что факт появления атлантов в качестве сопротивления взволновал народ»

«Яйра в порядке?»

«Более чем. Когда она узнала, что Аритька отправила войска на поместье Ебельманий, то вышла в народ и показала себя. Не говори ничего. Это оказалось хорошим ходом. Люди ведь думали, что мы мертвы, а тут вот...Она теперь распространяет мнение, что это Императрицы все подстроили, что мы живы, что Император не виноват. Народ уже в замешательстве...Но такими темпами от Яйры быстро избавятся...Мы должны что-то сделать...»

«Когда придут оставшиеся войска атлантов?»

«Через три дня»

«Как только они придут, тотчас выдвигайтесь к центру. Скажи Яйре то же самое»

«Сисиль, мы можем не успеть»

«Почему?»

«Они могут поймать Яйру раньше, могут казнить наших людей уже через два дня...»

«Я...не знаю, что делать...Сижут тут посреди трясины, даже есть нечего...»

«Не желаю слушать это от тебя»

«Но...»

«Сисиль, ты вдохновила всех нас на этот шаг! И мы решили идти до конца. Может, ты находишься в шоке... Давай, поговорим завтра. Я буду думать»

Я проснулась днем, ощутив на себе всю прелесть солнцепека. Пустой желудок подло заставлял взгляд блуждать по сочным крупным ягодам, но мне пришлось продолжить путь в ту сторону, откуда, как мне казалось, я пришла. Пробраться по болоту одной было тяжело, но, когда почва под ногами вдруг стала тверже, а ландшафт при этом по-прежнему был незнаком, я поняла, что пошла не в ту сторону. Столь обескураживающий на первый взгляд факт ничуть не испугал, ведь под ногами была земля, и я могла идти вперед, не боясь утонуть в вязком болоте, где меня и не найдет потом никто. Деревья здесь были редкими, располагаясь на больших расстояниях друг от друга, а некоторые из них были вырваны с корнем, как если бы тут бушевал великан. В дупле одного дерева я нашла несколько яиц, два из которых пришлось выпить сырыми — все лучше, чем слушать урчание желудка и испытывать жуткий голод.

Только теперь я могла сесть и обдумать всё, что происходит ныне. Гертруда с сотней атлантов находится в Мордоре, представляя на данный момент главную угрозу для Первии. Яйра настраивает массы против Императриц, подвергая себя непередаваемой опасности каждый день. Мои люди находятся в плену и навряд ли согласятся приносить клятву после всего, что произошло, а это означает для них один неисправимый конец. Предположим, девятый, восьмой, пятый регионы, а также Центр до сих пор верны первоначальной цели, но все они в плену, никто не сможет нам помочь в решающем ударе. Надежда остается только на волнения, которые распространяет Яйра, но не испугаются ли люди бороться за правду, когда их подкупит ложь?

А что же я? Не смогла даже сделать ничего для Авалона, для своего брата. Это им пришлось спасти меня, а ныне я сижу под деревом и не знаю, как им помочь. Я не всемогущий герой чудесной истории, и ко мне не придет откровение или неожиданная помощь. Реальность такова, что приходится изворачиваться самому, но могу ли я похвастаться хотя бы тем, что я хитрожопый и аморальный герой чудесной истории?

«Ты сильная, я рада, что именно ты заняла моё тело. Ты — та, кем я всегда хотела стать»

Сисиль не должна сожалеть о том, что отдала свое тело мне. Если я и попала в этот мир, значит, я что-то да могу сделать, и, если кого-то толкает вперед доброта и мечта, то мною движут злоба и гнев. Да, я не поучительный герой сказочной истории, и мне бы больше подошла роль харизматичного антагониста, однако...Мы и не в сказке.

И я уж точно не антагонист. А даже если и антагонист, то мне должно быть все равно!

Итак, теперь, когда я восстановила шаткий настрой, что же мне делать? Предположим, я могу вырастить такие цветы, от которых всем станет плохо. Могу? Могу. Уже неплохо. Я могу вырастить цветы, от которых падут воины. Могу? Могу. Я могу сделать так, что все в округе зарастет и ни у кого не будет урожая. Могу? Могу. Но мне нужно что-то еще... Некое оружие, что поможет мне сделать все это до того, как меня схватят и я опять окажусь в темнице.

Встав с земли и вынув из дупла еще два яйца, я пошла вперед, надеясь на то, что куда-нибудь, но я выйду, однако, пейзаж вокруг совершенно не менялся. Гертруда так и не связалась со мной по шару, а я не могла использовать магию первой, так как моя энергия в больших количествах могла бы привлечь внимание здешних существ. Надеюсь лишь на то, что с ней всё в порядке... Хотя, навряд ли Первия будет медлить с атлантами, когда её цель так близка. Ну, ничего... Ты ещё не знаешь, какой я тебе букет несу — он прекрасно дополнит твой венерический! Ох, люблю, когда в голове такие мысли. Всё лучше, чем плакать, бояться и сидеть на месте. Каждого человека разные чувства ведут вперед, однако, в моем случае это голод и злоба.

Начало смеркаться, и я устала, поняв, что потеряла один день. Не мне напоминать о том, как важно время в данном случае, но вот оно вновь ускользает из рук подобно песку. Обмахиваясь оранжевым цветком и расчесывая большие шишки на руках — как же я ненавижу комаров — я на ощупь пробиралась вперед, надеясь не наткнуться на что-то склизкое и живое. Вместо этого я треснулась лбом о низкую ветку, а после врезалась во что-то большое, но вместе с тем гладкое, что вначале показалось камнем. Решив рискнуть, я вспомнила базовую магию и зажгла на кончике пальца маленький огонек, а после услышала собственный странный звук, какой обычно произносят, когда тужатся...

Я, конечно, питалась всё это время яйцами, от которых крыло поносом, однако, я и подумать не могла, что наткнусь на огромное яйцо! Два метра в высоту, метр в ширину, да ещё и не одно! Здесь их было около шести, но одно из них оказалось аккуратно надломанным, словно бы кто-то снаружи проделал дыру, попытавшись вытащить зародыша. Я осторожно заглянула внутрь — там было пусто, хотя и много слизи. Возможно, я наткнулась на кладку какого-то существа, а другое страшное создание приходит сюда поджирать невылупившихся детенышей.

Я бы размышляла так и дальше, если бы неподалеку не свалилось дерево. Послышался приглушенный рык, и инстинкт самосохранения заставил меня залезть прямо в дыру, чтобы после свалиться в вонючую слизь. Я посмотрела достаточно фильмов ужасов для того, чтобы знать — бежать от кого-то огромного и опасного не просто опасно, но ещё и глупо и чревато последствиями. Пересажу в яйцо. Может, благодаря этой слизи меня по запаху и не найдут, а после, когда это что-то уйдет, уйду и я.

Что-то коснулось скорлупы, отчего яйцо вместе со мной пошатнулось вперед. Я свалилась вперед и поперхнулась слизью, попавшей мне в рот — какой же тошнотворной она была на вкус! В ответ раздалось очередное урчание, такое, будто бы рядом где-то заводился старый трактор. Пожалуйста, пусть это что-то хотя бы не наступит на это яйцо! Зачем я вообще сюда полезла!!! Словно бы в довершение всего происходящего другие яйца начали трескаться, и их скорлупа падала на землю — я видела все это через дырку. Прекрасно! А мне что делать? Я не видела, кто вылуплялся из яиц, но каждый неведомый детеныш обязательно издавал писклявый протяжный звук. Хочу в Мордор. Сидеть в мягком кресле и кушать плов, а не глотать слизь и сидеть посреди какого-то мракобесия.

Что-то огромное вновь коснулось и моего яйца. Ещё раз. И ещё. Что? Осталась только я? Это опять программа «Сдохни или умри»? Хорошо! Всё во имя жизни! Я делаю это для своего светлого будущего, для дорогих моему сердцу людей, для Сисиль, что верила в меня, для своих товарищей! Я налегла на скорлупу яйца и пронзительно заорала, вываливаясь наружу. Я Лунтик. Я родился.

На меня смотрело пять огромных голов. Из-за шока я не могла оценить размеры стоявшего передо мной существа, но то, что это была гидра, я поняла однозначно. Чуть помешкав, срединная голова уверенно меня облизнула — наверное, и у гидр рождаются мутанты...

Плохо... Все очень плохо. Паршиво.

Я вешу в темнице и не могу даже пошевелиться — руки крепко связаны цепью, за которую я подвешен к потолку. Ифриты терпимы к боли, и даже самый сильный раздражитель может показаться нашей расе обычным уколom, но другие... Я дергаю рукой, но кровь с запястий капает на глаза и сильно жжет. В углу блестят щипцы с недавно вырванными ногтями — как старомодно — а на полке источают ядовитый запах красные колбы, заботливо поставленные над спиртовыми горелками. Во рту скапливается кровь, и я сплевываю её на пол вместе с зубом — ничего, у ифритов растут новые. Неудобство доставляет лишь кинжал, воткнутый в левую икру, — эта рана зудит и не проходит, так как лезвие не убрали. Да, они явно намерены причинить мне как можно больше боли.

Я ещё могу мыслить трезво, но я не решаюсь поднять взгляд на камеру напротив, где висит Император. Его кожа взрыта, как земля после вспашки, но ежедневно ему вновь и вновь наносят удары хлыстом. Его голова безвольно лежит на груди, и на виске засох след от темной крови. Он не кричит, не разговаривает, ничего не

просит. Я знаю, что четыре Императрицы смогли победить его, только сложив свои силы в мощный артефакт, но даже в этой неравной борьбе, он будто бы вышел победителем. Они сместили его с власти, вот только по закону Император должен прилюдно передать корону выбранному кандидату, а эти суки не могут выдавить из него ни слова. Народ ждет. Император молчит.

Впервые я рад клятвам. Рад настолько, что это сохраняет мой разум трезвым. Император неприкосновенен, и тот, кто убьет его, будет проклят Богиней Смерти. Даже Императрицы боятся проклятий... Это странная война. Люди, что изначально встали на сторону Императриц, ныне сомневаются в своих действиях, а силы нападения и обороны совершенно не равны. То, что мы столько продержались, — настоящее чудо. Всё же, нам было за что сражаться, было за кого...

Я надеюсь, что Сисиль в порядке. Её стойкий характер не дает мне повод расслабиться, ведь она имеет удивительный талант влезать в неприятности одни своим шагом, одним своим чихом. Где она сейчас? Интересно, впадет ли она в ярость, если увидит нас такими? Да, впадет, и я бы посмотрел на это... Если она придет сюда, что я ей скажу? Может, отшучусь, что неплохо здесь «зависаю»? Она не посмеется. Я видел Сисиль в гнев, и это одна из немногих вещей, которые я опасаюсь. Она мало контролирует себя под влиянием столь сильных чувств, и, хотя месть за меня мне приятна, я не желаю её, если это угрожает Сисиль.

Император дернулся, медленно поднял голову, но после понурил её вновь. Затих. Я знаю, что на этом же этаже держат Харона — его наказание особо сурово, ведь он столько же воинов отправил в могилы. Первые дни я слышал его крики. Кажется, его бьют раскаленным железом, а после зовут огромных стражей, что избивают его в своих латных доспехах. Единственный, чья судьба мне неизвестна, это Лайм. Поначалу его держали рядом, а после вдруг куда-то увели. Я слышал, что остальных держат в другой тюрьме, возможно, и он там?

Они пытаются нас уже долго. Изнурительно. Хотят, чтобы мы, как и Император, признали их прилюдно. Хотят, чтобы мы возненавидели Сисиль, чтобы мы считали её виноватой в этих страданиях, но они не учли одно — именно Сисиль объединила нас и дала новую цель, мы не можем возненавидеть её. Это невозможно. И я бы отдал эту самую ногу с кинжалом на отсечение лишь бы узнать, где она и что с ней.

Дверь в конце коридора открылась. Я уже знаю этот звук и то, что будет после него. Сегодня мне собирались проткнуть ещё одну ногу, потому что Харон потерял сознание от болевого шока, а Император не открывает глаза второй день. Чувствую себя странно. Некая надежда по-прежнему держит меня в узде, несмотря на то, что вскоре меня повесят на площади. Готовиться к смерти, но при этом ждать чего-то иного... Ненавижу метаться из крайности в крайность, но зудящая рана заглушает это чувство.

Что ж, пора.

Хотел бы и я потерять сознание...

Когда мне было семь лет, отец запер меня в старом сарае в наказание за непослушание и нежелание учиться. Я не был глупым ребенком, однако, как и многие другие дети, желал посвятить юные года совершенно другим занятиям, и учеба с перерывами на еду совершенно не входила в эти планы. Если вспомнить, в то время работа советника казалась мне излишне ответственной и скучной в отличие от мага или же охотника на чудовищ. Меня манили приключения, несколько пьянила возможная слава, но детский ум не в состоянии противиться наставлениям родных людей, которым ты доверяешь больше, чем себе. Так, мало-помалу, идеология отца превратила мои мечты в "глупости", выставив работу советником единственной достойной целью, за которую стоит бороться. Быть может, он подарил мне собственную мечту, которую так и не смог исполнить много лет назад, вот только едва я стал советником и известным лицом, как меня постигло лишь разочарование. Я не этого хотел. Это была не моя цель.

Интриги, сплетни, заговоры, ложь и вездесущее тщеславие — этого не было в работе охотника, что путешествовал по красивым пейзажам, помогая народу избавиться от страхов. Но этого было слишком много в замке, где посреди роскоши ты чувствовал себя нищим. Я не решил говорить об этом отцу, ведь он был стар и счастлив, но, когда его не стало, я потерял и мнимую цель стремиться дальше, и всю мотивацию. Я решил покинуть пост советника и начать всё с самого начала, а потом встретил Сисиль.

— Итак, господин Лайм, что вы решили?

Я повернулся к худосочному старику с моноклем на перевес — выглядел он, если не надменно, то уж очень самоуверенно. Кажется, эта личность занимала должность советника при дворе Первии и справлялась со своей работой вполне неплохо: во всяком случае он знатно достал меня за это время.

— Господин Лайм, в новой Империи вы сможете занять высокий пост, если окажете нам свою помощь. Это расточительство — потерять такого образованного и умного человека, как вы. Вы же понимаете, что всё уже предрешиено? Ваша сторона проиграла. Когда война окончательно завершится, мы передадим Мордор под ваше управление. Это ведь вы подняли его лично? Понимаю, трудно потерять собственное детище...

— Какой абсурд, — вырвалось у меня вместе со смешком. Даже слушать противно. — Я советник Императрицы Сисиль, и нынешнее положение Мордора — её заслуга. Я лишь поддерживал порядок, пока она шла вперед.

— Но госпожи Сисиль больше нет, а её правление было возмутительным и варварским.

— Вы можете убеждать этим бредом глупый народ — он во все поверит — но не меня.

Императрицы решили переманить меня на свою сторону, посчитав, что именно я развил Мордор до совершенно нового уровня, — и в этом и была их ошибка. Они сделали ставку на меня и на притворную глупость Сисиль, и эта ставка вскоре сыграет против них самих. Чем дольше они удерживают меня во дворце, пытаюсь полоскать мозги новыми глупыми идеологиями, тем больше новостей я узнаю и тем дальше нахожусь в информационном эпицентре. Они думают, что меня можно купить. Вот только именно потому, что советник — это не моя цель, меня и тошнит от этой купли-продажи. Вся разница в том, что рядом с Сисиль я чувствую себя свободно, пост советника рядом с ней не тяготит разум, и я знаю, что она прислушивается к моим желаниям и позволит заниматься всем, чем я захочу. Быть её советником — мой личный выбор.

Я знаю, что Сисиль жива, ведь вместе с Агриппиной за несколько часов до падения Мордора пришло от письмо. К сожалению, и Императрицы подозревают то же самое. Они уверены в своих силах, но относятся к противникам настороженно — к сожалению, они не глупы, и их советники умные личности. Вот только, находясь во дворце, я вижу, что некоторых не устраивает данный переворот, что многие предпочли бы вернуть прежнюю власть, в которой была уверенность, и этим я собираюсь воспользоваться максимально. Нужен лишь небольшой толчок... Жест, что заставит людей задуматься о смене стороны...

— Господин Лайм, мы даем вам на решение ещё два дня, после чего вы, как и другие советники госпожи Сисиль, отправитесь на виселицу за измену.

Да, прилюдное повешание — неплохой способ запугивания масс, учитывая, что казнят людей привелегированных и знатных. Эта участь пугает и меня, ведь смерть эта мучительна и ужасна. День за днем на главной площади казнят советников пятой и восьмой Императриц, поэтому наш черед лишь дело времени. Я с дрожью представляю, что сейчас выносят Харон, Азазель и Рагнарек, а потому я должен сделать всё, что в моих силах, покуда я в замке, пускай и под стражей. Нужен лишь толчок... Боги и Богини... Я прошу вас, если Императрицы низвергнут эту в страну в хаос, дайте нам помощь... Если же они приведут её к процветанию, то я не в праве идти против судьбы, но и на поводу у неё не пойду. Но могут ли люди, столь жадные до власти и денег, привести страну к процветанию? Нет, такая страна обречена на вечное нищенское постоянство...

— Господин Ячи, у нас есть... проблема, — слуга, что до этого скромно стоял у двери, вдруг подошел к пожилому советнику, склонившись к его уху. — Это очень срочно.

Надменно хмыкнув, господин Ячи поднялся с кресла, тогда как слуга, воспользовавшись замешательством господина, незаметно сунул мне пару писем — я спрятал их за рубашкой. Они вышли из комнаты, но остались в коридоре, а потому, подойдя к двери, я прислушался:

— Ну, что там, говори быстрее!

— Господин Ячи, на самом деле, это настоящая беда. Селяне говорят, что не дадут в этом году часть урожая войску.

— Как это не дадут! Выпорите того, кто посмел сказать такое!

— Понимаете, в полях вдруг начали расти Риринии...

— Это ещё что?

— Это цветы, господин. Ужасные сорняки, что забирают всю воду себе и не дают расти другим растениям!

Урожай, по словам селян, будет скудным. Им самим еле хватит...

— Черт бы побрал эти Риринии! От них можно избавиться?

— Селяне пытаются, но они вырастают вновь. Говорят, что на нас прогневалась Богиня Плодородия...

— Мы сражаемся за благое дело! Какой гнев?

— Ну, яростный такой...

— Замолкни, тупица!

— Но это ещё не все...

— Что ещё?

— Ну... Начали пропадать животные из второго региона...

— А там-то что!? Тоже Риринии??

— Нет, господин Ячи. Гидры на болотах вдруг стали выбираться на земли.

— ЧТО?! — завопил советник, как резанный. — Эти монстры?! Отправьте туда драконов, немедленно!

— Господин... Драконы боятся гидр, ведь те невосприимчивы к огню, а их кожа, как броня, и...

— Замолчи! Заткнись! Немедленно собери других!

На моем лице вдруг появилась улыбка. А ещё через минуту я неожиданно для самого себя рассмеялся. Никогда не молился, но кто бы подумал, что моя первая молитва будет услышана так скоро. А ты, как всегда, не скупись на эффектные появления, Сисиль. Интересно, гидры — твоих рук дело или просто совпадение?

Я бросил взгляд на пачку писем, что уже порядком измялись. Что ж, думаю, написанный там ответ меня очень порадует....

"Здравствуй, дорогой дневник.

Пишу тебя в блокноте, который стащила в ближайшей деревне, пока селяне бежали прочь, издавая крики ужаса. На самом деле, это несколько невежливо, ведь у каждого семьи разные, хотя моя, безусловно, причудливее некуда. Можно сказать, что меня удочерили, и в целом я не против подобной перспективы. У меня есть два брата и две сестры, хотя, если считать по головам, то гораздо больше, но, несмотря на то, что голов у них много, я все-таки умнее. Думаю, моя пятиголовая мама мной гордится.

У нас насыщенные дни. Сегодня утром мы купались в озере, куда уже давно планировали выбраться, а после пошли пугать селян. Потом у нас был пикник — довольно незапланированный. Просто братья и сестры очень много кушают (чем больше они едят, тем больше становятся), а мне нужно, чтобы они выросли, как мама, гораздо быстрее. Мама у меня очень большая — если она вытянет свои головы вверх, то станет, как настоящая трехэтажка из моего родного мира. Я вообще удивлена, как при таком раскладе, она меня случайно не задавила, но мама очень внимательна и до сих пор надеется, что я вырасту.

В нашей семье я самая умная (если бы это было не так, то моя самооценка бы рухнула в тартары). Именно я веду нас в деревни, где больше всего скота, и мои родственники наедаются досыта, пока я выращиваю на полях риринии. На самом деле, гидры не очень много кушают — я имею в виду, большие гидры. Но из-за того, что я своего рода "маленькая гидра", меня пытаются накормить. Мама постоянно приносит мне то рыбу из болот, то лосей, и мне приходится их жарить, чтобы демонстративно съесть. Братья и сестры любят меня, так как почти всю еду я отдаю им.

Живем мы в целом неплохо, хотя иногда меня и тошнит. Сегодня вечером мы переехали в очередную деревню, где почему-то совсем нет соседей. Здесь красиво, и моя семья очень довольна — ещё бы, здесь глубокое озеро, красивые поля и, что самое главное, здесь — не болото. Иногда меня посещают мысли, что пять голов — это неплохо. Пытаюсь отбросить эти мысли.

Мой план пока имеет успех. Селяне боятся и считают риринии проклятьем за их действия. Слои населения начинают ссориться, потому что первые не желают отдавать еду вторым, а гидры дополняют этот хаос своим внезапным появлением. Надеюсь, что эти слухи быстро распространятся по Шеэтии, и Яйра с Гертрудой верно истолкуют мои действия. Надеюсь, что эти действия взбодрят и моих людей, если они смогут узнать эти новости...

Я медлю, но, кажется, пора начинать действовать. Интуиция подсказывает, что удары нужно наносить стремительно, иначе я опоздаю. Я верю в тех, кто на моей стороне, и знаю, что удар будет не только с моей стороны, ведь если бы оппозицию представляла только я, то не помогли бы ни гидры, ни моя магия. Но теперь можно приступать к следующему шагу.

Я знаю, какую воду пьет войско Чертии, и уже взрастила в том водоеме ядовитые травы. Да, я поступаю ужасно. Если бы главной героиней была Первия, то я бы стала знатной и известной злодейкой. С другой стороны, я поступаю не как она: я травлю, но я не убиваю. К тому же, моя родня хочет есть, и вообще у меня много дел: нужно выполнить свои планы, накормить братьев и сестер, защитить их от огромных змеюк, пока мама ищет еду, и выстирать трусы.

Завтра днем мы отправимся ко второму региону. Там есть ещё одно болото, где живут мамины родственники. Надо бы их проведать".

Угробить урожай? Выполнено. Травануть войско Чертии? Выполнено. Заставить обоссаться нескольких детей от страха? Перевыполнено. Согласитесь, это очень своеобразный список дел на день, учитывая, что раньше в него входили такие пункты как "не забыть полить цветы", "купить Доместос" и "попросить Сашу вернуть сотку". С другой стороны, в прошлой жизни я не заботилась вопросом выживания, а потому столь резкая смена приоритетов вполне простительна для человека, что видел процесс повешения исключительно в фильмах. Поступаю ли я правильно? По сути, у меня попросту нет выбора. Пресмыкаться по болотам всю свою жизнь и ждать часа расправы — глупо и отчаянно — при таком раскладе я скорее отращу себе ещё четыре головы, чем сохраню рассудок и смирюсь. Поэтому мой выбор сражаться за себя и дорогих людей даже логически обоснован. Почему я делаю акцент на "логически"? Потому что есть и иная сторона моих действий, что объясняется звездами, Плутоном в созвездии Близнецов и выросшим на Мадагаскаре папоротником — мистически одним словом. В самом деле, это трудно объяснить, но я буквально чувствую, что делаю всё верно, что должна быть сейчас в Первом регионе, спасая других, и это стороннее влияние воздействует сильнее, чем если бы я все просчитывала разумом.

"Зазналась ты Сисиль", — скажете вы. "Ещё недавно тряслась, как осиновый лист, а теперь так уверена в себе", — подтвердят другие. А как иначе? Я сижу верхом на огромной гидре, тогда как позади шестует ещё десять! Я чувствую необычайно мощный прилив маны, и некая незримая сила лишь подталкивает на столь отчаянный шаг. Интуитивно я знаю, что иду на войну не одна, что шанс, казавшийся призрачным, ныне есть, что люди в смятении и примут правильное решение, когда узнают правду. Конечно, сейчас я воплощение уверенности! Нахлебавшееся слизи, болотных вод и случайно залетевших мошек воплощение уверенности! Не хватает только таблички "На Первию", которую я бы налепила на гидрах, но это, наверное, чересчур.

Дорогу нам никто не преграждает. Странно, правда? Бояться что ли... Но даже так я всё равно прилагаю усилия. Всё же мне приходится вести гидр в первый регион, а они за счет врожденной привязанности к болотам норуют повернуть обратно. Если бы я все это время не приводила их к пище, навряд ли бы они пошли за мной так далеко — но вот они инстинктивно идут позади, думая, что я веду их к очередному источнику пропитания, а я лишь закрепляю этот интерес останавливаясь периодически в деревнях с крупным рогатым скотом. Да, из-за этого мы продвигаемся медленнее, чем предполагалось, но так я хотя бы доведу их до первого сектора, а уж там мы оттянемся по полной.

Возможно, я поступаю жестоко: гидры приняли меня за свою, а я пользую их силой, вполне предполагая, что навряд ли из сражения выйдут все. Такой ли должна быть Императрица, желающая мир своему народу? Должна ли она жертвовать другими живыми созданиями, тщательно взращиваемым урожаем и водоемами? К сожалению, я не придумала иного решения и лишь надеюсь на собственный выстроенный план по дальнейшему устранению голода и на живучесть гидр, которым после победы я организую люксовую жизнь в благодарность за всё.

Нападут ли они на моих врагов? О, безусловно. То, что гидры прекрасно чувствуют энергетику своих сородичей — это факт. А я из яйца вылупилась, слизи наглоталась, ещё и с ними пожила. Считайте, что я мутировавшая гидра. К тому же, я уже обеспечила нам спокойное передвижение до Первии, дабы избежать ненужных потерь: часть воинов занята Мордором, который заняли атланты, другая, большая часть, отравлена, а другая ожидает нас в первом секторе, наверняка подготавливая план. Я сделала ставку на то, что меня они там не ждут: благодаря этому плану, войска спланируют атаку против гидр, не принимая во внимание мои магические таланты. Надеюсь, это станет для них роковой ошибкой.

Утром мы связались по шару с Яйрой. Она собрала под своё крыло всех восставших и также направляется к первому сектору, где, по собранным данным, находятся почти все необходимые нам Императрицы. Я говорю "почти", потому что Чертия сражается с атлантами в Мордоре, поэтому нам предстоит разобраться с Первией, Аричькой и Сильвией. Никогда не представляла себя воительницей, но, очевидно, это очередная обязанность хорошей Императрицей.

Что ж, я лишь молюсь на лучший исход. Пусть всё пройдет без лишних жертв. Хотя, возможно ли это?

Утратив способность говорить, я научился внимательно слушать и тщательно обдумывать все брошенные мне слова. Так как мне больше не требовалось подготавливать ответ, я мог уделять гораздо больше внимания повадкам собеседника и его привычкам, я, наконец, смог отличать правду от лжи, осознал истинную ценность слов и стал мудрее, приобретая любовь к рассуждениям и анализу. Это множество раз помогало мне в жизни. Это помогло мне и сейчас.

Находясь в темнице вместе с Роузелом и главнокомандующим атлантов, я знал, что грядет переворот. Когда я отталкивал Сисиль от удара, прося прощения и надеясь на её спасение, я знал, что наше похищение нисколько не конец, возможно, это лишь начало чего-то более революционного. Окажись Сисиль в темнице, в руках тех, кто жаждет её смерти, исход был бы предreshен, и нам осталось бы только наблюдать за гибелью любимого и родного

человека, жизнь без которого я представить не могу. Уже для меня это был бы конец.

Я слышал разговоры тюремщиков: их опасения за урожай из-за внезапных сорняков, их страхи за гидр, что вдруг вылезли из болот, — и я всё больше убеждался в том, что день переворота гораздо ближе, чем предполагалось. Я много рассуждал, много думал, пытаюсь сопоставить все события с действиями Сисиль, и пришел к выводу, что всё это совершенно не случайно, что во всем есть последовательность, и что план Сисиль сколь необычен, столь и жесток. Она сильно изменилась под натиском судьбы. Но, возможно, именно благодаря этому всё получится.

Я думал о том, что она не ринется в бой, сломя голову, что, скорее всего, атака будет с нескольких сторон, одну из которых представит Яйра, но кто будет третьей? Наверняка, Гертруда сейчас занята в Мордоре, и попросту не успеет прибыть в первый сектор вовремя, но я более чем уверен, что удар нанесут с трех сторон. Возможно, интуиция. Возможно, этому есть логическое объяснение, которое я пока не в силах растолковать. К сожалению, сказывается стресс, недосып и голодание — нам дают лишь воду, стараясь вымотать настолько, насколько это возможно.

Стоило глазам сомкнуться под давлением тяжелых век, как наверху что-то оглушающе прогремело. Земля затряслась, и клубы пыли повалили с потолка, поднимая испуганные крики и всеобщее волнение. Растерявшиеся тюремщики незамедлительно рванули наружу, позабыв о постах, а взрывы продолжались один за другим, словно бы кто-то вознамерился похоронить заживо всех заключенных. Встав на ноги, я краем глаза заметил главнокомандующего атлантов, что быстрее всех пришел в себя и подошел к решетке, проверяя ту на прочность. Чуть разогнавшись и чуть не споткнувшись при этом о Роузела, огромный атлант врезался всем телом в прутья, снося решетку с не менее оглушительным лязгом.

В подобных случаях паника является обоюдоострым мечом: с одной стороны, мы остались без охраны, что позволило атланту без труда выломать каждую темницу. С другой стороны, находящиеся с нами заключенные были в настоящем шоке, не решаясь сдвинуться, тогда как другая часть незамедлительно рванула к выходу, будто бы побег мог обеспечить им целостность. Именно поэтому людей, сохранивших самообладание, оказалось очень мало, около пятнадцати, но вместе с ними мы были готовы действовать. Все они были верны Императору, и даже столь небольшой компанией шанс помочь напавшим увеличивался в несколько раз.

Мы осторожно выскользнули из темницы, в очередной раз удивляясь пустоте коридоров и комнат, и оказались на улице, покрытой воронками и клоками взорванной земли. Поставив вокруг щиты, наш отряд перебежками двинулся к эпицентру происходящего, со стороны которого слышался оглушительный рев и испуганные крики, и стоило ли говорить о том, что вся усталость была незамедлительно вытеснена напряжением и, что уж умалчивать, страхом. Стоило нам ступить на площадь перед тюрьмой, как мы оказались по щиколотку в воде, что неустанно прибывала с западной стороны, а пробежавшие мимо стражи даже не обращали на нас никакого внимания — должно быть, враги всецело занимали их умы, не позволяя думать более ни о чем.

Роузел нашел переулок, через который мы могли добраться до цели, но стоило нам ступить туда, как что-то огромное рухнуло неподалеку, снося дома и заваливая улочки. Быстро обежав разрушенный фонтан, я наткнулся на одну из голов огромной гидры, что яростно раздувала ноздри, в попытках вернуть равновесие и встать на лапы, которые, очевидно, связали сетями. Но прежде, чем я додумался помочь, мимо меня невозмутимо прошествовало огромное подобие венерины мухоловки — ловко проползя на корнях по самой гидре, растение вцепилось острыми зубами (!) в сети, разрывая их на клочки и давая гидре возможность встать. Решив не испытывать судьбу и не дожидаться решения гидры касательно моей персоны, я устремился вслед за Роузелом и атлантом, пытаюсь обнаружить источник постоянно прибывающей воды. Яйра! Ну, конечно же!

— Глядите! — крикнул один из наших спутников, указывая пальцем в сторону замка Первии. Там ярко полыхала одна из башен, поднимая клубы дыма прямо в небо. — Атакующие уже в замке!

— Нет, — покачал головой Роузел. — Атакующие лишь направляются туда. Скорее всего, в самом замке тоже восстание!

Люди с криками бежали нам навстречу, тогда как мы, подобно группе самоубийц, направились прямо к замку, неподалеку от которого высились многочисленные головы шествующих гидр. Смотреть на них было страшно: они пронзительно ревели, попеременно вытягивая шеи, и одни их исполинские фигуры внушали ужас и трепет. Продвигались гидры к дворцу очень уверенно, будто бы что-то, точнее, кто-то вел их вперед, указывая верную дорогу. Уверен, это Сисиль. А, значит, нам нужно как можно скорее поспешить на помощь.

— Откуда идет вода? — крикнул на бегу атлант, и я кивнул в сторону замка.

— Значит, и Яйра уже там? — риторически спросил Роузел. — Тогда, её группа тоже там. Думаю, нам стоит встретить их и объединиться. В такой неразберихе нас могут принять за врагов.

— Согласен. Если и в замке подняли восстание, то им понадобится сильная помощь. Соберем людей и отправимся.

— Но как же Сисиль? — прочитал мои мысли Роузел, что встревоженно смотрел в сторону грохочущих гидр. Атлант в ответ лишь усмехнулся.

— В той давке нас и не заметят. Будем помогать своими силами. Неужели вы в самом деле думаете, что именно Сисиль нуждается в защите? До замка она сама эффектно доберется — всё же именно она приняла на себя все внимание. А в замке уже мы ей и поможем.

Я ощущала себя героиней небезызвестного фильма "Годзилла" с той лишь небольшой пометкой, что роль Годзиллы досталась мне. Стоит начать с того, что образ завоевательницы оказалась мною излишне романтизирован, отчего по прибытии к воротам первого сектора сложилась донельзя комическая ситуация. По первоначальной задумке я врвалась в регион с ноги, как делают все протестующие в загсе, и стремглав неслась ко дворцу, оставляя позади не только хаос, но и яркий след в истории. На деле же, я никогда замки не завоевывала, с армией на земли не вторгалась и вообще была склонна считать излишнее насилие качеством не самым лучшим. Восседая верхом на гидре-маме, забывшая о тине в волосах и грязном платье, я задумчиво жевала колосок, смотря на четырех охранников перед воротами. Те, в свою очередь, не менее задумчиво смотрели на меня, явно пытаясь вспомнить, предупреждали ли их вообще о подобном визите. Напряжение ощущалось всеми фибрами души: я не знала, как объяснить людям то, что я пришла воевать, а они косились на гидр, словно бы я была торговцем из третьего региона, решившего торговать причудливыми зверушками. Время шло, но молчание сохранялось. Я впервые за всю свою жизнь доела колосок. Наконец, один из охранников скромно прокашлялся:

— У вас есть...пропуск?

— Его съела гидра, — не менее скромно ответила я, указывая на ближайшее ко мне пятиголовое создание, решившее поточить зубы о стену.

— Ну, тогда я не могу вас пропустить.

— Но мне очень надо.

— С какой целью вы прибыли в первый сектор?

— Посмотреть достопримечательности...

— Простите...кхм, — он недоверчиво глянул на длинные волосы, чумазое лицо и плоскую грудь, — простите, сэр, но без пропуска я не могу позволить вам войти.

К сожалению, я не успела обидеться. Один из моих наиболее активных новоиспеченных братьев, что носился вокруг сломив пять шей, наконец, запнулся о длинный хвост мамы и рухнул прямо на стражу, придавливая всех четверых своей огромной прочной тушей. Спасибо, Павсикакий Второй. Ты избавил меня от необходимости представляться, злиться и действовать, однако, из-за тебя за воротами поднялся шум, и люди поумнее поняли, что огромное столпотворение гидр перед стеной не есть реклама тератогенных лекарственных веществ, а потому незамедлительно принялись шмалять огнями в небо, надеясь спугнуть неожиданных гостей.

Если вы вдруг почувствуете себя тупыми, то вспомните этих людей. Людей, что принялись отпугивать гидр огнем. Гидр, чье равнодушие к огню является общепризнанным банальным фактом. Может, судьба мне так помогает? Как бы то ни было, но мы с семьей довольно хладнокровно наблюдали за фейерверком, думая о том, что сегодня будет на ужин. Вопрос это был риторический и жестокий, но довольно обиденный, а потому возмущения совести не вызвал, несмотря на концепцию. Теперь, когда "главное" препятствие было, в самом деле, снесено с ног, я намеревалась исполнить план должным образом, а потому прыгнула на землю и подошла к воротам, делая вид, что пытаюсь их открыть. Будучи маминой любимицей (да, я без зазрения совести считала именно так), помощь пришла незамедлительно — гидра уперлась грудиной в массивные двери, оказывая на их поверхность все свое родительское влияние. Ворота поддались и рухнули, а после мне даже не пришлось напрягаться.

Стражи, стекающиеся к стене подобно муравьям, обнаружили во мне вполне логичный источник бед (если бы не трясина и грязь, скрывающие мою небезызвестную личность, они бы не действовали так опрометчиво), а потому тут же рванули в мою сторону, намереваясь убить, — во всяком случае они сами кричали о своих намерениях, и это не игра моего больного воображения. Как вы наверняка смогли понять, именно это обстоятельство и сыграло мне на руку. Если бы стражи первым делом бросились к гидрам, те могли бы и отступить, поддавшись своей извечной пассивности и своим принципам избегать дураков и прочей активной живности. Но воины первого сектора поступили так, как следует, то есть, в целом, разумно, за что и поплатились, — они напали на меня, на юного и мутантного детеныша гидры. Я тянуть братьев за хвост не стала, тут же послала эмоцию страха всем своим родичам, которое подобное посягательство на будущий род по душе не пришлось, и весь план пришел в действие так, как надо.

Гидры по своей природе создания хитрые, но вместе с тем довольно ленивые: большую часть жизни они проводят на болотах, где спят, едят и размножаются. Зимой они впадают в спячку, живут лет по пятьдесят, но часто умирают из-за болезней, которые люди могли бы и излечить. Но люди боятся гидр, гидры не жалуют людей (если обобщить, то они совсем никого не жалуют), однако, это одни из немногих созданий, кто является прекрасным родителем, и, более того, кто уважает и защищает всех кровнородственных тварей. Я в последнюю категорию не вписываюсь, но, кто знает, что в этой слизи быть могло. Естественных врагов у гидр почти нет: драконы их избегают по причине предполагаемого поражения, а болотные змеи пожирают только яйца и зародышей. Но пора заканчивать эти заметки из книги по дикой природе, потому что сейчас мои родственники очень активно топчут

врагов, а я должна им помочь.

Для начала я вырастила огромные венерины-мухоловки, сделав их собственной армией живучих растений с острыми зубами, — они должны были защищать гидр, сражаться с воинами, а также пугать население, которому я давала шанс выбраться из города живыми и невредимыми. После я начала продвигаться в глубь сектора, разбрасывая попутно семена с болот, — на их месте выростали розовые (как иронично) цветки, что разрастались с невероятной скоростью, превращая город в настоящие джунгли. По ним гидрам передвигаться было проще и приятнее, словно бы частичка дома с собой. Сами гидры шли сзади меня послушно: топтали неприятелей, сбивали их длинными хвостами и намеренно ревели так громко, чтобы никто не призвал драконов. Точнее, чтобы сами драконы решили не идти.

Когда со стороны замка к нам подспели императорские маги, я знала, что не одна. Яйра, что прибыла в сектор с противоположной стороны, заставила воду во всем регионе жить своей жизнью, и та тотчас затопила всю округу. От неожиданного грохота (так, рушилась канализация) я свалилась в воду и, наконец, помылась, обескуражив магов своей настоящей личностью.

— Херанука, Херанука! — закричали они, удивляя не только меня, но и население, однако, все стало на места, когда я увидела на их накидках герб Зоэтии. Теперь-то нет никаких сомнений в том, что Первия и эти песочники были в заговоре, но вот Павсикакий Второй вновь падает, и я иду дальше, думая о том, как неуклюжесть может быть опасна...

Передвигаться было тяжело: во-первых, повсюду была вода, а также розовые болотные цветы, поэтому мне пришлось забраться на гидру, что чувствовала себя очень даже комфортно. Во-вторых, мимо меня в панике бежали люди, которых мне было немного жаль, — не все ведь из них были согласны с диктатурой Первии. В-третьих, по нам начали стрелять настоящими вулканическими камнями, и мне приходилось постоянно возвращать рядом с гидрами толстые плющи, слой которых защищал мою родню от стремительных атак. Непрерывающийся контроль сильно выматывал, но я знала, что должна добраться до замка, где меня ожидала Яйра.

К сожалению, воинов становилось все больше. Безусловно, я прикидывала расположение войск, но делала ставку на меньшее их число в первом секторе. Строй у них был совершенным и идеальным, оружие магическим и сильным. В небе, наконец, закружили всадники, и я вдруг поняла, что волнуюсь за гидр больше, чем за себя. И, если наземной армии было трудно передвигаться по воде и мягкой растительности, то всадники имели некоторое преимущество, против которого я могла противопоставить лишь свою защиту, но не атаку.

Я мысленно отправила гидрам сильные сигналы об опасности, и те поразительно ускорились, взяв курс прямо на замок. Осталось немного... Нужно успеть...

Я прибыла в замок раньше Сисиль, но ждать не стала — одна из полыхающих башен была подобно флагу революции, предупреждая о союзной группе, поднявшей восстание в центре вражеского оплота. Благодаря Хоббиту (имя привязалось к нему именно из-за Сисиль, и он и сам, кажется, стал на него откликаться) нам удалось разрушить барьер, построенный придворными магами, и ныне мы стойко сражались с ними на передовой, точнее, в холле — полагаю, вся стража была занята поднятым восстанием. К сожалению, перевес был не на моей стороне: люди, поверившие моим словам и вставшие под мои знамена, были в большинстве простыми рабочими или селянами, тогда как им противостояли специально обученные маги. Тратить на них всю водную магию было опрометчиво. Я сильно потратилась, прорывая дамбы и канализации.

Когда восточная дверь слетела с петель, я боялась увидеть подкрепление Первии, ведь в подобном случае нам пришлось бы срочно отступить и дожидаться Сисиль, а терять время — терять единственное преимущество. К счастью, не успела я ступить и шагу назад, как из проема вылетел огромный атлант с дубиной наперевес. Этой самой дубиной он снес целую группу магов, чьи заклинания, безусловно, оказались бесполезны против северной груды мышц. Это помощь. И эта помощь предназначена нам!

Атлант явился не один — среди его товарищей я с удивлением обнаружила два знакомых лица. Одно из них оказалось братцем Сисиль, а другое — её обожаемым бардом, вот только самой Сисиль среди явившейся компании не обнаружилось. С атлантом и двумя талантливыми магами стало немного проще во многом благодаря тому, что Авалон замедлял врагов музыкальной магией, а Роузел призывал к себе в помощь молниеносные стрелы. Это дало мне возможность перевести дух, а также немного расслабить булки — я действительно уже была готова к быстрому отступлению... Как же я ненавижу постоянно сидеть в напряжении и волноваться, как бы тебе голову не снесли!

Сражение было кровопролитным: не знаю, за какую идею сражались маги, но обе стороны сражались отчаянно и до конца. Реки крови смешивались с водой, затопляющей помещения, и все мы, в конечном счете, оказались по щиколотку в кровавом озере — выглядело это жутко и почти тошнотворно из-за того, что все мы постоянно спотыкались о павших воинов.

Когда придворные маги отступили, мы перегруппировались, посчитали потери, а после быстро рванули в сторону, где горела башня. Там мы с удивлением для себя самих встретили дворцовых стражей, атакующих группу

из высокопоставленных лиц, во главе которых стоял Лайм! Под его руководством отряд занял оборонительную и крайне успешную позицию, приняв на себя все внимание врага и позволив нам напасть исподтишка. Атлант атаковать со спины не пожелал (честь воина, видите ли), а потому при своем наступлении истошно орал, привлекая внимание уже к своей персоне. Спасло его именно то, что орал он громко и истошно, отчего воины попросту растерялись и отпор дать не смогли.

Роузел подметил, что стражей здесь немного и что, скорее всего, оставшиеся воины охраняют Императриц, а, быть может, дают им возможность отступить! Мы не могли этого позволить. Как только дело на этом этаже было разрешено, и Лайм подтвердил опасения лилового братца, мы вновь спустились на первый этаж, окутанные дымом и надрывным кашлем. Если честно, то все происходило настолько быстро, что я не успевала замечать все происходящие события. Я видела воюющие группы, но понятия не имела, кто на нашей стороне, мимо пронеслась испуганная прислуга, и её крики смешивались с грохотом падающей башни. Ядра постоянно попадали в замок, создавая мощные взрывы и выбивая стекла прямо на нас, а голубое небо заполнялось черным дымом, из-за которого я даже не видела города. Всё тряслось, горело, кричало и надрывно плакало. Моя голова была готова вот-вот разорваться на части! Все мы люди, в конце концов, хоть и с особенностями, но как же слова лидеров могут появлять на мир! Наверняка, еще недавно эти враждующие были мирными соседями, посещающими вечерние чаепития...

К счастью или к сожалению, виноватой я себя не чувствовала. Эта революция была необходима всей Шеэтии, и более гуманного способа все остановить не было. Не мы начали эту войну. Наши действия — попытка противостоять тем, кто зажрался и понятия не имеет о том, что творит. У каждого человека есть право голоса, и, возможно, идиллия мира заключается в том, что лидеры должны уметь слушать и понимать своих подчиненных, а народ должен уметь отстаивать свои права.

Лайм вывел нас на задний двор, где посреди зарослей и плотного дыма стоял оседланный дракон. На него уже взбиралась Первия, а подле выжидательно стояли Аритька и Сильвия. Не дожидаясь нашего раскрытия, я вышибла первую Императрицу из седла водной магией, и та упала на землю в лужу из крови.

— Схватите их! — закричала Аритька. — Убейте!

Черт! Пока стража будет нас отвлекать, эти твари успеют отступить к Чертии! Нужно... Нам нужно что-то сделать! Мы... Что же делать!

В этот момент посреди битвы, возвысившись над всеми и бросив тень даже на огромного дракона, из дыма к нам выплыла многоголовая фигура, что одним своим появлением создала атмосферу страха и покорности. Из меня вырвался облегченный выдох, и, если бы не атлант, я бы рухнула на землю от усталости. На арену вышла разозленная и огромная гидра, на спине которой сияла мелкая, вечно опаздывающая фея. Она спрыгнула на землю, встряхивая грязными волосами, и спотнувшись о корень дерева, налетела на замершего вражеского стража:

— Дратуги.

Небо прояснилось лишь ночью, когда звезды, минуя мягкий оранжевый закат, усеяли иссиня-черное небо. Усевшись на широкий подоконник и свесив ноги на улицу, я задерживала взгляд то на полностью разрушенной башне, от которой осталось лишь основание, то на городе с его немногочисленными после разрушений огнями. Тишина, окутывающая замок, нисколько не успокаивала, даже настораживала, ведь после оглушительных взрывов, раздирающих глотку криков и рева монстров этого мира принять беззвучную атмосферу было почти невозможно — я до сих пор ждала подвоха, нападения, внезапного предательства, да чего угодно, лишь бы не расслабляться. Все, что произошло недавно, казалось чем-то отдаленным, будто бы чьим-то умелым рассказом, хотя, возможно, мой мозг попросту не мог осознать и принять масштаб случившегося, а масштаб был поистине огромным. Сотни восстаний по всей Шеэтии оставили позади настоящую разруху и злобу от обмана, а центром кропролития стал первый регион, где собственное правосудие творили мы. Безусловно, наши действия исходили из лучших побуждений, из стремлений к счастливой жизни, где все станут жить спокойно, но неужели к счастью и спокойствию ведут столь ужасные дороги? Да, мы победили, но стоит взглянуть на последствия, и сердце кровью обливается.

Я говорю о полной победе небезосновательно: после непродолжительного сопротивления Императрицы сдались в плен, а сражение в девятом регионе завершилось победой Мордора. Чертия погибла в сражении (к её трагическому исходу приложила руку именно Гертруда), а Первия, узнав об этом, отравила себя прежде, чем ей был вынесен приговор. Приближение войска атлантов к первому сектору поставило точку в революции, и все восставшие ныне пребывали в подземных тюрьмах, уцелевших при бомбежке. Возможно, я не совестлива, но и не аморальна, как может показаться на первый взгляд, а потому вид нескольких сотен плененных доставил мне муки, нежеле радость — навряд ли все эти люди были плохими. У каждого из них была своя, быть может, счастливая жизнь, но каждый из нас сражался за своё счастье.

Приговор возложили на мои плечи, будто бы я была единственной Императрицей, участвовавшей в восстании. Люди, что приняли сторону революции, называли меня инициатором, считая, что у меня уже есть планы касательно новых изменений, вот только я боролась исключительно за свободу, а не за право управлять этой свободой. К сожалению, Рагнарек сейчас был не в состоянии предстать перед народом, чтобы прилюдно вернуть себе власть, от которой его заставили отречься. Когда моих советников и моего мужа вынесли из наиболее глубоких камер, я думала, что они не дышат: израненные, окровавленные, изувеченные и обезображенные, — в тот момент я потеряла самообладание, о чем сейчас немного жалею. Я незамедлительно приговорила Арильку и Сильвию к казни, словно бы их гибель могла вернуть моим людям здоровье. Сейчас, несколько остыв, я поняла, что лишь собственноручно оставила на своем пути еще несколько тел, которым могла даровать жизнь. Да, они бы провели оставшееся время в сырых темницах, однако, я могла бы дать им время обдумать свою жизнь и свершенные ошибки. Кто я такая, чтобы превносить в эту жизнь собственную справедливость? Всех нас когда-нибудь будут судить, а потому в жизни каждый заслуживает если не прощения, то хотя бы времени...

Как бы то ни было, я вновь вступила туда, куда ступать не собиралась. По неизвестным пока еще причинам, Яйра и Гертруда отдали главенство мне — фее, что понятия не имеет о дальнейших шагах. И вот уже утро, а я сижу на чужом троне, в то время, как вокруг меня вертятся десятки советников, поддержавших восстание Лайма. Они предлагают мне сотни возможных дорог к новому будущему, где не будет места прошлым ошибкам, но я смотрю лишь на Лайма и Авалона, ожидая новостей от врачей.

— Народ должен знать, за кем следовать. Нужно уже завтра передать власть! — кричал старый казначей, помахивая длинной тростью. Этой же тростью он день назад толкал воинов с окон.

— Император не в силах предстать перед народом! И как он появится в таком виде? Это будет словно воплощение новой, израненной власти, — противился другой старик.

— Согласен, — вдруг сказал Лайм, — народ не последует за Императором. К тому же, тот, кто отрекся от власти, не сможет занять её вновь.

— Нужно подумать и новой столице.

— А как же центр?

— Давайте оставим центр.

— Там полностью разрушен замок. И здание суда, и...

— Заткнулись все! — закричала я, наконец, не выдержав и вскочив с трона. Пусть меня и посадили сюда, как главенствующее звено революции, я чувствуя себя украшением наподобие флага. И эти жалкие людишки думают совершенно не о том! — Сначала, раз уж мы начинаем новую жизнь, мы позаботимся о людях. Направьте врачей на оказание первой помощи всем пострадавшим, организуйте временные лазареты, тем, кто потерял дома, дайте временное пристанище во дворцах.

— Но Госпожа...

— Была команда — завалить хлебальники! Вытащите из складов припасы и раздавайте нуждающимся.

Формирование команд я оставляю на вас. После соберите всех магов земли из Академии и дайте им задание восстанавливать разрушенные дома.

— Как прикажете, — вдруг согласились советники, преклонив перед тронов колени, — и всё же, Господин Лайм совершенно прав. Что мы будем делать с властью. Быть может, вы...

— Я сказала идите!

— Да, Госпожа.

Когда грязный тронный зал опустел, я с брезгливостью слезла с трона, на котором когда-то восседала Первия. В этот момент, будто бы свалившись с неба, ко мне выскочила Эльфия, удушив в объятиях. Её примеру последовал и заплаканный Подсолнух, и ревуший Ждак, и Авалон, что стоял до этого тихо и неприметно. Только сейчас в этих знакомых объятиях я почувствовала себя спокойно. А ещё я почувствовала жуткую усталость. Дождавшись, когда все сделают шаг назад, ко мне подошел и Лайм, облегченно выдохнув в самое ухо, и вместе мы долго стояли, готовые заснуть стоя и так. Никто не сказал ни слова, дабы не нарушить витавшую в воздухе атмосферу воссоединения. Все и так всё знали без слов, а потому лишь улыбались, радуясь тому, что все живы, пусть не все в порядке: Харон и Азазель были без сознания, а Император, хотя и очнулся, попросил одиночества.

На следующий день в замок начали прибывать семьи, потерявшие дома: здесь им выделялись комнаты, а также пропитание. Подобные мероприятия проводились по всем регионам, в каждом из которых был временно назначен ответственный, и главные улицы неспешно очищались от завалов и глубоких дыр. Склады пустели, но люди были благодарны — они всячески помогали в восстановлении городов, помогая не только нам, но и друг другу. Когда вопрос коснулся разрушенной башни, я отдала приказ оставить её как напоминание о революции и погибших за новое будущее.

День шел за днем, и у нас было много работы. Вскоре очнулись и Харон с Азазелем, но у меня почти не было времени, чтобы отдать его дорогим людям. Нам очень здорово помогали атланты, но даже так восстановить разрушенные города было непросто. Было принято решение построить самые необходимые здания, а остальные отстроить после урегулирования вопросов власти — они сильно беспокоили меня. Беспокоили не тем, что Рагнарек больше не мог сесть на трон, и не тем, что на трон могли посадить лицо сомнительное, а тем, что посадить могли именно меня.

Идя во главе революции, я представляла себе возвращение к власти Императора и свою спокойную жизнь в Мордоре, однако, все оказалось совершенно другим. Мне даже не на кого перевалить эту ненужную кандидатуру! Яйра явно дала понять, что править более не желает, а Гертруда и вовсе решила удариться в военную сферу. Я предложила роль Императора Харону (все же тот был родственником Рагнарека), но он все последующие дни притворялся спящим. После я предложила роль Лайму, а тот сбежал, сославшись на занятость. Безусловно, повести за собой страну в такую разруху никто не желал, к тому же, на нового правителя возлагались тяжелые и слишком огромные надежды.

Следующим утром мы должны были вынести решение народу, и все, безусловно, смотрели на меня. Не успела я и слова сказать, как меня вытолкнули на площадь перед огромной толпой, что приветствовала меня довольными криками и хлопками. Я остановилась, как вкопанная, и посмотрела назад, но дверь уже заботливо закрыли, будто бы я могла сбежать. Нервно облизав сухие губы, я быстро пыталась придумать оправдание тому, что решение о новой власти задерживается, но в этот момент из других дверей выскользнул Рагнарек. Он был без маски, в простой рубахе, что прикрывала его раны, но не касалась их. Его придерживали двое слуг, и без их помощи он бы до площади не добрался. Стоя со мной рядом, он тяжело дышал, и я видела, что одна из ран открылась, смачивая алым цветом и бинты, и белую рубаху. Народ на площади благоговейно замолчал. Ко рту бывшего Императора поднесли специальное магическое устройство, позволяющее говорить громко, но он лишь отмахнулся от него, как от надоедливой мухи. С трудом поднимая руки, он водрузил на мою голову драгоценную корону, и стоило знаку власти оказаться в моих волосах, как люди начали громко и даже певуче кричать:

— Да здравствует новая Императрица! Да здравствует новая Шеэтия!

Рагнарек неожиданно спокойно и ласково улыбнулся.

Чтож, надеюсь, ты видишь это Сисиль.

Да здравствует Мордор!

Когда корабль причалил и трап опустили, я быстро спустился на мостовую, поправляя спадающие брюки — за прошедшую неделю в Рэтии я умудрился похудеть. Некогда приталенный белоснежный камзол висел на мне посеребрившим мешком, и золотые цепочки грустно болтались наряду с полуоторванными пуговицами, часть из которых Агриппина вырвала мне по простой прихоти. Не дожидаясь посланных сопроводить меня дипломатов, а также слуг, я побежал прямо в эпицентр столпившейся на набережной толпы, ловя заслуженную порцию восхищенных женских вскриков, — я и сам знаю, что чертовски красив, всё же мои родители не могли дать мне иную внешность. Возможно, это раздутое самомнение и аукнется когда-нибудь, но ныне я использую его исключительно в качестве юмора — не в моем положении хвастаться внешностью, когда я и сам все прекрасно знаю!

— Это же второй приц! Его Величество Лемниус! Рады видеть Вас в целости и сохранности! — услышал ; голоса откуда-то сбоку и лишь помахал рукой, адресуя улыбку всем, кто стоял в той стороне.

— Принц Лемниус! А как же экипаж? — бежал позади задыхающийся Хоббит, но я лишь неопределенно пожал плечами, не находя повода для ответа — Хоббит и сам все прекрасно знал. Карета будет слишком долго вылять по улицам, останавливаясь напротив родовых поместий известных родов, тогда как добежать до дома гораздо быстрее и приятнее на своих двоих. Мордор слишком красив, чтобы рассматривать его из окна экипажа.

Высокие здания в готическом стиле впитывали в себя краски заходящего солнца, и их прочные стены окутывались редчайшими цветами, какие только видел мир. Это была цветущая столица в прямом смысле слова, и каждый путник сдавался этой красоте под натиском безупречных ароматов, исходящих из бутонов. Изумрудная зелень, усыпанная мириадами цветков, дополнялась чистейшими ручейками, каменными мостиками и талантливо выполненными фонтанами, которые делали атланты лет десять тому назад.

Я выбежал на круглую площадь, с которой открывался вид на дворец и горы, в которых сиял храм, посвященной Богине Смерти. Странно осознавать, что когда-то эту Богиню боялись, ведь ныне все относятся в ней с почтением и благодарностью: она учит нас ценить жизнь и наслаждаться настоящим, не бояться смерти и ждать перерождения. Этот Храм — настоящая достопримечательность Мордора, ведь ни в одном из десяти великих городов нет ничего подобного. Наверное, лишь разрушенная башня из Первора внушает такой же трепет, да восстановленный замок прошлых Императоров в Центрере, который я видел, когда обучался в Академии.

— Ох, вы, в самом деле, весь в свою матушку... — задыхаясь произнес Хоббит, наконец, нагнав меня на площади и поднимая голову на большую статую прекрасной девушки верхом на пятиглавой гидре. Странно, что раньше все одомашнивали и разводили драконов да виверн. Я даже горд, что именно матушка привнесла это новаторство в нашу жизнь. Гидры очень спокойные, мне они нравятся.

— О, принц Лемниус, — оклинул меня знакомый голос, и я живо обернулся, широко улыбаясь.

— Дядя Азазель!

Он был, как всегда, верхом на черном слейпнире, что постоянно пользовался случаем и обнюхивал его искусственную ногу — дядя Азазель потерял её в Императорской войне. Перед ним, чуть приобнимая отца за талию, сидела красноволосая и светлокотая девочка с рожками — моя младшая сестрица, с которой мы были совершенно не похожи. Она осторожно выплянула из-за черной гривы и радостно помахала мне ручкой. Она такая маленькая, ей всего 4 года.

— Сел бы в карету, да проехался. Яйра уже какой раз зовет тебя к гости, а ты все идешь, да все мимо.

— Ну, хоть не Гертруда. Она помешалась на тренировках. Я не выдерживаю. Даже её муж-атлант не выдерживает.

— Не жалуйся, — рассмеялся Азазель, и его дочка рассмеялась вместе с ним. — Я бы тебя подбросил, но нам с Айрис нужно заехать ещё к моей бабуле.

— Так уж и быть, я не обижусь, — рассмеялся я, побежав дальше. Я сильно скучал по матушке и надеялся застать её во дворце до того, как она узнает о прибытии корабля. Она любит сюрпризы и сама любит их делать.

Пробегая мимо очередной зеленой улочки, я чуть замедлился, решив позвать Хоббита, и, воспользовавшись моментом, начал разглядывать свой родной род — великолепный замок, отливающий розовым цветом. Когда-то давно, еще до Императорской войны, когда Шеэтией правил дядя Рагнарек, наша страна была поделена на девять секторов, которыми управлял центр. Правил ими Императрицы, но мне всегда странно было думать об этом. Сейчас, когда вместо секторов есть десять великих городов, каждым из которых управляет доверенное лицо, подчиняющееся единым законам, иная система кажется старинной и неправильной. Эти доверенные лица входят в Совет, которым управляет матушка, ведь она истинная и величественная Императрица Шеэтии — во всяком случае, так её видят её поданные и другие страны. С семьей она совершенно другая. Настолько другая, что иногда мне кажется, будто у матушки развоение личности. Тем не менее, это обеспокоенное чувство проходит, когда матушка начинает ругаться матом на доверенных лиц. Матушка никогда не изменит себе.

Она многое пересмотрела, а мой отец усовершенствовал законы, хотя несколько старинных правил они все же нетронули, и одно из них разрешило маме иметь при себе нескольких мужей.

Я вбежал в замок через западное крыло, но даже там меня встретил Подсолнух. Он мягко улыбнулся, чуть поклонился, и я приложил палец ко рту, чтобы тот не шумел. Он отчего-то хитро улыбнулся, но понятливо кивнул. Наверняка, матушка сейчас рядом со столовой! Когда она в положении, она ест, как не в себя. Но её там не оказалось. Мне лишь приветливо помахала рукой Ольга — фрейлина матушки — да Ждак, что втихую подъедал какие-то пирожные.

Я вбежал на лестницу и подпрыгнул от неожиданности, когда с другой стороны мне навстречу выполз мой старший братец, первый принц Йормунганд. Это очень интересное имя дала ему матушка, хотя ни его дядя Рагнарек, ни кто-либо еще из дворца, не понял, откуда она вообще это придумала. Йормунганд был, как и я, похож на матушку, хотя белый хвост отличал нас существенно. Облокотившись о косяк, он хитро ухмыльнулся и выставил вперед кулак, я сделал то же самое. Цу, е, фа! Вот черт! Опять у меня камень, а у него бумага! Опять мне покупать ему мороженое на окраине!

— О, мелочь, вернулась! — рассмеялся басовитый голос, и дядя Харон, держа на плечах мою десятилетнюю сестрицу, отпихнул в сторону вездесущего Павсикакия. — Нашел в Роэтии девушку?

— Аж десять. Но таких, как мама, там нет.

— Слава Богине. Миру только не хватало еще одной такой дамы, как твоя мама. Твой батя вчера в Восьмион умотал. Будет только ночью.

— Вот как, спасибо, что сказали! А где дядя Авалон? С мамой?

— Наверняка. Если встретишь Эльфию, у нее спроси, она всегда в курсе, кто где шляется.

Радостно улыбувшись, я миновал еще один этаж и стремглав вломился в мамин кабинет. Он оказался пустым. Высунувшись в окно, я столкнулся с одной из голов дремавшей в саду гидры, но спрашивать у той, где матушка, было бесполезно. Возможно, стоило бы наведаться в гости к дяде Роузелу и тете Розалии, но мне уже лень идти в их поместье.

Возвращаясь назад, я заметил на столе сложенную вдвое записку, на которой виднелось мое имя, и тут же раскрыл послание, не сдерживая улыбку. Это вполне в её стиле:

"Дорогой Лемниус,

Твоя мама охренеть как задолбалась. Хочу пить на пляже вино и есть виноград, а не заботиться о правильном питании. Если ты читаешь это письмо, значит, я тебя не дождалась и пошла есть шашлыки к Арсену. Если ты поторопишься, то, возможно, тебе что-то достанется. Ольга должна будет проветрить мой кабинет, но у нее проверочка, а у нас щеколдочка. Как будешь уходить, запри дверь, она не должна знать, что я в ящиках прячу еду. Кстати, у меня будет двойня. А еще, если хочешь знать, то я не хотела столько детей. У меня матка не выдерживает. Вот Авалон какой оказался: молчал, молчал, а закинул глубоко.

Если ты опять проиграешь Йормунганду, то купи и мне мороженое. Тебе от Яйры подарок, лежит у тебя в комнате. Ещё в твоей комнате навалил кучку Павсикакий. Я не виновата. Скажи спасибо, что это обычный петух, а не кто-то еще.

Люблю, жахаю в десна и крепко обнимаю.

Приходи на шашлычок, буду ждать тебя здесь.

Я знаю, что ты угваздокал свою одежду, поэтому переоденься.

Глотай пули из Мордора, твоя любящая мама Сисиль..."

Больше книг на сайте - Knigoed.net